

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Астраханский государственный университет
имени В.Н. Татищева»

На правах рукописи

МАМЕТЬЕВ ИЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВИЧ

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ВОИНСКОГО КОНТИНГЕНТА КРАСНОЙ АРМИИ В 1918–1920 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Тимофеева Елена Георгиевна

Астрахань 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918–1920 ГГ.).....	35
1.1. Формирование структуры военного управления в РСФСР (1918–1920 гг.).....	35
1.2. Реализация государственной политики по созданию системы органов военного управления в Нижнем Поволжье (1918–1920 гг.)...	61
2. ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1918–1920 ГГ.....	95
2.1. Создание отрядов Красной армии на добровольческой основе в Нижнем Поволжье (январь – май 1918 г.).....	95
2.2. Формирование контингента РККА в Нижнем Поволжье на основе принципа всеобщей воинской повинности (май 1918 – декабрь 1920 гг.).....	117
3. МЕРЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДЕЗЕРТИРСТВУ ИЗ РЯДОВ РККА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (1918–1920 ГГ.).....	150
3.1. Причины и масштабы дезертирства из Красной армии.....	150
3.2. Организация борьбы с дезертирством на территории Нижнего Поволжья.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	196
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Научная проблема, исследуемая автором, имеет несомненную историческую и политическую актуальность. Она определена устойчивым научным интересом к вопросам военного строительства Красной армии, в том числе к политике государства в области комплектования и формирования вооруженных сил личным составом в различных регионах России.

Повышение уровня обороноспособности нашей страны является одним из наиболее важных и часто обсуждаемых вопросов. В современном российском обществе с опорой на исторический опыт проходят острые дискуссии о роли и месте Вооруженных Сил Российской Федерации в системе государственной безопасности, принципах их дальнейшего развития, включая организацию мобилизационных мероприятий.

В период Гражданской войны РСФСР оказалась в крайне тяжелых условиях: наступление по всем фронтам «белых» армий, иностранная интервенция, враждебные действия со стороны «зеленых» отрядов, сепаратизм значительной части населения бывшей Российской империи могли поставить под сомнение само существование новой Советской Республики. Несмотря на это советскому руководству удалось, используя все имевшиеся ресурсы, бюрократический аппарат и идеологию, своевременно провести крупные мобилизации населения и восстановить дисциплину в армии, тем самым переломить ход Гражданской войны в свою пользу.

Значимость исследуемой проблемы усиливается тем фактом, что политика государства в отношении военного строительства и укрепления армии в РСФСР периода Гражданской войны и современной Российской Федерации определяется рядом факторов, имеющих сходные черты: внешние вызовы, требующие мобилизации усилий государства по обеспечению безопасности, очаги военно-политической нестабильности на границах, диктующие потребность централизованной и мотивированной армии, экономическое и

политическое давление извне, вынуждающее полагаться на внутренние ресурсы в сфере военного строительства, а также необходимость реализации реформирования вооруженных сил в условиях ведения боевых действий.

Тема актуализируется в связи с открытыми для исторической науки вопросами о причинах уклонения части крестьян от службы в Красной армии в исследуемый период. Дополнительные ответы требуют вопросы, связанные с преодолением кризисных явлений в рамках формирования частей РККА.

Рассмотрение проблем формирования воинского контингента частей Красной армии с точки зрения региональной специфики усиливает актуальность исследования. Это подтверждается диссертационными работами по общим вопросам военного строительства большевиками, формированию органов управления вооруженными силами РСФСР, проблемам комплектования личным составом частей РККА. Вместе с тем, проблема формирования Красной армии в регионах в период Гражданской войны недостаточно изучена исследователями. Это обуславливает необходимость обращения историков к изучению деятельности местных органов военного управления в решении вопросов военного строительства на основе анализа источников общероссийского и регионального уровней, введения новых материалов в историческую науку.

Реализация политики Советского государства по формированию воинского контингента Красной армии в одном из крупных российских регионов – Нижнем Поволжье осуществлялась в контексте общих задач обороны страны, создания вооруженных сил в 1918–1920 гг., в направлении эволюции содержания и методов военного строительства. В перечне поставленных автором задач данная научная проблема исследуется впервые, что позволило конкретизировать общие процессы, связанные с организацией вооруженных сил, показать специфику реализации мобилизационной политики Советского государства на местах.

Таким образом, актуальность исследования проблемы государственной политики по формированию воинского контингента частей Красной армии в

Нижнем Поволжье в годы Гражданской войны является обоснованной и объясняет выбор темы диссертации.

Объект исследования – государственная политика по формированию воинского контингента Рабоче-крестьянской Красной армии в 1918–1920 гг.

Предметом исследования является реализация государственной политики по формированию воинского контингента частей Красной армии в Нижнем Поволжье в 1918–1920 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1918–1920 гг. Определение нижней границы связано с формированием после октябрьских событий 1917 г. новым советским руководством страны военной политики, выходом 15 января 1918 г. декрета Совета Народных Комиссаров о создании Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).¹ Выбор верхнего рубежа исследования обусловлен рядом факторов: завершением полномасштабных боевых действий в ноябре 1920 г.; утвержденным 29 декабря 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов постановлением «О сокращении армии», которое стало официальным переходом государственной политики в области военного строительства на «мирные рельсы» с поэтапной демобилизацией из Красной армии; прекращением практики мобилизаций в регионах и переходом на срочную службу; сворачиванием деятельности комиссий по борьбе с дезертирством².

Территориальные рамки исследования определены пространством Нижнего Поволжья в границах трех губерний: Астраханской, Царицынской и Саратовской. В контексте изучения государственной политики по формированию Красной армии регион представляет особый интерес. На его территории практически непрерывно велись боевые действия с начала 1918 г. до середины 1920 г. Отдаленность Нижнего Поволжья от Москвы, острая необходимость в мобильном формировании боеспособных воинских частей, вынуждали местные органы власти проявлять самостоятельность при решении

¹ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 503.

² Декреты Советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986. С. 121.

мобилизационных вопросов, внося коррективы в утвержденные центром планы. Особенность Нижнего Поволжья – значительная доля «иностранческого» компонента в составе населения, требовала от местных руководителей особого подхода и к вопросам создания национальных воинских частей.

Степень научной разработанности темы. Вопросы государственной политики по формированию воинского контингента частей Красной армии нашли свое отражение в значительном количестве научных исследований. Проблема создания вооруженных сил РСФСР рассматривалась в советской, российской и зарубежной исторической науке с разных ракурсов и проблемных аспектов. Несмотря на большое количество исследований, посвященных формированию воинского контингента Рабоче-крестьянской Красной армии в 1918-1920 гг., данная проблема в территориальных границах Нижнего Поволжья слабо отражена в исторической науке. Вместе с тем работы отечественных и зарубежных исследователей позволили выявить малоизученные аспекты военно-организаторской деятельности большевиков.

В изучении истории советского военного строительства в годы Гражданской войны можно условно выделить несколько историографических этапов: 1) 1920-е гг. – начало 1930-х гг.; 2) начало 1930-х – начало 1950-х гг.; 3) середина 1950-х – конец 1980-х годов, 4) 1990-е годы – по настоящее время. На концептуальное и фактологическое содержание исследований отечественных историков значительное влияние оказывала общественно-политическая обстановка в стране.

Первые исследования по истории создания Красной армии стали появляться сразу после завершения Гражданской войны. Советская историческая наука в этот период находилась на этапе зарождения. Начинался процесс формирования методологии на основе марксизма-ленинизма, источниковой базы и основных исследовательских проблем.

Р.И. Березин предпринял первую попытку периодизации становления вооруженных сил РСФСР периода Гражданской войны: 1) конец 1917 г. – начало весны 1918 г. – время добровольчества и отрядной системы; 2) пере-

ход к централизованной военной структуре с момента создания Высшего военного совета в марте 1918 г.¹ В работах А.Н. Анишева и Н.Н. Мовчина стремительный рост численности Красной армии рассматривался как закономерный итог классовой борьбы и желания большей части крестьянства и пролетариата с оружием в руках защищать достижения революции². С критикой труда Н.Н. Мовчина выступил бывший главнокомандующий Красной армии С.С. Каменев. В предисловии ко второму тому «Гражданская война 1918-1921 гг.» он отметил, что ранние работы, (в частности труд Н.Н. Мовчина) являются схематичными из-за использования крайне ограниченного круга источников³. Большое внимание исследователи уделяли проблеме дезертирства из Красной армии. Основным трудом по данному вопросу можно считать монографию С. Оликова. Впервые в отечественной историографии дезертирство было определено как следствие социально-экономических проблем, с которыми сталкивались рядовые граждане РСФСР⁴.

Крупные работы, затрагивающие особенности организации вооруженных сил в Нижнем Поволжье, не публиковались. Однако нельзя не отметить сборники статей участников революции и Гражданской войны Саратовской и Астраханской губерний⁵. Сборники содержат в себе информацию о ранней истории и организации советских органов власти в Нижнем Поволжье, деятельности по привлечению добровольцев в РККА, проведении первых мобилизаций. Военное строительство на юге России отражено в работах Ф.А. Анулова, Л.Л. Ключева, Н.Е. Какурина и И.И. Вацетиса. Основным источником пополнения воинских частей Царицынской губернии Ф.А. Анулов и Л.Л. Ключев определяли местный рабочий класс, беднейшее крестьянство и

¹ Берзин Р.И. Этапы организации и развития Красной Армии. Харьков, 1920. С. 27.

² Анишев А.Н. Очерк истории гражданской войны 1917–1920. Л., 1925; Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии. Л., 1926.

³ Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 213.

⁴ Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926.

⁵ Пять лет пролетарской борьбы, 1917–1922. Саратов, 1922; Три года борьбы астраханского пролетариата. Астрахань, 1920.

«иногороднее» казачество¹. Работы советских авторов 1920-х гг. отличаются ограниченным подбором фактологического материала. Региональные аспекты событий этого периода в отечественной историографии, по мнению советского и российского историка А.Л. Литвина, «не были приведены хотя бы в виде иллюстрации»².

Альтернативные точки зрения по проблеме создания Красной армии были представлены в трудах *русских эмигрантов*. Первая работа, затрагивающая проблему становления Красной армии в период Гражданской войны, была опубликована С.С. Масловым в 1922 г. Автор утверждал, что военное строительство в РСФСР держалось только на наработках и накопленных ресурсах Российской империи, главным рычагом удержания красноармейцев на фронте стали массовые репрессии³.

В исследованиях П.Н. Милюкова и Ст. Ивановича (С.О. Португейса) представлен альтернативный марксистско-ленинскому подход. П.Н. Милюков считал, что Красная армия носила не классовый, а национальный характер. Похожая точка зрения прослеживается в монографии Ст. Ивановича (С.О. Португейса) «Красная Армия». По его мнению, Красная армия имела такой же социальный состав, структуру командования и офицерские кадры, как и «старая армия».⁴ Н.Н. Головин считал, что бывшее офицерство сыграло ключевую роль в создании Красной армии⁵. Несмотря на альтернативные интерпретации военного строительства в РСФСР, для историографии рос-

¹ Анулов Ф. Красный Верден (Борьба за Царицын в 1918–1919 гг.) // Сборник трудов Военно-научного общества. М., 1922. Кн. 3; Клюев Л. Борьба за Царицын (1918–1919 гг.). М.; Л., 1928; Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921 гг. / под ред. Бубнова А.С., Каменева С.С., Тухачевского М.П., Эйдемана Р.П., Лебедева П.П., Егорова А.И. СПб., 2002.

² Литвин А.Л. Некоторые итоги и перспективы изучения начального этапа советского военного строительства в Поволжье и Приуралье // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981. С. 275.

³ Маслов С.С. Россия после четырех лет революции: в 2 кн. Кн. 2: Общие социально-психические перемены. Интеллигенция. Крестьянство. Рабочие. Армия. Учащиеся. Коммунистическая партия. Париж, 1922.

⁴ Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Париж, 1927; Иванович Ст. (Португейс С.О.). Красная Армия. Париж, 1931.

⁵ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Таллин, 1937.

сийской эмиграции 1920–1930-х гг. характерны ограниченная источниковая база, ярко выраженная субъективная оценка описываемых событий, жесткая критика советских политических и военных деятелей.

В начале 1930 – начале 1950-х гг. в связи со становлением культа личности И.В. Сталина акценты в исследованиях Гражданской войны сместились. В статье К.Е. Ворошилова в сборнике 1930 г. «Революционный Сталинград» подчеркивалась исключительная роль И.В. Сталина в деле военного строительства, в противовес «вредительской» линии Л.Д. Троцкого по привлечению военспецов в Красную армию¹.

15 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление о подготовке издания «Истории гражданской войны», которое должно было состоять из 10–15 томов. Редактировать этот труд призвана была Главная редакция, в которую входили М. Горький, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, С.М. Киров, А.С. Бубнов, Я.Б. Гамарник и И.В. Сталин. Боевые действия в Нижнем Поволжье предполагалось отражать с позиции обороны Царицына, которой посвящалось семь глав². Работа над этими главами велась Э.Б. Генкиной и Г.Е. Меерсоном. Несмотря на то, что труд не был опубликован, наработанные данные по этой теме нашли свое отражение в докторской диссертации Э.Б. Генкиной «Оборона Царицына в 1918 г.», которая легла в основу выпущенной в 1940 г. монографии. В работе Э.Б. Генкиной деятельность И.В. Сталина по созданию собственных органов военного управления в обход центральной линии, а также привлечение в Красную армию исключительно рабочих и крестьян, описана как важнейшее событие, определившее дальнейший ход Гражданской войны³. Схожие тезисы представлены в монографии В.А. Меликова⁴.

¹ Революционный Сталинград / ред.: Н.Н. Соколов. Сталинград, 1930.

² История гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией. М., 1932. С. 52–54.

³ Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940.

⁴ Меликов В.А. Героическая оборона Царицына. М., 1940.

В этот период появляются исследования регионального характера. Боевым действиям в Саратовском Поволжье посвящены статьи В. Бердинцева и А. Головлева. Авторы внесли значительный вклад в описание подготовки добровольческих отрядов Красной армии зимой-весной 1918 г. и деятельности местного агитационно-вербовочного аппарата. По мнению В. Бердинцева, большевикам удалось привлечь на свою сторону большую часть середняцкого крестьянства, что обеспечило численное превосходство красных над «контрреволюционными» силами¹.

В 1937 г. вышел сборник статей под редакцией В.Н. Алексеева «Оборона Царицына». Авторы уделили особое внимание институту военных комиссаров, противопоставляя их идеологическую лояльность враждебности военспецов. В сборнике отражены основные тенденции развития исследования Гражданской войны в общероссийском масштабе и Нижнем Поволжье². Внимания также заслуживают статьи И.Ф. Ткачёва, в которых описаны мероприятия по формированию военных комиссариатов в Царицынской губернии, методы и результаты работы «царицынской группы» по обороне города³. Несмотря на привлечение данных центральных и региональных архивов, периодической печати, авторы не ссылались на работы историков 1920-х гг. В статьях отсутствуют ссылки на документы, связанные с деятельностью Л.Д. Троцкого и его сторонников. Военно-организаторская деятельность в Нижнем Поволжье рассматривалась только в контексте обороны Царицына.

В середине 1950-х – конце 1980-х гг. в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране тематика исследований значительно расширяется. Начало данному периоду положили решения XX съезда КПСС (1956 г.), связанные с критикой культа личности Сталина, он завершился

¹ Бердинцев В. Эпизоды борьбы с контрреволюцией в Саратове в 1918 году // В боях за диктатуру пролетариата. Саратов, 1933. С. 9–15; Головлев А. Первые отряды Красной армии // Коммунист (Саратов) 1938. 23 февраля.

² Оборона Царицына / под ред. Алексеева В.Н. Сталинград, 1937.

³ Ткачев И. Первое окружение Царицына (1918 год) // Война и революция. 1935. № 1. С. 7–31; Его же. Борьба за красный Царицын // Там же. 1935. № 3. С. 3–14.

постепенной отменой идеологических и цензурных ограничений во второй половине 1980-х гг.

Тенденция к исследованию региональной истории Гражданской войны продолжилась в трудах краеведов Нижнего Поволжья. П.С. Сысоев, А.А. Герман, Н.В. Мушкатеров, Н.И. Толкачев описали события революции и Гражданской войны в Астраханской губернии. Историки проделали большую работу, детально рассмотрев события Гражданской войны в Астраханской губернии в хронологической последовательности. Однако приведенные количественные данные местных призывов в Красную армию не имеют ссылок на источники, что является главным недостатком упомянутых работ¹.

Формированию вооруженных сил в Саратовском Поволжье посвящены работы А.Ф. Назарова и Е.И. Медведева. Е.И. Медведевым были рассмотрены основные аспекты создания добровольческих отрядов Красной армии на примерах Николаевского и Новоузенского уездов. А.Ф. Назаров подробно рассмотрел формирование саратовской «Восточной армии» зимой 1918 г., которую определил как главную силу в подавлении контрреволюционных выступлений в Астрахани и на Урале².

В трудах В.И. Томарева, П.А. Голуба и М.А. Водолагина освещены вопросы создания вооруженных сил в Царицынской губернии. По-новому оценивалась роль военспецов в деле создания и управления Красной армией. М.А. Водолагин отмечал, что в деле военного строительства И.В. Сталин совершил ряд ошибок, например, добиваясь отставки опытного и лояльного большевикам военрука Северо-Кавказского военного округа А.Е. Снесарева. По мнению автора, дискуссия по поводу привлечения военспецов в Красную армию в 1918 г. стояла особенно остро, поражение в ходе нее И.В. Сталина

¹ Герман А.А. Мушкатеров Н.В., Сысоев П.С. Оборона Астрахани в 1918–1919 гг. 1957; Мушкатеров Н.В., Сысоев П.С. Из истории борьбы большевиков за упрочение Советской власти в Астрахани. Астрахань, 1957; Мушкатеров Н.В. Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае (1918–1920 гг.). Астрахань, 1961; Толкачев Н.И. Солдаты Октября. Астрахань, 1958.

² Назаров А.Ф. В огне Гражданской войны. Саратов, 1958; Медведев Е.И. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 году. Куйбышев, 1959; он же. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974.

позитивно повлияло на создание боеспособных и дисциплинированных вооруженных сил.¹ Историки В. Дудник и Д. Смирнов, в противовес деятельности И.В. Сталина, положительно оценивали принятые царицынским военруком А.Е. Снесаревым меры по созданию вооруженных сил на принципах единоначалия, попытки борьбы с возрождением выборности командного состава².

В 1970-е гг. внимание историков сфокусировалось на исследовании ранее малоизученного добровольческого этапа формирования вооруженных сил РСФСР. Созданию первых отрядов Красной армии в Нижнем Поволжье посвящены труды А.В. Афанасьева, Г.А. Герасименко, Ф.А. Рашитова, В.В. Васькина. Авторами был введен в научный оборот широкий круг неопубликованных ранее архивных источников и материалов периодической печати. Строительство Красной армии рассматривалось как комплекс мер агитационно-политической деятельности партии большевиков по просвещению и организации «тёмных народных масс»³.

В начале 1980-х гг. круг исследовательских проблем значительно расширяется. В работах историков превозносилась роль партии большевиков в организации вооруженных сил РСФСР. В основном труде, посвященном Гражданской войне в России, коллективом авторов отмечалось, что боеспособность войск Красной армии напрямую зависела от количества партийных работников в частях. В частности, неудачи РККА в 1918–1919 гг. на Юге России, в том числе в Нижнем Поволжье, обосновывались острой нехваткой

¹ Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград, 1967; он же. Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М., 1968; Томарев В.И. Пролетариат Царицына в борьбе за власть Советов. Сталинград, 1957; Голуб П.А. Установление и упрочнение Советской власти в Царицыне. Сталинград, 1954.

² Дудник В., Смирнов Д. Вся жизнь – науке (О советском военном деятеле А.Е. Снесареве, 1865–1937) // Военно-исторический журнал. 1965. № 2. С. 47–57.

³ Афанасьев А.В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978; Васькин В.В. Солдаты гарнизонов Нижней Волги в борьбе за власть Советов: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1972; Герасименко Г.А., Рашитов Ф.А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972.

большевиков в подразделениях¹. Тезис о том, что РКП(б) являлась не просто партией-авангардом в ходе классовой борьбы, а основным и единственным стержнем в борьбе с «мировым империализмом», на материалах Нижнего Поволжья обосновывается в диссертации А.А. Германа². В энциклопедической работе С.С. Хромова отмечалось, что успехи создания Красной армии стали прямым следствием политической работы большевиков³.

С началом «перестройки» акценты в исследованиях сместились. Попытки поиска альтернативных путей развития СССР усилили интерес к исследованию применения опыта буржуазно-дворянской интеллигенции в различных областях народного хозяйства и управления в интересах Советского государства. В монографии А.Г. Кавтарадзе подробно анализируется политика государства по привлечению военных специалистов в Красную армию. Несмотря на то, что работа не выходит за рамки марксистской методологии, автор отмечает тот факт, что без использования опыта кадровых офицеров «старой» армии было невозможно построить собственные вооруженные силы⁴. В статье Ю.А. Полякова (1990 г.) отражено стремление к переоценке многих утвердившихся в советской историографии положений. Впервые в советской исторической науке был озвучен тезис о том, что Красная армия носила не классовый, а национальный характер⁵.

Отдельные научные работы, посвященные реализации государственной политики по созданию вооруженных сил в Нижнем Поволжье, практически не издавались. Проблемы военного строительства вскользь освещались в краеведческих работах общего плана. Так, в монографии В.И. Томарева и

¹ Гражданская война в СССР: В 2 т. / под общ. ред. Азовцева Н.Н. 1980–1986.

² Герман А.А. Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985.

³ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / под ред. С.С. Хромова. М., 1987.

⁴ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. М., 1988.

⁵ Поляков Ю.А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 98–117.

В.И. Роговицкого подчеркивалась особая роль агитационной работы партии большевиков в Царицынском уезде при формировании воинского контингента¹. Региональный аспект представлен в диссертациях В.А. Кузнецова, В.Н. Дариенко и С.Ю. Малышевой², основывавшихся на ленинском понимании процесса создания Красной армии и ее классового характера. Таким образом, региональные исследования конца 1980-х не следовали общесоюзным тенденциям, сохраняя методологические подходы и тематики исследования предыдущего периода.

В постсоветский период происходит отход от марксистско-ленинской методологии. В современной литературе о Гражданской войне в России используются разные методологические подходы – от формационного до цивилизационного. В исследованиях активно используются наработки «новой политической», «новой социальной» и «новой культурной» истории, что способствует новой концептуализации Гражданской войны как научной проблемы³.

Важным исследованием по рассматриваемой проблематике следует признать монографию М.А. Молодцыгина. Автор ввел в научный оборот новые документы и акцентировал внимание на сложностях и проблемах, сопровождавших управление Советскими Вооруженными Силами в период их становления.⁴ Результаты научного анализа вопросов формирования и функциони-

¹ Томарев В.И., Роговицкий В.И. Волгоград: хроника истории. 1589–1989. Волгоград, 1988.

² Кузнецов В.А. Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на Юго-Востоке страны 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991; Малышева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991.

³ Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. СПб., 2019. Т. 9. № 3. С. 764.

⁴ Молодцыгин М.А. Красная Армия рождение и становление 1917–1920 гг. М., 1997.

рования системы военного управления в общероссийских масштабах представлены в работах М.В. Фоменко, Г.М. Ипполитова и А.Х. Лукманова¹.

В 2000-е гг. возрос интерес к региональным аспектам строительства вооруженных сил. В диссертациях Р.Ю.Полякова, С.И. Козловского, А.Б.Кузьмина, Е.О. Наумова и В.К. Лузикова рассматриваются проблемы создания органов военного управления и результаты их деятельности по формированию частей Красной армии в отдельных губерниях РСФСР². В трудах С.С. Войтикова исследуются вопросы дискуссии в среде военного руководства по поводу стратегии и методов построения вооруженных сил в период Гражданской войны³. Изучение противостояния военных теоретиков в исследуемый период нашло продолжение в работе А.В. Черепанова⁴.

¹ Фоменко М.В. Центральные органы управления Вооруженными Силами Советского государства в октябре 1917 – августе 1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Фоменко М.В., Лукманов А.Х. Государственное управление вооруженными силами (октябрь 1917-август 1923 гг.). М., 2009; Лукманов А.Х. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг.): опыт компаративного анализа. Самара, 2005.

² Поляков Р.Ю. Военно-мобилизационная работа местных органов военного управления в 1918 – начале 1919 гг.: По материалам Пензенской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Козловский С.И. Формирование частей на территории Вятской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002; Кузьмин А.Б. Губернские и уездные военные комиссариаты в 1918–1920 годах: На материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской и Костромской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2006; Лузиков В.К. Формирование и комплектование частей и соединений Красной Армии в 1918–1920 гг. (по материалам Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016; Наумов Е.О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. Долгова А.В. Борьба с дезертирством в Красной Армии во второй половине 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки: история и политология. 2010. Вып. 3 (83). С. 340–345; она же. Методы борьбы с дезертирством в годы Гражданской войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 9. С. 171–178.

³ Войтиков С.С. Разногласие есть и вынесено в печать: дискуссия по военному вопросу в советской России во второй половине 1918 – начале 1919 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 8–24; «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиррова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 120–150.

⁴ Черепанов А.В. Развитие отечественной военной доктрины по материалам дискуссии 1911–1930-х гг.: проблемы внедрения и понимания единой военной доктрины царскими и советскими военными теоретиками // Clío-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. 2019. Вып.10. С. 138–144.

Большое внимание историки уделяют изучению проблемы отношения крестьянского населения к политике мобилизации в Красную армию. Т.В. Осипова высказала идею о том, что большевики, применяя к крестьянам только методы принуждения, настроили их против себя¹. Отношение крестьянства к мобилизации в Поволжье рассматривается в трудах А.В. Посадского, В.В. Кондрашина, А.В. Долговой и М.С. Френкина. А.В. Посадский ставит знак равенства между дезертирством и «зеленым» движением. Говоря о нежелании большей массы крестьян «вставать в строй», А.В. Посадский отмечает, что системная и гибкая политика большевиков по борьбе с дезертирством оказалась более эффективной, чем в белых армиях, которые использовали в основном только карательные методы². В 12-м томе многотомной академической «Истории России» авторами обозначен схожий тезис о том, что в период наступления белых армий (особенно Деникина летом 1919 г.) ослабевало дезертирство, успешнее проходила мобилизация, крепла лояльность крестьянства по отношению к Советской власти³.

В 2010–2020-е гг. возрастает внимание исследователей к проблемам военного строительства в Нижнем Поволжье. Переоценка исследовательских подходов и выводов, представленных в региональных советских исследованиях, отражена в трудах А.В. Гончарова, В.Н. Данилова и В.В. Васильева. Последний в кандидатской диссертации отметил, что «Восточная армия» состояла в основном из деклассированных элементов, поэтому, несмотря на многочисленность, она оказалась не способна подавить восстания казаков на

¹ Осипова Т.В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 90–162.

² Посадский А.В. Атаманщина и партизанщина в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015; Крестьянский фронт, 1918–1922 гг. М., 2013; Зелёное движение в гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М., 2018; От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010; Лидеры смуты 1918–1922 гг. Биографические материалы. М., 2017; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009; Френкин М.С. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987.

³ История России: в 20 томах. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура. / под ред. В.В. Кондрашина, В.И. Голдина. М., 2024.

Урале и в Астрахани¹. А.А. Симонов выдвигает схожий тезис о том, что красноармейцы вначале не имели военного опыта и дисциплины, что в итоге привело к поражениям и роспуску армии Саратовского Совета весной 1918 г.²

А.А. Герман подробно изложил особенности формирования воинского контингента на территории Немецкой автономии, созданной из уездов Саратовской и Самарской губерний. Показав большую роль подразделений немцев Поволжья в боях 1918 г., автор приходит к выводу о том, что в 1919–1920 гг. в частях наблюдалось резкое падение дисциплины и массовое дезертирство, обусловленное общей усталостью от войны и экономическими проблемами автономии³.

А.В. Калякина на материалах Саратовского Поволжья отмечает большую роль сформированных из военнопленных в начале 1918 г. красноармейских частей в поддержке власти местных Советов. Автор подчеркивает, что распространение марксистских идей среди военнопленных стало главной причиной их перехода на сторону большевиков⁴.

Проблеме создания воинских частей и мобилизации людских ресурсов в Красную армию в Царицынской губернии посвящено исследование В.Л. Гончарова. Автор утверждает, что комплектование воинских соединений в регионах проходило согласно «раздутому» штату Сибирской дивизии. По мнению В.Л. Гончарова, даже к концу войны не удалось создать ни одной такой полноценной дивизии, что говорит о неграмотном распределении людских ресурсов в Красной армии⁵.

¹ Гончаров А.В., Данилов В.Н. Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов, 2000; Васильев В.В. Вооруженные Силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук, 2007.

² Симонов А.А. Красная армия Саратовского Совета (весна 1918 г.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3 (21). С. 57–65.

³ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. М., 2007.

⁴ Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014.

⁵ Гончаров В.Л. Возвышение Сталина: оборона Царицына. М., 2010.

Деятельность большевиков по созданию воинских частей на Царицынском направлении проанализирована в работе В.В. Каминского. Автор считает, что важной специфической чертой большевистского Южфронта в 1919 г. стал интенсивный рост численности личного состава Красной армии в регионе. Позитивно на результат боевых действий повлияла политика большевиков по формированию кавалерийских частей, что привело к потере А.И. Деникиным своего главного преимущества – маневренности. Особое значение в деле создания вооруженных сил играла политика Л.Д. Троцкого по привлечению военспецов, в первую очередь, выпускников академии Генерального Штаба. В.В. Каминский отмечал, что основной мотивацией вступления бывших генштабистов стал материальный вопрос и карьера¹. В противовес этому мнению А.В. Ганин выделяет «патриотическую» мотивацию вступления офицерства в Красную армию².

Большое внимание в современной историографии уделяется проблемам привлечения «инородцев» на службу в Красную армию. Государственной политике по формированию национальных частей посвящена монография А.Ю. Безугольного. Основой работы послужили диалектический подход и количественный метод, которые позволили автору детально изучить качественные и количественные характеристики результатов деятельности большевиков по формированию национальных частей РККА³.

Специфика мобилизации калмыков на территории Астраханской губернии отражена в трудах У.Б. Очирова, Н.Г. Очировой, М.К. Фадеева и К.Н. Максимова. Подчеркивая стратегическую важность Калмыцкой степи, авторы отмечают, что недоверие астраханских большевиков к калмыцкому населению приводило к перегибам во время проведения мобилизационных

¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011.

² Ганин А.В. О книге В.В. Каминского «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии» // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2012. Т. 11. С. 528.

³ Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021.

мероприятий. Тем не менее, калмыцкий народ, принявший активное участие в боевых действиях, практически полностью исчерпал свой мобилизационный ресурс к концу Гражданской войны¹.

Вопросы военного строительства на территории Астраханской губернии, противодействия местного крестьянства мобилизациям в Красную армию отражены в статьях Е.Г. Тимофеевой, С.В. Лебедева, А.О. Тюрина. На примере восстания Е.С. Попова авторы показали, что мобилизация в Красную армию не встречала сочувствия в астраханской деревне, в результате чего часть крестьянства оказывала вооруженное сопротивление большевикам².

Вопросы общереспубликанского военного строительства представлены в зарубежной историографии работами Э. Модсли и Э. Зимке, дающими общую характеристику формирования Красной армии на добровольной и призывной основе³. Боевым действиям на Юге России, организации Красной Армии и результатам мобилизаций посвящено несколько монографий американского историка П. Кенеза⁴.

Проблема дезертирства из Красной армии прослеживается в работах итальянского историка А. Грациози⁵, американского исследователя Р. Пайпса⁶. Причины дезертирства из Красной армии в Поволжье в контексте

¹ Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006; Национальный вопрос в политике противоборствующих сторон в период Гражданской войны (на примере Калмыкии) // Клио. СПб., 2006. № 2 (33). С. 149–155; Максимов К.Н., Очирова Н.Г. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста, 2009; Фадеев М.К. Военное строительство в Калмыкии в годы Гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 2004.

² Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Тюрин А.О. Крестьянский протест в Енотаевском уезде Астраханской губернии в годы Гражданской войны // Манускрипт. Тамбов, 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 836–843; Протестные настроения и выступления крестьян Астраханской губернии в 1918 году // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань, 2021. № 4 (69). С. 39–44.

³ Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987; Ziemke E. The Red Army, 1918–1941: From Vanguard of World Revolution to US Ally. London, 2004.

⁴ Kenez P. Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army. 1977.

⁵ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.

⁶ Pipes R. The Russian Revolution. N.Y., 1990.

исследования влияния революционных событий на жизнь российского крестьянства раскрывается в работе О. Файджеса¹.

Взгляд на события революции и начало становления советской власти в российской глубинке на примере Саратовской губернии представил Д. Рейли. Центральным вопросом, поднимаемым ученым, является социальное противостояние в период острого кризиса, вместе с этим анализируется проблема советского военного строительства в момент зарождения советской власти в регионе².

Таким образом, историками была проделана значительная работа по изучению различных аспектов формирования воинского контингента Красной армии в годы Гражданской войны. Проанализированные труды свидетельствуют об отсутствии единого подхода к пониманию основ военного строительства в РСФСР. Дискуссионными остаются вопросы о классовом и национальном составе Красной армии, мотивации вступления бывших офицеров в Красную армию, отношения населения к мобилизациям, масштабах и причинах дезертирства, степени эффективности принимаемых большевиками мер по укреплению вооруженных сил. Вместе с тем, накопленная научная база позволяет исследовать процессы создания и развития системы вооруженных сил Советской республики в 1918–1920 гг. в различных регионах России, в том числе, в одном из крупных российских регионов – Нижнем Поволжье.

Цель диссертационного исследования состоит в определении содержания и основных направлений политики советского государства по формированию воинского контингента РККА и выявлении особенностей ее реализации в Нижнем Поволжье в 1918–1920 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

¹ Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution: 1891–1924. London, 1997.

² Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1995; Raleigh D.J. Experiencing Russia's Civil War. Princeton, 2002.

1. Охарактеризовать приоритетные направления деятельности советского государства по созданию вооруженных сил, раскрыть особенности структуры военного управления в РСФСР в 1918–1920 гг.

2. Определить содержание и специфику реализации государственной политики по созданию системы органов военного управления в Нижнем Поволжье в 1918–1920 гг.

3. Установить принципы и охарактеризовать особенности комплектования отрядов Красной армии на добровольческой основе в Нижнем Поволжье (январь – май 1918 г.).

4. Выявить факторы, влиявшие на проведение мобилизаций в губерниях Нижнего Поволжья, определить степень эффективности реализации принципа всеобщей воинской повинности при формировании воинского контингента в регионе (май 1918 – декабрь 1920 гг.).

5. Раскрыть причины и масштабы дезертирства из Красной армии в общегосударственном и региональном измерениях (май 1918 – декабрь 1920 гг.).

6. Определить меры советского руководства по противодействию дезертирству из РККА на территории Нижнего Поволжья в исследуемый период, определить значение борьбы с дезертирством.

Теоретико-методологическая база исследования. Основу диссертации составляют научные принципы историзма, объективности и системности, позволившие провести комплексное исследование государственной политики по формированию военного контингента Красной армии в период Гражданской войны на примере Нижнего Поволжья.

В соответствии с принципом *историзма* основные направления и аспекты государственной политики по формированию воинского контингента Красной армии рассматриваются в их развитии и взаимной связи с событиями Великой российской революции, где Гражданская война занимает особое место. Принцип *объективности* был положен в основу отбора фактографической базы, анализа исторических источников, их интерпретации. *Систем-*

ный подход лежал в основе построения исследовательского контента, выявления проблемных аспектов, связанных с оформлением правовой базы комплектования советских вооруженных сил личным составом в исследуемый период, складыванием управленческой структуры, обеспечивающей формирование воинских частей, оценки результатов деятельности местных органов власти, реализовывавших военную политику советского государства на местах.

В соответствии с методами научного исследования (историко-генетическим, сравнительно-историческим, статистическим, структурно-функциональным, биографическим и методом статистической обработки) были изучены исторические явления в динамике, выявлены причинно-следственные связи в области военного строительства большевиками, характеризующие различные подходы к привлечению граждан РСФСР на службу в армии, причины уклонения населения от воинской обязанности и методы борьбы с дезертирами.

Историко-генетический метод позволил проследить изменения в государственной политике по созданию вооруженных сил РСФСР в хронологической взаимосвязи и последовательности событий.

На основе *сравнительно-исторического* метода выяснены общие черты в становлении вооруженных сил РСФСР на момент их зарождения в 1918–1920 гг., выявлены особенности и важнейшие результаты деятельности военного руководства Нижнего Поволжья в рамках реализации общегосударственной политики формирования вооруженных сил.

Для анализа количественных показателей результатов мобилизационной работы военных комиссаров, динамики численности воинских частей и дезертиров на территории Нижнего Поволжья был применен *статистический метод*.

Структурно-функциональный метод позволил определить структуру и функции системы военного управления Нижнего Поволжья, выявить и обосновать совокупность устойчивых связей между элементами, обеспечиваю-

щими ее целостность, выявить закономерности их развития и определить функциональную значимость и эффективность как отдельных элементов, так и системы в целом. Метод был использован при изучении основных механизмов создания общероссийских военных институтов в Нижнем Поволжье и определении степени их функциональной значимости.

Биографический метод помог расширить исследовательское поле диссертации. На основе архивных данных, воссоздающих важные элементы биографии региональных военных руководителей, «вписанных в свое время», выявлены особенности кадровой политики большевиков, показана роль отдельных политических деятелей, причастных к формированию структур военного управления в Нижнем Поволжье.

Применение в исследовании *метода статистической обработки* анкет дезертиров позволило составить «социальный портрет» дезертира, выявить причины уклонения населения от службы в рядах Красной армии, охарактеризовать принципы работы на местах с уклонистами и дезертирами.

Источниковая база исследования. Исследование осуществлено на основе комплекса исторических источников, которые можно разделить по видовой принадлежности на источники нормативно-правового характера, делопроизводственную документацию, документы Коммунистической партии, речи политических руководителей РСФСР, статистические материалы, материалы периодической печати и источники личного характера.

Источники *нормативно-правового характера* способствовали определению правовой направленности развития государственной политики в области военного строительства. Конституция РСФСР 1918 г.¹ позволила установить на общереспубликанском уровне окончательный переход от добровольного принципа комплектования воинских частей к всеобщей воинской повинности. Также следует выделить сборники, включающие в себя законодательные

¹ Конституция: (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: опубликована в № 151 «Известий Всерос. Центр. Исполн. Комитета» от 19 июля 1918 г. М., 1918.

акты и распоряжения государственных органов власти (Совета народных комиссаров и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета)¹. Важную роль в исследовании ранних этапов гражданской войны (1918–1919 гг.) играют постановления местных Советов², которые позволили выявить вектор развития вооруженных сил в Нижнем Поволжье в условиях политической децентрализации и соответствие региональной нормативно-правовой базы политике центра. Юридическое оформление перехода к регулярной армии прослеживается в первом томе сборника нормативных актов РСФСР³. Во втором томе сборника «Декреты Советской власти» декреты, посвященные формированию органов военного управления, позволяют уточнить структуру и штат военных комиссариатов⁴. «Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г.» включает в себя постановления, посвященные политике государства в области борьбы с дезертирством в Красной армии⁵.

Делопроизводственная документация, содержащаяся в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), музея-заповедника «Сталинградская битва» (МЗСБ), Государственных архивов Астраханской (ГААО), Волгоградской (ГАВО) и Саратовской областей (ГАСО), позволила выявить детали реализации государственной политики большевиков по формированию Красной армии в Нижнем Поволжье. Архивные дела в фондах Ф. 1 и Ф. 2 РГВА содержат богатый фактический материал о формируемых добровольческих подразделениях в Саратове и Царицыне с января по май 1918 г., а

¹ Декреты Советской власти в 18-ти томах. М., 1959.

² Бабин Б.Н. Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.): в 2-х частях. Астрахань, 1958; Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: сб. док. и материалов в 3 т. М., 1960; Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): сб. док. / под ред. В.П. Антонова-Саратовского. М.; Л., 1931; Царицын – Сталинград, 1917–1945 гг.: сб. док. и материалов. Волгоград, 1987.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 356.

⁴ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 63.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 417–419.

также политике местных Советов по развитию вооруженных сил РСФСР. В фондах Ф.8 и Ф.9 содержатся данные о штатах и отчеты военных комиссариатов Нижнего Поволжья. Информация об организации и реализации Всеобщего военного обучения на местах можно почерпнуть из Ф. 65 РГВА. Обширные сведения о дезертирстве и борьбе с ним как в общегосударственных, так и региональных масштабах в период с 1919 по 1920 гг. находятся в фондах Р-130 ГАРФ и Ф. 17 РГАСПИ. Материалы данных фондов включают внутриведомственные инструкции, циркуляры, а также информацию о наказаниях дезертиров и их семей. Отчеты, внутриведомственная переписка, циркуляры и приказы военных комиссариатов на местах хранятся в фондах Р-387, Р-392, Р-396, Р-1647 ГААО, Р-105, Р-122, Р-133. Р-491 ГАВО, Р-456, Р-678, Р-692 ГАСО. Особый интерес вызывает дело ГААО¹, которое содержит в себе систематизированные ежемесячные отчеты о деятельности, структурных изменениях, сметах и штатах органов военного управления Астраханской губернии за 1918–1919 гг. Материалы местных Советов фондов Р-1 ГААО и Р-521 ГАСО позволили получить данные о методах и результатах деятельности по привлечению добровольцев в Красную армию до перехода к всеобщей воинской повинности. Вопросы военного строительства в Царицынской губернии освещены в делах музея-заповедника «Сталинградская битва».

Документы Коммунистической партии (РСДРП(б) – РКП(б)) представлены стенографическим отчетом X Всероссийского съезда РКП(б), в выступлениях докладчиков и делегатов которого даны оценки состояния РККА ко времени завершения Гражданской войны, степени развития дезертирства и мятежей, в т.ч. – в Нижнем Поволжье².

Речи политических руководителей РСФСР позволили выявить основные направления общероссийской политики в области военного строительства. Особого внимания заслуживают выступления В.И. Ленина «Задачи пролета-

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576.

² Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М., 1933.

риата в нашей революции» и «О пролетарской милиции»¹, в которой отражены теоретические наработки большевиков о военной организации социалистического государства. Выступление Л.Д. Троцкого на первом Всероссийском съезде народных комиссаров 7 июня 1918 г. позволило определить переход к централизованной политике формирования воинских частей².

Статистические материалы представлены опубликованными результатами Всероссийской промышленной и профессиональной переписи 1918 г., анализ которой позволил выявить социальную базу большевиков в регионе и дать количественную оценку электората РСДРП(б)³. Всероссийская перепись 1920 г. помогла проследить динамику численности населения в губернии и сравнить мобилизационный потенциал региона в начале и конце Гражданской войны⁴. Статистический сборник «Гриф секретности снят» позволил проанализировать потери населения и оценить уровень потребности Красной армии в личном составе⁵. Наиболее полная статистика всех призывов в Красную армию по каждой губернии РСФСР с 1918–1920 гг. содержится в фонде Ф. 7 РГВА⁶. Данные о количестве дезертировавших из частей Красной армии находятся в фондах Р-379 ГААО, Р-456 ГАСО, Р-3100. Особый интерес представляют «Анкеты дезертира», на которые опирались местные и центральные власти для борьбы с самовольным оставлением красноармейцами воинских частей. Анкеты, хранящиеся в фондах ГААО и ГАВО⁷, позволяют уточнить социальный состав Красной армии, проблемы, с которыми сталкивались военнослужащие, а также причины уклонения от службы в динамично меняющихся условиях Гражданской войны.

¹ Ленин В.И. О защите социалистического Отечества. М., 1965. С. 316.

² Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 127–131.

³ Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. М., 1920; Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928.

⁴ Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. М., 1920–1921. Т. 1.

⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.

⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453.

⁷ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 27, Д. 52–55; Д. 180–183; ГАВО. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 4; Д. 7–8.

Значительно расширили возможности исследования материалы, опубликованные на страницах *периодических изданий*, где официальные сообщения и воззвания к населению от центральных властей, военных комиссариатов, комитетов по борьбе с дезертирством позволяют восполнить низкую репрезентативность некоторых фондов региональных архивов. В газете «Солдат революции» содержатся приказы царицынского губвоенкомата, агитационные материалы, оперативные сводки X-й армии, а также приказы Северо-Кавказского военного округа. Данные о призывах в Красную армию, восстаниях дезертиров на территории Астраханской и Саратовской губерний содержатся в ежедневной газете «Коммунист», а также в «Саратовской Красной газете», издании «Красный воин» и т.д. При анализе периодической печати необходимо учитывать, что печатные издания находились под непосредственным идеологическим контролем большевиков, однако информация, содержащаяся в них, с учетом критического анализа существенно дополняет данные региональных архивов.

В рамках рассматриваемой проблемы следует выделить источники *личного характера*, к которым относятся мемуары представителей партийно-советской и военной власти большевиков¹. Мемуары позволяют выявить некоторые детали и проблемы, с которыми сталкивались призывники, командиры Красной армии и органы государственной власти. Воспоминания публиковались под контролем советской цензуры, поэтому особый интерес в рамках рассмотрения эволюции политики большевиков по формированию частей Красной армии в Царицыне представляют мемуары перешедшего на сторону «белых» полковника А.Л. Носовича². Несмотря на предвзятость автора, данные А.Л. Носовича позволили уточнить детали эволюции частей

¹ Аристов М.Л. Астрахань и январские дни 1918 года (воспоминание). Астрахань. 1925; Антонов-Саратовский В.П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. 1925; Маслов А.Г. Страницы былого. 1962; Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. 1957; Минин С.К. Город-боец. Шесть диктатур 1917 г. (воспоминания о работе в Царицыне). Л., 1925.

² Носович А.Л. Красный Царицын. Взгляд изнутри: записки белого разведчика. М., 2010.

Красной армии, принимавших участие в обороне города от натиска войск атамана П.Н. Краснова.

Таким образом, источниковая база диссертации достаточно богата и разнообразна. Информация, содержащаяся в источниках и интерпретированная с помощью методов исторического исследования, позволяет решить поставленные задачи исследования.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. Проблемы реализации государственной политики по формированию воинского контингента Красной армии в одном из крупных российских регионов – Нижнем Поволжье – исследованы в контексте общих задач военного строительства в РСФСР в 1918–1920 гг., в направлении эволюции содержания, форм, управленческих решений, связанных с внешними вызовами, внутривнутриполитической обстановкой, преодолением кризисных явлений в жизни советского общества. Впервые введенные в научный оборот источники регионального уровня позволили автору выявить не только содержательные аспекты военной политики Советского государства, реализуемой на территории Нижнего Поволжья, но и рассмотреть их в развитии и взаимной связи с событиями Великой российской революции, где Гражданская война занимает особое место.

2. Автором впервые проделана работа по определению содержания и выявлению специфики реализации советской военной политики по созданию системы органов военного управления в Нижнем Поволжье в 1918–1920 гг. На региональном уровне впервые исследована проблема комплектования кадрами структур военного управления, систематизированы источники регионального уровня, введены в научный оборот новые данные о первых руководителях губернских военных комиссариатов Нижнего Поволжья в исследуемый период. Проведен комплексный анализ инициатив местных военных и партийных руководителей в направлении комплектования вооруженных сил в период Гражданской войны, сделан вывод о том, что активная деятельность местных руководителей по привлечению добровольцев и военноплен-

ных позволила большевикам получить численное превосходство над своими противниками и удержать власть в регионе.

3. Новизна исследования проявляется в авторском подходе к осмыслению проблемы, связанной с определением базовых принципов и особенностей комплектования отрядов Красной армии на добровольческой основе в Нижнем Поволжье (январь – май 1918 г.). Добровольческий этап формирования красноармейских отрядов в Нижнем Поволжье полностью основывался на местной инициативе, нацеленной на устранение элементов децентрализации, изыскание финансовых, кадровых и иных ресурсов на подготовку резервов для Красной армии, повышение уровня мотивации красноармейцев.

4. Новизной отличаются выводы автора, связанные с определением степени эффективности реализации принципа всеобщей воинской повинности при формировании воинского контингента в Нижнем Поволжье (май 1918 – декабрь 1920 гг.). Исходя из анализа общероссийского контекста, источников регионального уровня, автор выделяет факторы, влиявшие на проведение мобилизаций в губерниях Нижнего Поволжья: географическая и хозяйственная специфика отдельных волостей и уездов, этнический состав, оперативная обстановка на фронте, сопротивление «центральной линии» партии на местах, борьба с уклонистами, протестные выступления населения, политическая воля местных военных руководителей и др. Большое внимание при формировании воинского контингента отводилось кочевым народам, проживавшим на территории Нижнего Поволжья, что требовало со стороны местного руководства особого политического подхода в выстраивании работы с населением Калмыцкой степи и Киргизской степи.

5. Автором проделана комплексная работа по определению причин дезертирства, основной из которых являлись экономические сложности, которые испытывали призывники после зачисления в воинские части, и масштабов дезертирства из Красной армии, подрывавших ее обороноспособность, в общегосударственном и региональном измерениях (май 1918 – декабрь 1920 гг.). Новизна отражена в выводах автора, базирующихся на анализе

анкет дезертиров, которые были введены центральными властями в начале 1919 г. для выявления и оценки реальных причин дезертирства и выстраивания грамотной политики по его искоренению. Впервые в рамках исследуемой проблематики автором проведен статистический анализ анкет дезертиров с целью составления социального портрета дезертира, определения причин уклонения от службы мужчин призывного возраста с учетом специфики отдельных губерний Нижнего Поволжья и всего региона в целом.

6. Научной новизной отличается авторский подход к оценке организации и эффективности предпринимаемых государством мер по борьбе с дезертирством на территории Нижнего Поволжья в исследуемый период. Борьба с дезертирством рассматривалась как неотъемлемая часть общероссийской политики по формированию отрядов Красной армии, носила системный характер, была нацелена на преодоление причин данного явления. Комитеты по борьбе с дезертирством, делая акцент на экономической помощи семьям красноармейцев, прибегали к высшей мере наказания только в исключительных случаях, поощряя военнослужащих за добровольное возвращение на фронт. Политика по борьбе с дезертирством позволила большевикам поддерживать стабильный численный состав уставших от боевых действий воинских частей, получая количественное превосходство над противниками практически на любом направлении боевых действий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Формирование Красной армии прошло несколько этапов: от попыток построения вооруженных сил на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.) и создания вооруженных сил на добровольческой основе (январь – май 1918 г.) до перехода к всеобщей мобилизации (май 1918 г. – декабрь 1920 г.). Главными факторами перехода к централизованной структуре вооруженных сил стали низкая численность и боеспособность добровольческих отрядов Красной армии, а также усиление противников большевиков весной 1918 г. Острая необходимость в многочисленной и боеспособной армии привела к частичному восстановле-

нию элементов прежней системы управления (главного штаба, военных округов и т.д.) и созданию новых государственных органов (военных комиссариатов, Реввоенсовета и т.д.).

2. Нижневолжский регион отражает тенденции построения вооруженных сил в общегосударственных масштабах. Отсутствие необходимой правовой базы зимой-весной 1918 г. приводило к стихийной организации на местах множества органов военного управления, существенно отличающихся друг от друга по форме, структуре, внутреннему устройству. Переход к системе военных комиссариатов в Нижнем Поволжье осуществлен на три месяца позже (в июне 1918 г.), чем в центральной России из-за сопротивления местных советов. Пройдя период формирования и становления, военкоматы Нижнего Поволжья сумели создать унифицированную структуру военного управления к концу 1919 г. и стали основным инструментом в реализации государственной политики по формированию воинских частей Красной армии до конца Гражданской войны.

3. С января по май 1918 г. формирование воинских частей Красной армии происходило на добровольческих началах. Главным методом привлечения в Красную армию на этом этапе стало материальное обеспечение красноармейцев и их семей денежным довольствием. В результате экономического стимулирования и агитации к концу добровольческого периода в регионе был сформирован воинский контингент до 25 тыс. чел. Подразделения Красной армии имели разные организационные формы, отсутствовало централизованное снабжение, сами отряды подчинялись местным советам, что негативно отражалось на боеспособности Красной армии. В этот период государство активно внедряло программу Всеобщего военного обучения, что позволило сформировать значительный мобилизационный резерв перед всеобщей мобилизацией.

4. Увеличение интенсивности боевых и неспособность добровольческих частей вести крупномасштабные боевые действия вынудили государство перейти к практике мобилизаций. Попытки большевиков снизить давление

на местное население и провести набор в армию строго по категориям (возрасту, классовой и национальной принадлежности, воинской специальности и т.д.) в 1918 г. в Нижнем Поволжье закончились неудачей из-за давления белых армий на фронте, поэтому до начала 1919 г. призыв в армию носил стихийный характер. В 1919–1920 гг. наблюдалась положительная динамика призыва в Красную армию. Государством использовались методы экономической поддержки населения, массовая агитация, уголовное преследование несогласных с обязательной службой. Особое внимание в Нижнем Поволжье уделялось формированию национальных частей из бывших «инородцев». Комплекс мероприятий, реализованный военными комиссариатами Нижнего Поволжья, позволил пополнить Красную армию сотнями тысяч человек.

5. Преимущественно крестьянский состав мобилизованных в Красную армию стал главным фактором самовольного оставления воинских частей значительной частью красноармейцев в периоды сельскохозяйственных работ. На распространение дезертирства также оказывали влияние экономический кризис в стране, эпидемии тифа, распространенные в войсках, нежелание крестьян сражаться за соседнюю губернию или уезд, общая усталость населения от войны. Отряды дезертиров сохраняли военную организацию, объединялись с недовольными крестьянами и организовывали противодействие Красной армии, выступая в роли организованного и вооруженного костяка «зеленого» движения. Дезертирство подрывало обороноспособность Красной армии, сводило к минимуму результаты работы местных органов военного управления по формированию воинского контингента.

6. Критический уровень дезертирства привел к формированию в начале 1919 г. в системе военного управления новых органов – комиссий по борьбе с дезертирством, призванных искоренить данное явление. Борьба с дезертирством признавалась одним из важнейших мероприятий в проводимой большевиками централизованной военной политике. Местные комдезы использовали для решения поставленной задачи весь доступный арсенал средств: от экономических и поощрительных до карательно-репрессивных. В результате

проделанной работы удалось вернуть более 150 тыс. чел. на фронт, что позволило значительно укрепить действующие части и получить количественное превосходство над противником.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Содержательные аспекты и материалы диссертации могут стать базой для проведения научных исследований по военной истории России XX века, написания научных работ. Основные концептуальные результаты исследования могут быть включены в содержание общих и специальных учебных курсов в системе исторического образования студентов высших и средних специальных учебных заведениях. Введенные в научный оборот результаты статистического анализа анкет дезертиров поможет исследователям детально рассмотреть не только процесс формирования вооруженных сил, но и значительно расширить знания по истории повседневности населения России в годы Гражданской войны. Теоретические материалы и выводы исследования могут быть использованы в экспозиционной работе региональных музеев, в деятельности государственных органов и общественных организаций по патристическому воспитанию молодёжи. Исторический опыт советского руководства по формированию регулярной боеспособной армии может быть полезен при выстраивании эффективной современной системы комплектования личным составом Вооруженных сил Российской Федерации.

Соответствие диссертационного исследования научной специальности. Диссертационное исследование выполнено в рамках специальности 5.6.1. – Отечественная история. Направления исследований: 3. Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 8. Военная история России, развитие её вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; 16. История российских революций.

Апробация результатов исследования. Результаты этапов исследования, включенных в содержание диссертации, апробированы на двух международных и двух всероссийских научных конференциях, среди которых: V Международная научная конференция «Астраханские Петровские чтения» (25.04.2019 г.), VIII Международная научная конференция «Астраханские Петровские чтения» (11.11.2023 г.), XVII Всероссийская научная конференция «Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки» (21.05.2021 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Социокультурные исследования в современном культурном пространстве» (28.10.2021 г.). По результатам исследования опубликовано восемь статей соискателя общим объемом 5,2 п.л., в том числе четыре статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, а также четыре статьи в сборниках международных и всероссийских научных конференций, индексируемых в РИНЦ.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева».

Структура диссертации соответствует цели, задачам исследования и состоит из введения, трех глав, шести параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

1. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918–1920 ГГ.)

1.1. Формирование структуры военного управления в РСФСР (1918–1920 гг.)

Преобразования в военной сфере в РСФСР проходили в крайне тяжелых условиях, вызванных социально-политическим и экономическим кризисами, а также разложением воинских частей старой армии. В Ставку уже в ноябре 1917 г. поступали сводки, которые отражали сведения о значительном количестве дезертиров и моральном разложении воинских частей. Непрочная власть большевиков нуждалась в многочисленных и лояльных вооруженных силах, которые были бы способны отразить не только выступления контрреволюционных сил внутри страны, но и сумели защитить государство от внешних врагов. В этой связи заслуживает внимания оценка деятельности большевистских ревкомов, данная 27 ноября 1917 г. начальником штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генералом Н.Н. Стоговым в телефонном разговоре с начальником штаба Ставки генералом М.Д. Бонч-Бруевичем: «Если не будут приняты какие-либо чрезвычайные меры, то при настоящем течении жизни мы идем с каждым днем все ближе и ближе к ужасной развязке, когда дезорганизованная голодная армия двинется в тыл и уничтожит свое же Отечество»¹.

Проблемы военной политики и строительства вооруженных сил решались под непосредственным руководством ЦК РКП(б) и его Политбюро. Соответственно идеология партии большевиков ложилась в основу преобразо-

¹ Цит. по: Базанов С.Н. Демобилизация русской армии в ноябре 1917 г. – апреле 1918 г. и ее государственно-политические последствия // Наука. Общество. Оборона. 2015. № 1 (4). С. 5.

ваний в военной сфере. Однако конкретных теоретических наработок по реформированию вооруженных сил у партии РСДРП(б) тогда не было.

В вопросе создания собственной армии новые власти ориентировались на идеи К. Маркса о замене регулярных войск всеобщим вооружением народа¹. Опора большевиков на идею народно-милиционной армии подтверждает цитата В.И. Ленина, который акцентировал внимание на необходимости перехода от постоянной армии к всеобщему вооружению народа путем создания всенародной милиции и слияния «ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа)». В такой армии, по мнению В.И. Ленина, должны были участвовать все граждане мужского и женского полов в возрасте от 15 до 65 лет².

Для координации действий народно-милиционных отрядов и организации их снабжения в первые дни власти большевиков были созданы центральные органы военного управления. 26 октября 1917 г. декретом II Всероссийского съезда Советов образовался комитет по военным и морским делам, который 3 ноября был реорганизован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам. Через две недели при Ставке Верховного главнокомандующего создан Временный военно-революционный комитет (ВРК), затем – Революционный полевой штаб по борьбе с контрреволюцией³.

От Российской империи большевикам досталась налаженная и отработанная десятилетиями система военного управления. В рамках рассматриваемой проблемы формирования воинского контингента следует выделить Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), которое входило ранее в состав военного министерства. Именно на этот орган возлагалась обязанность по формированию и материальному обеспечению вооруженных сил. Непосредственной организацией их комплектования личным составом занимался мобилизационный отдел 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ, кото-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. М., 1985. Т. 4. С. 210.

² Ленин В.И. О защите социалистического Отечества. М., 1965. С. 316.

³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 11.

рый до февраля 1918 г. состоял из 4-х отделений: 1) учет и призыв солдат запаса и льготных казаков; 2) учет и призыв военспецов; 3) военно-конская, и повозочная повинности; 4) счисление и распределение ежегодного контингента новобранцев¹. В Генеральном штабе имелись ценные для большевиков сведения о мобилизационных возможностях государства, о текущей организации снабжения действующей армии, поэтому в условиях войны с Четвертым союзом данный орган не распускался и работал до мая 1918 г.² Кроме того, первые месяцы большевиками сохранялись и местные органы военного управления (штабы военных округов и фронтов).

Формирование новых вооруженных сил было невозможно без роспуска ненадежной для власти большевиков старой армии. Первым законом, принятым 10 ноября 1917 г. с целью демобилизации военнослужащих, стал декрет «О сокращении численности армии». Согласно нему, увольнению в бессрочный запас подлежали солдаты призыва 1899 г., в документе подчеркивалось, что в дальнейшем последуют увольнения солдат более поздних призывов³.

Параллельно с демобилизацией произошли изменения в структуре управления вооруженными силами советской республики. На базе Совета народных комиссаров по военным и морским делам был создан Народный комиссариат по военным делам (Наркомвоен) во главе с коллегией, на которую возлагались функции управления аппаратом бывшего военного министерства. В состав Коллегии Наркомвоена вошли Н.И. Подвойский, В.А. Антонов-Овсеенко и Н.В. Крыленко⁴.

Процесс реформирования вооруженных сил продолжился, на него оказали влияние результаты общеармейского съезда в декабре 1917 г. по вопросам дальнейшей демобилизации армии. Итогом работы съезда стало постановление, определяющее условия увольнения личного состава. Согласно

¹ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 220.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 83. Л. 97.

³ Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 66.

⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 547.

принятому документу, увольнялись военнослужащие старших призывных возрастов¹.

Декабрьским съездом была избрана демобилизационная комиссия, в состав которой вошли по одному представителю от каждой армии, от войск Ревельского укрепленного района и частей, находившихся в Финляндии. Она должна была заниматься организацией демобилизационных комиссий на фронтах, в армиях, корпусах, дивизиях и отдельных войсковых частях фронта, а также в военно-окружных советах и гарнизонах прифронтовой полосы. В состав комиссии вошли по одному представителю от фронтовых комитетов и военно-окружных Советов прифронтовой полосы.

Особый интерес представляет положение о формировании воинских частей новой «Социалистической армии», описанное в постановлении общевойсковой съезда. Согласно документу, «создание кадров Социалистической армии лежит на обязанности Советов, которые для этого пользуются имеющимися органами военного ведомства». Также предполагалось, что создание новой армии будет происходить одновременно с роспуском старой². Таким образом, на съезде не поднимались вопросы об унификации государственных органов, занимающихся формированием воинских частей, не были четко сформулированы права и обязанности Советов по созданию народно-милиционных отрядов.

Отсутствие новой юридической базы привело к созданию на местах разнообразных по форме органов военного управления: старые штабы военных округов и воинских частей, местные советы, коммунистические ячейки в волостях. Эти органы не взаимодействовали между собой, имели собственные уставы, делопроизводство и т.д., что негативно сказывалось на их возможностях.

¹ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. М., 1973. С. 313.

² Там же. С. 314.

Данная тенденция ярко прослеживается в Нижнем Поволжье. Например, в Саратовской губернии в конце 1917 г. основную роль «по защите революции в городе» взял на себя штаб Красной гвардии¹. В Царицыне вопросы военного строительства решались Штабом обороны во главе с С.К. Мининым². В Астрахани организацию пробольшевистских вооруженных сил взял на себя Военный Совет под руководством М.Л. Аристова³. При этом вышеперечисленные губернские центры на данном этапе практически не участвовали в организации отрядов в уездах и волостях, оставаясь фактически изолированными друг от друга.

По итогам общеармейского съезда 23 декабря 1917 г. был опубликован приказ Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о формировании Народной социалистической гвардии. Приказ стал основой для составления инструкции по организации Красной армии Всероссийской коллегией организации и управлению Красной армии, которая была разослана в местные Советы⁴.

Официальный курс на создание собственных вооруженных сил был положен декретом Совнаркома «Об образовании Рабоче-Крестьянской Красной армии» 15 января 1918 г. В преамбуле декрета было указано, что «старая армия служила оружием угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся... возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Евро-

¹ Герман А.А. Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. С. 217.

² Лепкова Е.А. К вопросу об организации советских гражданских и военных учреждений в Царицыне в период гражданской войны // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград, 2021. С. 338.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942, С. 206–208.

⁴ Васильев В.В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 46.

пе»¹. Следовательно, создание Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) рассматривалось большевиками как переходный этап от регулярной армии к милиционной.

Для координации деятельности местных советов по созданию частей Красной армии декретом учреждался новый орган – коллегия по формированию РККА. В ее состав входили по два представителя от Комиссариата по военным делам и Главного штаба Красной гвардии. Ведомство состояло из восьми отделов: 1) организационно-агитационного; 2) формирования и обучения; 3) снабжения; 4) транспорта; 5) вооружения; 6) санитарного; 7) финансового; 8) мобилизационного. В обязанности коллегии также вошли учет формируемых боевых единиц, обеспечение Красной армии вооружением, финансовое заведование и разработка новых уставов и инструкций².

Декрет предполагал, что служба в Красной армии будет проходить на добровольной основе, что напоминало современную военную службу по контракту. Вступить в Красную Армию было не так просто, для вхождения в ее ряды было необходимо выполнение следующих условий:

1) при всей декларированной демократичности вступления в РККА (любой гражданин, достигший восемнадцати лет) на практике в армию могли вступать только преимущественно представители пролетариата и крестьянства, так как декретом от 15 января 1918 г. был провозглашен классовый характер армии;

2) для вступления в ряды РККА была необходима письменная рекомендация местного войскового комитета или любой общественной демократической организации, стоящей на платформе Советской власти. В случае отсутствия таковых организаций на местах было достаточно рекомендации двух любых ее членов. Если в Красную армию изъявило желание вступить целое

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 356.

² Там же. С. 357–358.

воинское подразделение, то применялся принцип «круговой поруки», когда каждый член подразделения должен был поручиться за своего товарища¹.

Принятые на службу добровольцы делились на отдельные сотни, каждая сотня – на 4 отделения; 4 сотни соединялись в административно-хозяйственную единицу – дружину. В первое время (до апреля 1918 г.) отделения, сотни, дружины управлялись и обучались инструкторами, назначенными местными Советами (последние имели право сами осуществлять набор инструкторов)².

В тексте декрета прослеживается попытка унификации структуры формируемых на добровольной основе воинских частей. Однако многообразие форм создаваемых на местах органов военного управления, отсутствие между ними и центральной властью полноценной связи делали эту задачу практически невыполнимой. Местные Советы решали самостоятельно широкий круг вопросов, в том числе, определяли срок службы в Красной армии. Например, в Петровском уезде Саратовской губернии местный Совет в обход центральных декретов и инструкций установил обязательный срок службы для добровольцев в течение трех месяцев³.

Дальнейшая реализация государственной политики большевиков в области военного строительства говорит о том, что в январе 1918 г. они продолжали верить в возможность построения народно-милиционной армии без сохранения прежних органов военного управления, которые считали инструментом угнетения народных масс.

С 1874 г. основными органами местного военного управления были воинские присутствия. В Российской империи на эти ведомства возлагались обязанности по ведению учета военнообязанного населения, распределения

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 356.

² Козловский С.И. Формирование частей РККА на территории Вятской губернии в 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002. С. 27.

³ ГАСО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

призывников по воинским частям, переосвидетельствования лиц, подлежащих воинской повинности на местах¹.

Воинские присутствия имели большие наработки в области учета мобилизационных ресурсов уездов и губерний Российской империи, а также подготовленный кадровый состав. Однако отход от принципа преемственности в построении новой армии привел к ликвидации воинских присутствий постановлением Народного Комиссариата по внутренним делам 20 января 1918 г. Служащих присутствий обязывали уничтожить дела, «связанные с ведением войны – призывами, переосвидетельствованиями и т.п., в спешном порядке под контролем местных советов»². Вместо старых органов военного управления 31 января 1918 г. распоряжением Наркомвоена большевиками были созданы новые – военные – отделы, получившие унифицированную структуру Всероссийской коллегии по формированию РККА в составе восьми отделов. Кроме того, каждым Советом на местах должны были быть организованы вербовочные пункты, которые составляли списки добровольцев и отправляли в Наркомвоен сведения о нуждах в области обеспечения формируемых подразделений РККА³.

Несмотря на то что воинские присутствия имели большие наработки по воинскому учету, их дела не передавались военным отделам. К службе также не привлекались старые кадры, поэтому работа по созданию новой системы военного управления начиналась практически с нуля. Следует отметить, что вопросы создания, обеспечения и контроля формируемых воинских частей, согласно инструкции Наркомвоена, всецело лежали на местных Советах⁴.

В Нижнем Поволжье Советы не сопротивлялись генеральной линии по созданию унифицированных органов. В спешном порядке везде местные

¹ Устав о воинской повинности. Вильно, 1874. С. 28–30.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 273.

³ Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сб. док. и материалов в 3 т. Т. 1. Май 1918 – март 1919. М., 1960. С. 110–111.

⁴ Там же. С. 108.

власти ликвидировали дела прежних ведомств¹. К концу февраля 1918 г. военные отделы приступили к работе в губернских и уездных центрах Нижнего Поволжья².

3 (16) марта 1918 г. между Советской Россией и Германской империей был заключен Брест-Литовский мир, который должен был обезопасить западные границы государства, поэтому у большевиков появилось время для продолжения реформирования системы военного управления. В этот же день постановлением Совнаркома был образован Высший военный совет, в задачу которого входило руководство военными операциями. Первоначально в состав совета входили генерал М.Д. Бонч-Бруевич, эсер П.П. Прошьян и большевик К.И. Шутко. Высший военный совет являлся коллегиальным органом, в который также входили члены коллегии Наркомвоена и два специалиста по военно-морскому делу³.

В начале марта 1918 г. Комитет революционной обороны Петрограда постановил упразднить штабы фронтов старой армии сразу после завершения демобилизации на их участках, а также «вследствие продвижения германцев вглубь страны... создать Завесу»⁴. Идея создания Завесы была озвучена М.Д. Бонч-Бруевичем еще в начале 1918 г. в предложении большевикам «начать формировать из остатков русской армии новые боеспособные части»⁵.

Завеса представляла объединение отрядов Красной армии по территориальному признаку, которое должно было обезопасить западные границы РСФСР. Она напрямую подчинялась Высшему военному совету и управлялась высшими офицерами Генштаба. Советский военачальник В.Н. Егорьев отмечал, что главная задача Завесы заключалась в том, чтобы придать

¹ ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 54; ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 142; ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 135. Л. 72.

³ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 569–570.

⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 26.

⁵ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. М., 1958. С. 273.

«фронтовым революционным отрядам сколько-нибудь регулярную организацию»¹.

Вопреки официальной доктрине «народного ополчения» Завеса представляла собой слаженную военно-административную систему с четким разделением на отдельные отряды, которые подчинялись конкретным военным руководителям: начальникам обороны Петрограда, Западной и Северной групп отрядов. Резервы для войск Завесы предполагалось формировать на территории Петроградского, Московского и Казанского военных округов. Благодаря опыту организации групп отрядов Завесы у советского руководства появились практические наработки по формированию и развертыванию крупных воинских соединений².

Весной 1918 г. политика по реформированию системы управления вооруженными силами продолжилась. 31 марта Высший военный Совет выпустил приказ № 23 «О расформировании военных округов» за подписями Л.Д. Троцкого, М.Д. Бонч-Бруевича и К.А. Мехоношина. Согласно документу, «штабы и военно-окружные управления» Петроградского, Московского, Казанского, Двинского и Минского округов упразднены³. В Российской империи военные округа существовали с 1862 г. и обеспечивали единое централизованное руководство воинскими частями на своей подотчетной территории. Поэтому ликвидация округов привела к окончательному уничтожению старой системы военного управления, следовательно, нарушила отлаженную десятилетиями связь между центром и регионами.

К весне 1918 г. в подконтрольных регионах большевикам удалось организовать военные отделы при местных Советах. Всероссийская коллегия по формированию РККА работала с каждым военным отделом напрямую, отсутствовали промежуточные органы, которые связывали бы регионы с центром. Из-за недостатка контроля со стороны центра в руках Советов оказы-

¹ Егорьев В.Н. Из жизни Западной Завесы. М., 1963. С. 234.

² РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

³ Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988. С. 441.

валось слишком много власти, а опора только на свои внутренние ресурсы не позволяла формировать крупные воинские соединения и отправлять их на дальние рубежи государства. Результатами сложившейся системы, по мнению отечественного военного историка В.О. Дайнеса, стали «путаница, издание взаимоисключающих директив и приказов, нарушение взаимодействия между фронтами и армиями»¹.

Негативную роль в деле организации вооруженных сил сыграла нехватка или полное отсутствие компетентных специалистов на местах. В результате военной инспекции, оправленной в г. Саратов весной 1918 г., было установлено, что в губернии «военное дело находилось в хаотическом состоянии... из-за своеобразной организации военного отдела, не имеющего в своем составе военных специалистов»². Оказалось, что отсутствие бывших офицеров в военном управлении было связано с личной неприязнью к ним со стороны местных большевиков. Этот факт подтверждается искусственным занижением Саратовским советом заработной платы для бывших офицеров на 20% в сравнении с другими категориями служащих³. Критическая нехватка военных специалистов также наблюдалась в Астрахани⁴ и Царицыне⁵.

Весной 1918 г. вопрос комплектования квалифицированными кадрами вооруженных сил стоял остро не только в Нижнем Поволжье, но и на всей территории, подконтрольной большевикам. Решение проблемы виделось руководителями государства в создании института военных комиссаров.

Опыт использования военных комиссаров в вооруженных силах не был изобретением большевиков и активно использовался в период деятельности Временного правительства с июня по ноябрь 1917 г. Введенные по инициативе Верховного Главнокомандующего А.Ф. Керенского военные комиссары выполняли задачу по «осуществлению надзора за законностью и укреплению

¹ Дайнес В.О. Военная стратегия в гражданской войне (1917–1920) // История военной стратегии России. М., 2000. С. 146.

² РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д.256. Л. 97.

³ Там же. Л. 97 об.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

⁵ ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

единообразия революционного порядка в армии для поднятия боеспособности войск в связи с их демократизацией»¹.

В конце марта 1918 г. на заседании пленума ЦК РКП(б) был поднят вопрос о необходимости использования военных комиссаров в Красной армии. На основании решения пленума 6 апреля 1918 г. Наркомвоенном было принято положение «О военных комиссарах и членах военных советов»².

Согласно положению, военные комиссары являлись «непосредственными военно-политическими представителями Советской Власти...», в задачу которых входило поддержание «революционного порядка» в подразделениях, осуществление общего контроля над военными специалистами и рядовым составом. Наряду с контрольными функциями, военные комиссары выполняли функции воспитания у красноармейцев доверия и уважения к командному составу, привития качеств осознанной воинской дисциплины, нравственности, культуры поведения, обучения политической и всеобщей грамотности. Государство требовало от военных комиссаров в общих чертах разбираться в военных вопросах, поэтому в течение четырех месяцев с момента публикации положения назначенные военные комиссары были обязаны сдать экзамен по военному делу в «ближайших Советских Инструкторских курсах»³. Введение института военных комиссаров дало возможность привлекать в вооруженные силы военных специалистов, которые не были воспитаны на идеях марксизма.

Обострение обстановки внутри страны привело к осознанию большевиками необходимости создания единой, централизованной системы военного управления. Ее формирование было положено декретом Совета народных комиссаров (СНК) 8 апреля 1918 г. «Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам». С этого момента

¹ Армия и Флот Свободной России: газета военная, политическая и литературная / ред. Д. К. Лебедев. 1917. № 202. 2 сентября.

² Кляцкин С.М. Институт военных комиссаров // Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 124.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 795. Л. 4.

государственная политика отошла от первоначальной идеи построения народно-милиционной армии, большевиками был взят курс на возвращение к централизованной структуре управления вооруженными силами.

Согласно декрету, на территории всей республики учреждались новые региональные органы военного управления – военные комиссариаты (военкоматы), которые заменили военные отделы при Советах¹. Задачи военкоматов делились на три направления: учет, вербовка и агитация, мобилизация. Первая задача предполагала учет всего мужского населения, годного к военной службе, выяснение количества «негодных к труду» членов семьи призывника. Особое внимание уделялось обязанности военкоматов по ведению учета лошадей и повозок. Для решения вопроса вербовки и агитации населения на военные комиссариаты возлагалась обязанность по созданию в деревнях специальных вербовочных пунктов, которые занимались составлением печатных листовок, записывали добровольцев в ряды РККА².

До проведения мобилизации военкоматы должны были выстроить план оборудования сборных пунктов в волостях, уездах и губерниях. В случае проведения потенциальной мобилизации военные комиссариаты распределяли призывников по родам войск, составляли маршруты для следования набранных команд к месту службы.

Декрет выстраивал вертикаль управления и строгую подчиненность (округ – губерния – уезд – волость). Самую высокую степень в иерархии новых государственных органов занимали окружные военные комиссариаты, которые формировались непосредственно Народным комиссариатом по военным делам и имели особую структуру. При них учреждалось «постоянное совещание», председателем которого выступал окружной военный комиссар. В состав «совещания» входили по одному делегату от губернских советов округа и окружных управлений, а также начальник штаба округа³. Губерн-

¹ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 63.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 83. Л. 47.

³ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. II. С. 63.

ские, уездные и волостные военные комиссариаты организовывались местными Советами Рабочих и Крестьянских Депутатов. Для координации деятельности военных комиссаров при Наркомвоене учреждалось Всероссийское бюро военных комиссаров¹.

Губернские военные комиссары выполняли обязанности начальника гарнизона и коменданта в месте своего пребывания, за исключением главных губернских городов, где советским руководством были учреждены особые комендатуры. Губернские военные комиссариаты являлись связующим звеном, центром, который обеспечивал взаимодействие и направлял деятельность уездных военных комиссариатов. В ведении губернских военкоматов находились местные лазареты и госпитали, склады и запасы, предназначенные для нужд губернии. Также в обязанности губвоенкоматов входили размещение и содержание эвакуированных с фронта раненых и военнопленных.

Если на губернские военкоматы ложились функции «центрального звена», то волостные и уездные комиссариаты занимались непосредственной организацией мобилизационных мероприятий. На них легли функции учета годного к военной службе населения, разработка планов местных мобилизаций, а также переписи офицеров «старой» армии, проживающих на территории уездов и волостей.

Уездные комиссариаты по военным делам организовывались уездными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Комиссары и военный руководитель утверждались губернским советом рабочих и крестьянских депутатов. Волостные комиссариаты организовывались волостными советами, военкомы и военный руководитель утверждались уездным военкоматом. Функции окружных военкоматов сводились в основном к организации вооруженных сил и контролю деятельности нижестоящих органов военного управления.

¹ Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сб. док. и материалов в 3 т. Т. 1. Май 1918 – март 1919. М., 1960. С. 124.

Военные комиссариаты строились по принципу троек: в каждом военкомате должно было быть два военных комиссара, военный руководитель. Вопрос делегирования полномочий между двумя военными комиссарами не был подробно описан. Предполагалось, что решения военные комиссары будут принимать коллегиально. Однако в реальности второй военком часто выступал в роли заместителя первого, в ряде случаев – в качестве начальника штаба военного комиссариата¹.

Военные комиссары должны были следить за деятельностью военного руководителя, без их подписи и одобрения ни одно решение военного руководителя не имело юридической силы. Ограничение ареала деятельности военных комиссаров и военных руководителей было вызвано необходимостью разграничить области управления и командования военных комиссариатов. Административно-управленческая часть, оперативные и командные права возлагались на военного руководителя; политическими, идеологическими и контрольными правами наделялись оба военных комиссара². При этом комиссары и военные руководители пользовались «равным авторитетом и несли равную ответственность»³.

В декрете регламентировалась структура военных комиссариатов. Уездный военкомат должен был включать в себя пять отделов: 1) общий, 2) агитационно-вербовочный, 3) учетный, 4) формирования и обучения, 5) снабжения. Структура губернского военного комиссариата были расширена до трех отделов: 1) санитарного, 2) транспортного, 3) инструкторского.

Формирование централизованной системы военного управления значительно ослабляло власть Советов на местах. Последние оказывали сопротивление и старались максимально затягивать создание военкоматов. Например, на пленарном заседании саратовского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов 30 апреля 1918 г. подтверждалась необходимость

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 83. Л. 47.

² РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. Л. 284.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 21. Л. 24.

сохранения военного отдела при Совете, так как «он сумел наладить новое дело рабоче-крестьянской армии и... сохранить от старой армии многомиллионное имущество»¹. Похожая ситуация наблюдалась в Астрахани и Царицыне, где создание военных комиссариатов затянулось до лета 1918 г.²

Учреждение военных комиссариатов не гарантировало того, что новые органы будут способны в сжатые сроки мобилизовать необходимое количество людей на фронт в случае внезапного начала новой войны. В момент создания военкоматы не имели сведений о реальном мобилизационном резерве в своих регионах, работа по их составлению требовала большого количества времени и сил.

Для решения этой проблемы 22 апреля 1918 г. ВЦИК принимает декрет «Об обязательном обучении военному искусству». Согласно документу, на территории страны вводилась система всеобщего военного обучения (Всевобуч), которая предполагала организацию освоения 96-часовой программы, куда входили: изучение устава, тактическая и огневая подготовка граждан мужского пола³.

Данный декрет представляет особый интерес в контексте формирования органов военного управления, так как, по мнению одного из главных создателей Красной армии Л.Д. Троцкого, должен был подготовить РСФСР к последующей за «добровольческим этапом» мобилизации, которая была необходима для отражения внешних и внутренних контрреволюционных угроз, нависавших над молодой республикой.⁴ Таким образом, реальной задачей Всевобуча стало формирование мобилизационного резерва и помощь военным комиссариатам в проведении военно-учетной работы.

Для эффективной организации Всевобуча при военных комиссариатах создавались местные Бюро. Данные учреждения носили временный характер, так как возникали с момента начала проведения обучения и прекращали свое

¹ Саратовский Совет Рабочих депутатов: Сборник документов. Л., 1931. С. 489.

² ГАВО. Ф. Р-491. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 86.

³ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 11. Л. 6.

⁴ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. М., 1923. Т. 1. С. 112.

существование, когда все подлежащие обучению пройдут курс. Во главе Бюро Всевобуча стоял инспектор, который, как правило, являлся демобилизованным унтер-офицером старой армии. В обязанности инспектора входил технический надзор за деятельностью бюро, а также контроль посещаемости занятий и успешности их выполнения¹.

Обучением новобранцев должны были заниматься инструкторы при военкоматах. Срочная необходимость в мобилизационном резерве требовала от государства скорейшей реализации Всевобуча на местах, однако для этого требовался значительный кадровый ресурс. Отсутствие должного количества инструкторского состава приводило к тому, что претендентов на эту должность приглашали через объявления в местных газетах. Каждый кандидат на должность инструктора заполнял специальную форму, после чего получал удостоверение о взятии на учет. Затем специальная комиссия при военкомате, сформированная из военных специалистов, знакомилась с военной специальностью, знаниями и политическими убеждениями претендента и выносила решение о взятии его в штат на должность инструктора².

В регионах, где военные комиссариаты не были созданы, в первые месяцы реализации программы Всевобуч не проводился. К этой категории относилось Нижнее Поволжье, где к военному обучению местного населения приступили только летом – осенью 1918 г.³ В центральной России, где отделы Всевобуча были созданы сразу после выхода декрета, к маю 1918 г. удалось поставить на воинский учет 1,3 млн чел. Реализация программы позволила большевикам получить достаточный на первое время мобилизационный резерв⁴.

Переход к централизации военного управления, разделение сферы деятельности военкоматов по территориальному принципу привели к возвращению большевиками военно-административных единиц – военных округов

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 90.

³ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 11. Л. 8; ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁴ РГВА. Ф. 65. Оп. 4. Д. 4. Л. 11.

(ВО) – декретом СНК 4 мая 1918 г.¹ Первоначально территория республики делилась на шесть округов: 1) Ярославский; 2) Московский; 3) Орловский; 4) Беломорский; 5) Уральский; 6) Приволжский. В состав последнего военного округа входили территории Нижнего Поволжья (Саратовская и Астраханская губернии), Пензенская, Симбирская, Самарская губернии и область Уральского войска².

В течение 1918 г. границы округов претерпевали изменения из-за динамически меняющейся обстановки на фронтах Гражданской войны. Особенно частые изменения наблюдались в Нижнем Поволжье, активно включенное в боевые действия. Уже в июне 1918 г. Астраханская и Царицынская губернии были исключены из Приволжского военного округа и переданы во вновь формируемый Северо-Кавказский ВО с центром в г. Царицыне³. В начале осени Северо-Кавказский ВО был расформирован, обязанности по обеспечению вооруженных сил Астраханской и Царицынской губерний были переданы созданному 11 сентября 1918 г. Южному фронту⁴.

Одновременно продолжалась работа по упорядочению органов высшего военного управления. 8 мая 1918 г. приказом Наркомвоена был образован Всероссийский главный штаб (Всеросглавштаб), который заменил коллегия по формированию РККА и ГУГШ. В его обязанности входили учет и мобилизация военнообязанных, формирование и обучение войск. Всеросглавштаб управлял всеми военными округами и военкоматами. Во главе ведомства стоял Совет в составе двух комиссаров и начальника штаба⁵.

В мае 1918 г., после восстания Чехословацкого корпуса, ситуация в стране обострилась. Нижнее Поволжье было активно вовлечено в боевые действия. На Дону в 1918 г. проведена крупная мобилизация казачества

¹ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 131.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 491.

³ Россия в Гражданской войне 1918–1922: энциклопедия в 3-х томах. М., 2021. Т. 1. С. 381.

⁴ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 54.

⁵ Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сб. док. и материалов в 3-х т. Т. 1. Май 1918 – март 1919. М., 1960. С. 127.

(40 тыс. чел.) атаманом П.Н. Красновым, который ставил своей главной целью захват г. Царицына¹.

На восточных границах Нижнего Поволжья силу набирала армия уральских казаков, созданная в апреле 1918 г. Весной и летом 1918 г. Уральская армия вела боевые действия против советских войск на широком фронте – от Илецкого городка (Илецк) до северного побережья Каспийского моря, сосредоточив основные усилия на овладении Уральском. В мае 1918 г. армия уральских казаков насчитывала около 15 тыс. штыков и сабель, имела свыше 20 орудий и до 80 пулеметов².

Захват в начале июня чехословацким корпусом Самары привел к образованию в Среднем Поволжье Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), который также начал активно проводить мобилизацию крестьянства для борьбы с большевиками³. На этом фоне взбунтовалось оренбургское казачество во главе с атаманом А.И. Дутовым, ставившее целью выдавливание большевиков из Поволжья и южного Урала⁴.

Начавшаяся полномасштабная Гражданская война требовала от советского государства проведения быстрой и эффективной мобилизации с учетом оперативной обстановки на фронтах. Однако созданная система военного управления по-прежнему не соответствовала размаху и интенсивности боевых действий. Дело в том, что вопросы управления вооруженными силами делегировались между Высшим военным советом, Наркомвоеном и Всероссийглавштабом. По мнению председателя Высшей аттестационной комиссии бывшего полковника А.И. Егорова, у этих органов не было «определенной единой мысли и воли». Он отмечал, что у высшего военного руководства отсутствуют планы ведения войны, формирования новых подразделений и проведения операций на фронтах. Поэтому А.И. Егоров в докладной записке

¹ Кенез П. Красная атака. Белое сопротивление, 1917–1918. М., 2007. С. 173.

² Военная энциклопедия: в 8 томах. М., 1999. Т. 4. С. 111.

³ Анисков В.Т., Кабанова Л.В. История Комуча: опыт несоветской демократии // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3. С. 52.

⁴ Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918–1921 гг. СПб., 2002. С. 80.

«О необходимости создания Ставки» предложил В.И. Ленину передать всю полноту военной власти одному органу¹.

Предложение А.И. Егорова было одобрено 2 сентября 1918 г. постановлением ВЦИК «О превращении Советской республики в военный лагерь». С этого момента во главе всех фронтов и военных учреждений РСФСР ставился Революционный военный совет Республики (РВСР) с одним Главнокомандующим².

Положение о РВСР было принято 30 сентября 1918 г. Революционному военному совету были переданы все права Народного комиссариата по военным делам, Высший военный совет упразднялся. Всероссийский главный штаб, главное управление снабжений, военно-законодательный совет, Высшая военная инспекция были переданы под прямое управление³.

Изменения в общей структуре РВСР привели к тому, что Всероссийский штаб окончательно оформился как главный мобилизационный орган страны. При нем в апреле 1919 г. был создан Центральный отдел Всеобщего, который координировал деятельность местных Бюро и формировал мобилизационный резерв⁴.

В состав РВСР входил Главнокомандующий (с октября 1918 г. – бывший полковник И.И. Вацетис, с июля 1919 г. – бывший полковник С.С. Каменев), который имел полную самостоятельность в стратегически-оперативных вопросах. Председателем Реввоенсовета республики был утвержден Л.Д. Троцкий. Для большей централизации в составе органа было создано Бюро, в которое входили председатель Реввоенсовета, Главком и один член РВСР⁵.

После учреждения РВСР в военном управлении республики возникла некоторая бюрократическая путаница. Военкомы, будучи представителями

¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 51–53.

² Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 268.

³ Там же. С. 372.

⁴ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 220.

⁵ Там же.

власти на местах, формально подчинялись Всероссийскому бюро военных комиссаров, однако после создания нового центрального органа они также были подотчетны военно-политическому подотделу РВСР. Таким образом, военкомы получали указания и отчитывались перед двумя слабо связанными между собой органами. После учреждения РВСР Всероссийское бюро военных комиссаров было упразднено за ненадобностью по итогам VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г., его функции переданы в политический отдел РВСР, преобразованный 15 мая 1919 г. в Политуправление (ПУР) при Реввоенсовете¹.

Несмотря на широкий круг полномочий, в компетенцию РВСР не входили вопросы транспорта, военной промышленности, снабжения войск продовольствием². Для обеспечения армии всем необходимым требовалось создать структуру, которая смогла бы централизованно распределять ресурсы под текущие нужды вооруженных сил.

Орган, отвечающий за снабжение армии, перевод экономики на военные рельсы и эффективное перераспределение ресурсов был создан 30 ноября 1918 г. постановлением ВЦИК и СНК «Об образовании Совета Рабочей и Крестьянской Обороны». Во главе Совета Рабочей и Крестьянской Обороны (СРКО) стоял председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ленин. Кроме того, в него входили председатель РВСР Л.Д. Троцкий, народный комиссар путей сообщения В.И. Невский, заместитель народного комиссара продовольствия Н.П. Брюханов, председатель по производству снабжения Л.Б. Красин и представитель ВЦИК И.В. Сталин³.

К осени 1918 г. была построена централизованная система управления вооруженными силами республики. Однако столь громоздкий и сложный военный аппарат нуждался в большом количестве обученного кадрового

¹ Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сб. док. и материалов в 3-х т. Т. 2. Май 1919 – февраль 1920. М., 1961. С. 776.

² Дайнес В.О. Военная стратегия в гражданской войне (1917–1920) // История военной стратегии России. М., 2000. С. 146.

³ Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 93–94.

состава. По мнению Л.Д. Троцкого, дефицит опытных кадров для функционирования новой системы военного управления можно было восполнить за счет привлечения военных специалистов старой армии. По словам председателя РВСР, «как для промышленности нужны инженеры, для земледелия – ученые агрономы, так и для дела обороны необходимы военные специалисты»¹.

Предложение Л.Д. Троцкого массово привлекать военных специалистов на службу в аппарат и действующие части было воспринято в партии большевиков неоднозначно. Многие авторитетные большевики не поддержали идею председателя РВСР и вступили с ним в открытую дискуссию с начала Гражданской войны. Первым, кто выступил против привлечения военспецов, был член РВСР К.Х. Данишевский. В статье «Армия и социалистическая революция» он открыто заявил, что бывшие офицеры «являются врагами советской власти»².

К лагерю противников привлечения военспецов также примкнул И.В. Сталин, который в конце весны 1918 г. прибыл в Царицын для разрешения продовольственного вопроса. Вокруг И.В. Сталина образовалась так называемая «царицынская группа», в которую вошли С.М. Будённый, К.Е. Ворошилов и С.К. Минин. В Царицыне И.В. Сталин сосредоточил в своих руках практически все военное управление в регионе после снятия с должности местного военного руководителя А.Е. Снесарева и начал открыто заявлять о том, что неудачи на фронте вызваны предательской политикой бывших военспецов³. Под руководством И.В. Сталина в Царицынской губернии сложилось негласное правило не привлекать военных специалистов на службу в военное управление⁴.

¹ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция: (на военной работе). М., 1923. Т. 1. С. 15.

² Цит. по: Войтиков С.С. Разногласие есть и вынесено в печать: дискуссия по военному вопросу в советской России во второй половине 1918 – начале 1919 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 11.

³ Ганин А.В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М., 2016. С. 441–442.

⁴ ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

В ответ на действия «царицынской группы» Л.Д. Троцкий образовал Южный фронт, в который назначил военным руководителем бывшего генерал-майора П.П. Сытина. Сторонники И.В. Сталина решили проигнорировать указания центра и не подчинились новому военному руководителю. В результате, Л.Д. Троцкий угрожал арестовать К.Е. Ворошилова и требовал отозвать И.В. Сталина из Царицына¹. Итогом столкновения стала заочная телеграфная переписка, в которой Л.Д. Троцкому удалось 6 октября 1918 г. окончательно выдвинуть И.В. Сталина из Царицына в Москву².

Разгром Л.Д. Троцким «царицынских дезорганизаторов» завершился в декабре 1918 г. и вопрос о привлечении военспецов по факту был окончательно закрыт. Таким образом, прежние квалифицированные кадры стали основой для сформированной большевиками системы военного управления. По подсчетам А.В. Ганина, на службе в структуре военного управления к концу Гражданской войны состоял 551 офицер бывшего Генерального штаба,³ а общее количество военных чиновников на службе в вооруженных силах, по официальным данным, достигало 122 300 чел.⁴

Другой важной проблемой после создания Реввоенсовета стало разделение полномочий между Главнокомандующим и председателем РВСР. Попытки Л.Д. Троцкого сконцентрировать военную власть в своих руках вылились в очередной конфликт с Главнокомандующим И.И. Вацетисом по поводу некоторых назначений на высокие армейские должности, которые, по мнению председателя РВСР, не были взаимно согласованы. Впоследствии про этот конфликт И.И. Вацетис писал: «До меня дошли сведения, что Троцкий ищет другого Главнокомандующего. Я решил оставить должность Главнокомандующего и послал телеграмму в Наркомвоен Советской Латвии Петерсону К.А. с просьбой предоставить мне место командира полка в Латыш-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 17. Л. 150.

² Там же. Л. 151–165.

³ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг. М., 2009. С. 80.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 58. Л. 67.

ской стрелковой дивизии. Петерсон показал эту мою телеграмму Ленину, что вызвало его вмешательство в создавшийся инцидент»¹.

Конфликт между И.И. Вацетисом и Л.Д. Троцким привел к принятию 5 декабря 1919 г. на заседании Совнаркома по инициативе В.И. Ленина положения «О Главнокомандующем всеми вооруженными силами Республики». Согласно документу, Главнокомандующий назначался СНК и входил в РВСР с правом решающего голоса. Кроме того, он получил право самостоятельно назначать, перемещать и устранять с должностей командный состав войск и военного управления.² Таким образом, к концу 1918 г. Главнокомандующий получил больше прав, занимая промежуточное звено между РВСР и СНК, что значительно снизило роль председателя РВСР.

Можно сказать, что к середине 1919 г. созданная большевиками централизованная система управления вооруженными силами была окончательно оформлена. Тем не менее, внутренние границы системы военного управления продолжали претерпевать изменения. Весной 1919 г. Астраханская и Царицынская губернии были выведены из подчинения Южному фронту и переданы вместе с Саратовской губернией в Уральский военный округ с центром в г. Пензе³.

Осенью 1919 г. изменилась система управления военными комиссариатами. Согласно положению «Об окружном военном комиссариате», теперь его возглавлял только один военный комиссар, который назначался РВСР. Окружные военкомы получили права командующего армией, губвоенкоматы приравнивались к штабу дивизии, уездные – к штабу бригады⁴.

В феврале 1920 г. приказом РВСР №241 изменилась структура окружного военного комиссариата. Она состояла из десяти отделов: 1) военно-

¹ Цит. по: Войтиков С.С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиррова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 137.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1331.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 56.

⁴ Военная энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 200.

окружного совещания, 2) политическо-просветительного управления, 3) окружного штаба, 4) военно-хозяйственного, 5) артиллерийского, 6) инженерного, 7) управления военно-воздушного флота, 8) военно-санитарного, 9) военно-ветеринарного; 10) управления Всевобуча¹.

Последние изменения во внутренних границах военно-окружной системы, затрагивавшие Нижнее Поволжье, произошли в марте 1920 г. Астраханская, Царицынская и Саратовская губернии были выведены из Уральского ВО и переданы в новый Заволжский ВО, куда также вошли Оренбургская и Самарская губернии².

До конца 1920 г. серьезных реформ в системе военного управления проведено большевиками не было. После разгрома войск П.Н. Врангеля в Крыму перед большевиками встала задача по восстановлению народного хозяйства. Политика государства начала постепенно отходить от углубления милитаризации в сторону мирного строительства.

6 декабря 1920 г. на заседании РВСР в присутствии Л.Д. Троцкого, Э.М. Склянского, С.С. Каменева, П.П. Лебедева и С.С. Данилова было принято решение о сокращении армии до 1 362 900 военнослужащих. Предполагалось, что все вооруженные силы будут состоять из 45 стрелковых дивизий по 28 900 чел., 4 стрелковых бригад по 11 400 чел. и двух отдельных стрелковых бригад по 8 400 чел. Также планировалось сократить аппарат военного управления. По подсчетам РВСР, в конце 1920 г. в учреждениях военного управления служило до 170 тыс. чел. После реструктуризации предполагалось сохранить только 70 тыс. служащих по следующему расчету: по 100 чел. в 76 губернских военкоматах (7 600 чел.), по 50 – в 800 уездных военкоматах (40 тыс. чел.), по одному служащему в 10 тыс. волостных военкоматах, а также 12 400 чел. в резерве³. Таким образом, снижение численности армии и последующая демобилизация привели к резкому сокращению бюрократиче-

¹ Сборник приказов Революционного Военного Совета Республики. М., 1920. Ч. 1. С. 241.

² РГВА. Ф. 65. Оп. 4. Д. 6. Л. 90.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 474. Л. 36.

ского аппарата. На военкоматы ложилась задача по проведению демобилизации частей Красной армии, постановка на учет демобилизованных военнослужащих, проведение мероприятий по организации службы на основе всеобщей воинской повинности¹.

На VIII Всероссийском съезде Советов 29 декабря 1920 г. было утверждено правительственное сообщение «О сокращении армии»². 29 января 1921 г. РВСР принял постановление о реорганизации и сокращении центрального военного аппарата, 14 февраля – отдал приказ о слиянии Полевого штаба РВСР и Всероссийского главного штаба в единый орган – Штаб РККА³.

Окончательный переход на мирные рельсы был положен на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. По итогам съезда было принято решение о сокращении численности армии до 562 тыс. чел. Проведение демобилизации ложилось на вновь созданный штаб РККА⁴.

Таким образом, политику большевиков по созданию системы военного управления можно разделить на три этапа: 1) построения вооруженных сил на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.); 2) формирование Красной армии на добровольческой основе (январь – май 1918 г.); 3) Переход к централизованной структуре на основе всеобщей воинской повинности (май 1918 г. – декабрь 1920 г.). Первоначальная идея большевиков о построении децентрализованных вооруженных сил на основе всеобщего вооружения народа не смогла воплотиться в жизнь. Упразднение прежних органов военного управления привело к снижению обороноспособности РСФСР. Передача власти местным Советам не решала эту проблему в общегосударственных масштабах. Поиски большевиками наиболее эффективной системы управления армией привели к частичному возвращению прежней централизованной структуры (восстановле-

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 474. Л. 6.

² Декреты Советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. М., 1986. С. 121.

³ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 16.

⁴ Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 617–620.

нию военных округов, главного штаба и т.д.) и созданию новых государственных органов (военных комиссариатов, Реввоенсовета и т.д.). Это требовало большого количества специалистов, дефицит которых было невозможно пополнить без привлечения офицеров «старой» армии. Недоверие к военспецам привело к формированию института военных комиссаров, которые должны были следить за правильным исполнением приказов центральных властей. Сформированная летом 1918 г. система военного управления стала основой для развертывания и обеспечения крупных воинских соединений, которые сыграли ключевую роль в Гражданской войне.

1.2. Реализация государственной политики по созданию системы органов военного управления в Нижнем Поволжье (1918–1920 гг.)

На становление новой системы военного управления в Нижнем Поволжье существенно повлияли административно-территориальные изменения региона. Хаос революции и назревающей Гражданской войны внес значительную дезорганизацию управления всего Нижнего Поволжья. Слабая централизация и высокая инициативность местных руководителей приводила к созданию новых административно-территориальных единиц.

До октябрьских событий 1917 г. территорию Нижнего Поволжья составляли две крупные губернии – Саратовская и Астраханская. В состав последней входили полуавтономии, где проживало преимущественно кочевое население (Калмыцкая и Киргизские степи). Взятый большевиками курс на поощрение создания национальных образований после публикации в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России» привел к тому, что Калмыцкая и Киргизская степи пожелали выйти из состава Астраханской губернии. Несмотря на попытки астраханских руководителей удержать власть над этими регионами, центр решил спор в пользу новообразовавшихся национальных административно-территориальных единиц. Неспособность подчинить воле губернского центра Калмыцкую и Киргизскую степи обосновывалась мест-

ными руководителями отсутствием развитой дорожной сети и отдаленностью регионов от Астрахани¹.

Большие изменения произошли в границах Саратовской губернии, из состава которой постепенно начала выделяться самостоятельная Царицынская губерния. Царицын, относящийся в дореволюционное время к Саратовской губернии, имел широкую автономию в силу своего географического положения и экономического развития. Местный совет обладал большой властью и мог принимать решения в обход не только саратовских, но и центральных властей. Например, с конца 1917 г. фактическим главой города С.К. Мининым выпускались собственные денежные знаки, которые в народе назывались «мининками» и сохранялись в обращении до мая 1919 г.²

Сергей Константинович Минин родился в семье священника в 1882 г., окончил духовную семинарию, после чего учился в Юрьевском университете на историческом факультете. С 1905 г. принимал участие в забастовочных и стачечных движениях, за что был исключен из университета. С августа 1917 г. избран думой Царицына на должность городского головы. С сентября 1917 г. по ноябрь 1918 г. являлся фактическим главой и руководителем Царицынского уезда, также являлся членом Реввоенсовета X-й армии. С.К. Минин не имел военного опыта и всячески противодействовал созданию регулярных сил в Царицыне. В результате конфликта с Л.Д. Троцким С.К. Минин был отозван в декабре 1918 г. из Царицына в Москву, где ему дали должность заведующего отделением управления НКВД³.

На территории Царицынского уезда также находились крупные заводы, в волостях крестьяне заготавливали хлеба больше, чем это было необходимо для внутреннего потребления.⁴ Обладая экономической и политической самостоятельностью, но сохраняя формальную зависимость от Саратова,

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 56 об.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2434. Л. 1–2.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 547. Л. 103–103 об.

⁴ Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда (1589–1967 гг.). М., 1969. С. 189.

27 апреля 1918 г. Царицынский Совет принял решение о создании комиссии для разработки предложения о выделении Царицынской губернии.

Юридически Царицынская губерния оформилась 24 марта 1919 г. после принятия коллегией НКВД решения о вхождении в ее состав четырех волостей Камышинского уезда, Царевского уезда, Черноярского уезда, 2-го Донского и Усть-Медведицкого округа, а также части Сальского округа с временной границей до устья реки Хоровой и Хопёрского округа¹. Решению оказывали серьезное противодействие Советы Астраханской и Саратовской губерний. Например, Черноярский уезд, формально переданный под контроль Царицынской губернии, подчинялся новому центру только в военном отношении, в гражданском – Астраханскому губисполкому. Похожая ситуация была с Камышинским уездом, вынесшим местное постановление о присоединении к г. Царицыну, против которого настойчиво возражал Саратовский губисполком².

Саратовская губерния также потеряла земли, на которых проживали немцы Поволжья. Согласно 11 пункту Конституции РСФСР 1918 г., Советы областей, «отличающихся особым бытом», имели право образовывать автономные областные союзы, которые входили в состав республики на правах федерации³. 19 октября 1918 г. Декретом СНК «О немецких колониях Поволжья» на территории РСФСР возникло первое национально-государственное образование – Трудовая коммуна Области немцев Поволжья (ТКОНП). В состав коммуны вошли волости Николаевского, Новоузенского, Камышинского и Аткарского уездов⁴. Немецкую автономию большевики

¹ Городская черта. Царицын – Сталинград – Волгоград: (административно-территориальное деление города в XX веке): документы и материалы. Волгоград, 2010. С. 33.

² ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 27. Л. 144.

³ Конституция РСФСР 1918 г. Ст. 11.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1091–1092.

рассматривали как ценный регион с большим мобилизационным потенциалом, так как на ее территории проживали 473 938 чел.¹

Саратовская губерния, несмотря на потерю г. Царицына и западных областей, распространила свое влияние на Николаевский уезд Самарской губернии². Динамичность внутренних границ сыграла значительную роль в области организации органов военного управления в Нижнем Поволжье, внося бюрократическую неразбериху и многочисленные споры вокруг подчиненности уездов тому или иному губернскому центру. В силу этих обстоятельств прежняя логистическая структура была нарушена. К началу Гражданской войны в Нижнем Поволжье сложилась ситуация, когда одни административные центры не могли управлять своими отдаленными территориями, что приводило к тому, что соседние центры осуществляли контроль над этими регионами.

Традиционное для советской историографии «триумфальное шествие» власти большевиков фактически происходило в условиях постоянной борьбы с ее противниками. Первыми органами советской власти на местах, осуществлявшими набор добровольцев в боевые подразделения на территории Нижнего Поволжья, были Советы. В конце 1917 – начале 1918 г. при Советах Нижнего Поволжья формировались военные секции, которые впоследствии реорганизовывались в военные отделы. Местные Советы формировались «снизу», а не «сверху», поэтому до лета 1918 г. в Нижнем Поволжье при создании военных секций и военных отделов Советы ориентировались на потребности конкретно своей губернии, уезда или волости.

В Саратовской губернии до февраля 1918 г. организацией и комплектованием «красных» отрядов занималась военная секция городского Совета. Власть военной секции до весны 1918 г. распространялась только на Саратов, остальные регионы губернии имели полную самостоятельность и в первые месяцы советской власти не воспринимали указания саратовского Совета как

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2930. Л. 21–21 об.

² ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 303. Л. 87.

приказы к действию. Впервые военно-организационная деятельность Совета была упомянута 10 декабря 1917 г., когда большинством его членов было решено сформировать «достаточный отряд для захвата линии Царицын – Лихая» для военной поддержки подразделений В.А. Антонова-Овсеенко в Донской области¹. Организацией отряда занимались военная секция при саратовском Совете, а также начальник Красной гвардии А.А. Фёдоров².

1 февраля 1918 г. Саратовским губисполкомом было принято решение о реорганизации военной секции в военный отдел. Военный отдел включал в себя 9 подотделов, каждый из которых обладал собственными функциями. Военный отдел при Саратовском Совете состоял из следующих подотделов:

1) организационный подотдел, занимался вербовкой личного состава, поиском инструкторов и обеспечением стрелковым оружием добровольцев-красноармейцев;

2) инструкторский подотдел, полномочия которого часто пересекались с организационным подотделом, так как главная его задача заключалась в унификации работы в области военного строительства в уездах, подборе опытных инструкторов;

3) агитаторский подотдел, занимался вопросами пропаганды идеологии большевиков среди местного населения и красноармейцев (с апреля 1918 г. был реорганизован в вербовочный подотдел);

4) строевой подотдел ведал строевой подготовкой подразделений, управлением оперативными действиями отрядов РККА, занимался учетом военнослужащих;

5) арсенальный подотдел, занимался учетом и обслуживанием артиллерии, складированием и охраной снаряжения и боеприпасов;

¹ Васильев В.В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 47.

² Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. док. М.; Л., 1931. С. 302.

6) подотдел снабжения, решал вопросы бесперебойного обеспечения подразделений РККА вещами и продовольствием, своевременной выплатой довольствия натурального и денежного довольствия красноармейцам;

7) финансовый подотдел, занимался вопросами организации денежного обеспечения проводимых Военным отделом мероприятий по формированию местных подразделений Саратовской губернии;

8) подотдел расквартирования, обустроивал сборные пункты и места дислокации подразделений РККА;

9) санитарно-медицинский подотдел, ведал организацией медицинского освидетельствования новобранцев¹.

Саратовский военный отдел начал свою работу с 14 февраля 1918 г.² и публично объявил о начале формирования отрядов РККА, включавших в свой состав пехоту с пулеметами, инженерные войска, кавалерийские части и артиллерию³. Из-за банальной нехватки денежных средств в военном отделе Саратова на протяжении первых четырех недель отсутствовали специалисты. Окончательно отдел сформировался только к 13 марта 1918 г. во главе с коллегией трех комиссаров, представленных М.П. Блиновым⁴, Шварцем⁵ и Тумановичем⁶.

Военные отделы при губисполкомах представляли собой административно-военные органы, занимавшиеся вербовкой добровольцев. В вопросе вербовки военные отделы опирались на местные штабы Красной гвардии, на базе которых с весны 1918 г. создавались вербовочные комиссии для проведения агитации и формирования первых добровольных подразделений⁷.

Так, в феврале 1918 г. Саратовский исполком принял «Положение (устав) о Саратовской Красной гвардии». В уставе характеризовалась струк-

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 135. Л. 72.

² Саратовская Красная газета. 1918. 28 февраля.

³ 1917 г. в Саратовской губернии... С. 314.

⁴ Назаров А.Ф. В бурях рожденная. Саратов, 1968. С. 69.

⁵ На страже революции // Пять лет пролетарской борьбы, 1917–1922... С. 45.

⁶ ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 1. Л. 18.

⁷ Саратовская Красная газета. 1918. 2 марта.

тура управления гвардейскими отрядами, которая подразумевала организацию штаба Красной гвардии, в состав которого входили: 1) три представителя исполкома, 2) один представитель фабрично-заводских комитетов, 3) один представитель центрального бюро профсоюзов и начальники дружин и районных организаций¹.

В конце марта 1918 г. районные штабы подверглись унификации. Вербовочная комиссия при Районном Совете пополнилась двумя представителями от районного штаба Красной гвардии и представителем Всероссийской коллегии – организатором района. Районный штаб включал в себя следующие подотделы: 1) вербовочный, 2) по продовольствию, 3) по обмундированию, 4) по вооружению, 5) по формированию и обучению. Районным штабам передавалась функция по формированию и обслуживанию новых подразделений².

Кадровый состав Саратовского военного отдела комплектовался преимущественно молодыми местными большевиками-революционерами. Одним из наиболее видных руководителей отдела был бывший рядовой 4-й запасной Саратовской артиллерийской бригады М.П. Блинов, который к 1918 г. едва достиг возраста 24 лет. Единственным специалистом военного дела оказался бывший капитан российской армии Туманович, который также не имел опыта командования крупными армейскими соединениями.

Из-за проблем с материальным обеспечением военного отдела со стороны центральных властей он оказался в прямой зависимости от губисполкома Саратовского совета, который оказался единственным источником денежных средств. Следовательно, на данном этапе значительную роль в военной политике губернии играли именно члены губисполкома, а не руководители военного отдела. В Саратовской губернии сложилась система, при которой фак-

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 167. Л. 11.

² РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.

тическим руководителем местного губисполкома стал В.П. Антонов-Саратовский, сосредоточивший в своих руках власть в регионе¹.

Владимир Павлович Антонов-Саратовский родился в семье судебного пристава Саратовского окружного суда в 1884 г. Учился на юридическом и историко-филологическом факультетах Московского университета. Вступил в партию большевиков в 1902 г. и неоднократно принимал участие в протестах против царского режима в Первой русской революции. На военную службу в период Первой мировой войны не призывался.² Несмотря на отсутствие военного образования и опыта, на заседаниях губисполкома его слово всегда оказывалось решающим в принятии решений по вопросам организации местных вооруженных сил³.

На первоначальном этапе центральные власти не вмешивались в кадровую политику региона. Вероятнее всего, в начале 1918 г. большевикам были необходимы в первую очередь лояльные кадры. Такой подход изменился в марте 1918 г. в связи с инцидентом, случившимся в Саратове на демонстрации, приуроченной к годовщине свержения монархии, во время которой после ряда провокационных выстрелов отряды красноармейцев были быстро превращены в неорганизованную толпу⁴.

Описанный случай привел к осознанию низкого качества командного состава и слабой дисциплины солдат. Москва решила вмешаться и отправить в Саратовский военный отдел обученных офицеров. Всероссийская коллегия по организации Красной Армии направила в Саратов 20 чел. «зеленой офицерской молодежи, среди которых был один бывший штабс-капитан, а остальные прапорщики и подпоручики». Отправленные бывшие офицеры вскоре были высланы саратовскими руководителями обратно в Москву под предлогом недостаточной компетенции. В скором времени из столицы при-

¹ Малая советская энциклопедия. 1958. Т. 1. С. 447.

² Там же. С. 448.

³ ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 1. Л. 9.

⁴ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. док. М.; Л., 1931. С. 411.

слали еще одну группу офицеров из 17 чел., среди которых уже имелись полковники «старой» армии (И.О. Гриневич, С.В. Армейсков, А.В. Антонов)¹.

Особую роль в отставании Саратовской губернии в области комплектования органов военного управления специалистами высшего офицерского состава сыграло недоверие к военным специалистам со стороны местных советских работников и красноармейцев. По словам одного из организаторов Саратовского военного отдела М.П. Блинова, многие члены губисполкома отказывались от необходимости привлечения военных специалистов, а новые офицеры, вышедшие из рядового и унтер-офицерского состава, грозились уйти в случае взятия на службу военспецов².

Недоверие к военспецам особенно ярко проявлялось в Саратовской губернии, в которой местными властями специально удерживались низкие заработные платы для членов командного состава. Несмотря на то что в первые годы своего правления большевики привлекали военспецов за высокую плату, губисполком Саратова не ввел для инструкторов высоких окладов, установленных центральной властью.

В Астраханской губернии органы государственной власти начали формироваться в конце 1917 г., когда местные большевики начали активную подготовку к борьбе за власть. Начало строительства вооруженных сил в губернии было положено ноябрьским собранием рабочих представителей г. Астрахани, на котором было утверждено «Положение о Красной гвардии при Совете рабочих и солдатских депутатов»³.

Одним из первых органов, возникших на территории Астраханской губернии, был созданный местным Советом Военно-революционный комитет. Одновременно при губернском Совете профсоюзов создавался Центральный

¹ Симонов А.А. Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове / Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 321.

² Симонов А.А. Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 322.

³ ГААО. Ф. Р-1727. Оп. 1. Д. 5. Л. 238.

стачечный комитет, в обязанности которого входила организация потенциальных мобилизаций рабочих на случай антибольшевистских восстаний. Стачечный комитет располагался в порту, в непосредственной близости от Военно-революционного комитета.

Руководствуясь указаниями советского правительства в начале 1918 г. Астраханский губисполком приступил к демобилизации старших возрастов гарнизона и создал комиссию по формированию лояльных большевикам воинских подразделений. Организацией частей Красной Армии в губернии занималась специальная комиссия при губисполкоме в составе Круглова (грузчик) и Бурова (бывший казачий офицер). Позже комиссия была переформирована в Военный Совет в составе М.Л. Аристова, Ф. Михайлова и П. Коптева¹.

Особую роль в деле организации военного строительства в Астраханской губернии сыграл 156 пехотный полк. В декабре 1917 г. в полку проходили перевыборы командира, которые должны были определить исход политической борьбы в губернии. Подавляющим большинством голосов (1322 из 2155) командиром полка был избран большевик подьесаул М.Л. Аристов. Прежний командир казачий подполковник Алексеев получил всего 131 голос. Остальные 636 голосов солдатами 156 полка были отданы рядовому Петрову (члену партии РСДРП(б))². Таким образом, в единственном крупном боеспособном подразделении Астраханской губернии поддержка большевиков составляла до 90%.

Военное строительство в Астраханской губернии началось в январе 1918 г. и было связано с созданием Военного совета Астраханского края, председателем которого стал командир 156-го пехотного полка М.Л. Аристов. Военный совет не имел чёткой организации. Отсутствовали опытные канцелярские работники, не было отделов и делопроизводства. Дея-

¹ Мушкатёров Н.В. Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае. Астрахань, 1961. С. 9.

² ГААО. Ф. 386. Оп. 2а. Д. 17. Л. 86.

тельность велась на основании словесных распоряжений. Книг, денежных журналов и приказов не велось, отсутствовала система окладов для работников¹.

Зимой 1918 г. в Астраханской губернии функции органа военного управления возложил на себя местный губисполком, при котором в марте того же года был сформирован военный отдел². Астраханский губисполком имел крайне ограниченные ресурсы, денег на строительство собственного военного учреждения крайне не хватало. Отсутствие денежных средств заставило обложить Военный совет контрибуцией астраханских купцов и рыбопромышленников на 50 млн руб.³

В начале марта 1918 г. при Астраханском военном совете была организована секция снабжения, ведавшая обеспечением отрядов Красной армии продовольствием, обмундированием, денежным довольствием и т.д. Деньги и продукты питания для красноармейцев весной 1918 г. поставлялись централизованно из Казани (бывшего военного центра). Работа секции снабжения проходила в условиях стихийного революционного подъема, поэтому существовала без всякого плана и упорядоченного делопроизводства. Главная проблема секции заключалась в отсутствии на территории Астрахани официально зарегистрированных воинских частей, что усложняло ведение делопроизводства и обоснование выделения необходимых средств для содержания военнослужащих⁴.

Налаженную работу между Астраханью и Казанью прервал декрет СНК «Об учреждении военных округов» от 4 мая 1918 г.⁵ Несмотря на включение Казани в Уральский военный округ, а Астрахани – в Приволжский, связь между военной властью обоих городов поддерживалась до лета 1918 г. Астраханские военные управленцы многократно отправляли в Москву просьбы о

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 86.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 54.

³ Астраханский фронт Гражданской войны и С.М. Киров: Сб. док. Сталинград, 1937. С. 37.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 112 об.

⁵ СУ РСФСР. 1918. № 37. Ст. 491.

включении местных органов военного управления в подчинение Казани, мотивируя это отлично налаженной связью и отсутствием таковой с новым окружным центром – Самарой. Однако из Москвы отвечали на просьбы астраханских властей отказами. Астраханская губерния месяцами не могла наладить нормальное взаимодействие с новым окружным центром. Сложившаяся система военного управления приводила к ситуации, когда местные руководители были вынуждены самостоятельно принимать решения в области военного строительства в регионе.

В Царицынском уезде на организацию местного органа военного управления особое влияние оказало антибольшевистское выступление атамана А.М. Каледина. 19 декабря 1918 г. Царицынский исполком для координации действий против А.М. Каледина сформировал Штаб Оборона во главе с председателем городского комитета РСДРП(б) С.К. Мининым¹. Заместителем председателя Штаба Оборона был назначен Кучин. К апрелю 1918 г. в составе Штаба Оборона Царицына насчитывалось 24 человека, к маю – 82.

Штат и количество отделов Штаба Оборона Царицына постоянно менялись. 22 апреля 1918 г. в результате реструктуризации Штаб Оборона состоял из восьми отделов: 1) финансового, 2) вооружения, 3) продовольственного, 4) ликвидации, эвакуации и демобилизации, 5) вещевого, 6) санитарного, 7) организационного, 8) агитационного².

Влияние Царицына на Северный Дон, на территории которого проживало значительное количество казаков, отразилось на формировании первых органов военного управления региона. Казачий фактор повлиял на создание 25 декабря 1917 г. при местном губисполкоме Казачьей военной секции. Казачья секция являлась одним из ключевых органов Царицына, занимавшимся подготовкой и обеспечением добровольцев из казачьей среды. В секцию вхо-

¹ Минин С.К. Город-боец. Шесть диктатур 1917 г. (воспоминания о работе в Царицыне). Л., 1925. С. 239.

² Лепкова Е.А. К вопросу об организации советских гражданских и военных учреждений в Царицыне в период гражданской войны // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград, 2021. С. 338.

дили 328 представителей местных казачьих полков и станиц. Первым председателем секции был А.Г. Шманов. Главной задачей секции провозглашалась поддержка Царицынского совета в борьбе с казачьими частями атамана А.М. Каледина. Казачья военная секция была вторым органом военного управления в Царицыне, существовавшая параллельно со Штабом Обороны и впоследствии с губвоенкоматом вплоть до октября 1918 г.¹

Формально Казачья секция зависела от губисполкома, однако в действительности она получала финансирование от Штаба Обороны. Штаб неоднократно рассматривал просьбы Казачьей секции об отпуске вооружения, военного снаряжения и обмундирования. Как правило, эти ходатайства удовлетворялись².

После того как подразделение было сформировано, Казачья секция передала его в оперативное управление Штаба Обороны. Так, Казачьей секцией были сформированы и переданы в подчинение Штабу обороны Царицынского Совета 1-й социалистический казачий летучий отряд, Суровикинский революционный советский отряд, Громославский объединенный казачье-крестьянский донской советский полк и др. Основной формой работы была агитация. За время своей деятельности секция выпустила до 400 воззваний и обращений. Она поддерживала тесную связь с хуторскими, станичными ревкомами. 23 сентября 1918 г. члены Казачьей секции постановили отказаться от своего казачьего звания, заменив его на звание «российский гражданин», и переименовать казачью военную секцию в отдел донской бедноты. 31 октября 1918 г. секция прекратила своё существование³.

В сельской местности Нижнего Поволжья роль органов военного управления брали на себя местные Советы. Так, 15 января 1918 г. Селитринский волостной Совет Енотаевского уезда Астраханской губернии решил «просить

¹ Лепкова Е.А. К вопросу об организации советских гражданских и военных учреждений в Царицыне в период гражданской войны // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Волгоград, 2021. С. 337.

² ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 68 об.

³ ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

граждан записываться в добровольные группы». 26 января 1918 г. Ново-Николаевский волостной Совет Черноярского уезда также постановил организовать отряды Красной гвардии¹.

Черноярский уездный исполком Совета в январе принял решение об организации Красной гвардии в селах уезда «для поддержания Советской власти по всякое время»². В Саратовской губернии делегаты IV Губернского крестьянского съезда от Мордовско-Карайской, Мало-Семеновской, Львовской, Пинеровской и Песчаных волостей в мае 1918 г. объявили, что организаторами местных отрядов Красной гвардии являлись Советы крестьянских депутатов³.

В ряде случаев инициатива о формировании военных отрядов исходила от местных Советов из-за срочной необходимости перераспределения ресурсов и власти в борьбе с сохранявшими свое влияние в некоторых регионах земскими управами. Так, 23 января 1918 г. на заседании крестьянской секции Саратовского губисполкома представитель села Лох Саратовской губернии заявил, что в селе отряды Красной гвардии создавались для того, чтобы ликвидировать местную земскую управу, обладавшую всей полнотой власти с опорой на зажиточное крестьянство⁴.

В небольших населенных пунктах Советы оказались несформированными даже к лету 1918 г. Поэтому на первом этапе при строительстве вооруженных сил в некоторых населенных пунктах Нижнего Поволжья значительную роль играли партийные ячейки большевиков. Например, в селе Болхуны Енотаевского уезда Астраханской губернии роль органа, взявшего на себя функции формирования военных отрядов, играла большевистская партийная ячейка, образованная в начале января 1918 г.⁵ К весне 1918 г. в селе Широкий Буерак Саратовской губернии по инициативе местного комиссара большеви-

¹ ГАВО. Ф. Р-55. Оп. 5. Д. 8. Л. 26.

² ГААО. Р-296. Оп. 2а. Д. 2. Л. 1 об.

³ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 247. Л. 261.

⁴ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 200. Л. 7.

⁵ Афанасьев А.В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978. С. 66.

ков Коргополова была создана ячейка коммунистов в составе И.Г. Козлова, В.Ф. Ковалева, В.П. Рябкова и П.Ф. Голикова. Образованная ячейка организовала сельский сход, на котором было принято решение о создании боевого отряда из местного мужского населения в количестве 200 чел. В отряд могли вступить мужчины от 18 до 40 лет¹.

Децентрализация в системе управления крайне негативно влияла не только на боеспособность вооруженных подразделений Нижнего Поволжья, но и всей Советской республики. Вышедший в апреле 1918 г. декрет о создании военных комиссариатов² в регионе не был исполнен местными Советами. Нижнее Поволжье было одним из последних регионов в области формирования военных комиссариатов (военкоматов). Военкоматы так и не успели проявить себя в качестве учреждений по формированию новых подразделений в добровольческий период, так как приступили к своей деятельности только в июне – июле 1918 г. Столь позднее формирование новых органов военного управления на территории Нижнего Поволжья объяснялось значительным отдалением региона от центра (задержка декретов могла быть до одного месяца), нехваткой компетентных кадров, слабой материально-технической базой³. Местные Советы не спешили формировать новые органы военного управления, так как в этом случае потеряли бы власть над воинскими частями в регионе и стали более зависимыми от центральных властей.

Первоначально губвоенкоматы Нижнего Поволжья подчинялись комиссариату Приволжского военного округа (центр – г. Казань). В мае 1918 г. декретом СНК был образован Северо-Кавказский военный округ, в который изначально входили территории Дагестанской, Донской, Кубанской и Терской губерний. С 18 июня 1918 г. управление округа было перенесено в Ца-

¹ Афанасьев А.В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978. С. 69.

² Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 63.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 79.

рицын, в новообразованный округ включили Астраханскую и Саратовскую губернии¹.

16 апреля 1919 г. постановлением РВСР Самарская, Саратовская, Пензенская, Астраханская губернии и Уральская область Приволжского округа перешли в Уральский округ, центр которого размещался в г. Пензе. 18 апреля 1920 г. Нижнее Поволжье было отнесено к Заволжскому военному округу².

Частые изменения границ и центров военных округов приводили к тому, что вертикаль управления военкоматов, определенная положением декрета на протяжении всей Гражданской войны в Нижнем Поволжье, постоянно нарушалась. Особенно остро стояла проблема взаимодействия между округом и губерниями. В отчете о деятельности Уральского Окружного Комиссариата по военным делам отмечалось, что все губернии бывшего Приволжского военного Округа (Астраханская, Самарская, Саратовская, включая г. Царицын) не имели никакой связи с округом и были предоставлены сами себе. На вопрос Л.Д. Троцкого «Нужны ли округа губвоенкоматам?» губернские военные комиссары Астрахани, Царицына и Саратова ответили отрицательно³.

Связь окружных, губернских, уездных и волостных военкоматов поддерживалась при помощи личных поездок представителей центрального военного комиссариата на места. Однако нехватка транспортных средств приводила к тому, что военкоматы получали приказы вышестоящих комиссариатов с задержкой до месяца. Особенно остро проблема стояла в дельте Волги, где населенные пункты разделяли водотоки реки, которые превращали их фактически в изолированные территории. Так, в отчете Красноярского уездного военкомата в марте 1919 г. отмечалось, что связь Красного Яра и Астрахани поддерживалась только «случайными пароходами», отправлявшимися в

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 55.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 37. Д. 392. Л. 366.

³ Отчет о деятельности Уральского Окружного Комиссариата по военным делам за 2 года Октябрьской революции... С. 34.

Астрахань. В некоторых случаях установить связь между уездом и волостью было невозможно из-за отсутствия транспортных средств¹.

Несмотря на попытки большевиков унифицировать органы военного управления, военкоматы Нижнего Поволжья имели различную структуру, систему окладов сотрудников, делопроизводство и т.д. Это было обусловлено особенностями работы органов военного управления, из которых были образованы местные военные комиссариаты.

Особую роль в становлении и работе военкоматов играла личность их руководителей. Военкомы и военные специалисты в условиях сложной логистики и слабой связи региональных военкоматов с центром были вынуждены самостоятельно принимать решения и организовывать работу под конкретные задачи с учетом местной национальной, экономической, демографической, социальной специфики. Также они должны были принимать во внимание военно-оперативное положение действующих армий на фронте, которые находились на территории Нижнего Поволжья, для того чтобы успеть вовремя обеспечить их всем необходимым, в том числе и людскими ресурсами.

Астраханский губернский военный комиссариат был основан в начале июня 1918 г. Первым губернским военкомом был назначен Л.А. Соснин. Леониду Антоновичу Соснину на момент назначения на должность астраханского губвоенкома было всего 23 года. Л.А. Соснин прошел военную службу в 4-м саперном полку в г. Самаре в звании рядового. В апреле 1917 г. вступил в РСДРП(б). После переворота большевиков был делегирован в г. Казань, где его избрали членом военно-исполнительного комитета. До перевода в г. Астрахань в 1918 г. работал комиссаром штаба Казанского военного округа². Несмотря на быструю карьеру, первый губвоенком не имел военного образования и являлся скорее партийным работником, нежели специалистом, сведущим в военном деле.

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 55.

² Социалистическая стройка. Кемерово, 1938. № 15 (213). С. 1.

Командный состав Астраханского губвоенкомата был одобрен губисполкомом 14 июня 1918 г. На должность военно-политического комиссара был назначен Таращенко¹. Первый месяц работы астраханского губвоенкомата отличался наличием только одного общего отдела. Согласно отчету губвоенкомата, приуроченному годовщине Октябрьской революции, в первое время новый орган военного управления не внушал доверия бывшим сотрудникам Военного совета Астраханского края. В отчете отмечалось, что люди шли крайне неохотно работать в военкомат².

Нехватка кадров и недоверие к новому органу советской власти привели к кадровому дефициту, который удалось частично преодолеть только к июлю 1918 г., когда при губвоенкомате были сформированы следующие отделы: 1) общий, 2) снабжения, 3) агитационно-вербовочный, 4) формирования, 5) обучения, 6) инструкторский, 7) транспортный, 8) санитарный³. 13 сентября 1918 г. был сформирован финансовый отдел⁴. Таким образом, при формировании астраханского губвоенкомата была нарушена структура, закреплённая декретом от 8 апреля 1918 г. Так, в военкомате в первые месяцы работы отсутствовал учетный отдел, отдел формирования и обучения был разделен на два подразделения.

В июле 1918 г. на должность губвоенкома был назначен А.М. Кузьмин. Андрей Михайлович Кузьмин до своего перевода в Астрахань с апреля 1918 г. занимал должность губвоенкома в г. Великие Луки Псковской губернии. В июне 1918 г. по инициативе Москвы был направлен в Астрахань. Однако по требованию центра в сентябре 1918 г. был отозван в г. Москву⁵.

К сожалению, большая часть информации о ранней работе и взаимодействии первых отделов астраханского губвоенкомата до августа 1918 г. была утрачена. Начавшаяся в губернии мобилизация привела к крупному восста-

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1. Л. 63.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 87.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 87 об.

⁵ РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. Л. 241.

нию призывников 15 августа 1918 г. В ходе этого восстания губвоенкомат был разграблен, книги и дела уничтожены¹.

В первые месяцы работы астраханского губвоенкомата наблюдалась большая текучка кадров. В период с июня по ноябрь 1918 г. на должности первого губвоенкома сменилось семь человек (Л.А. Соснин, Таращанский, Радченко, Недашковский, Кузнецов, А.М. Кузьмин, Студнев)².

22 ноября 1918 г. на должность первого военкома астраханского губвоенкомата был назначен П.П. Чугунов, который являлся фактическим руководителем главного органа военного управления губернии вплоть до июля 1919 г. Вторым военкомом был назначен Л.А. Соснин³. Петр Петрович Чугунов вступил в должность военкома в возрасте 37 лет. Военный комиссар родился в семье рабочих в Казани в 1881 г. В 1905 г. вступил в партию РСДРП(б)⁴. П.П. Чугунов имел за своими плечами опыт участника Первой мировой войны, которую прошел в унтер-офицерском чине вахмистра. После переворота большевиков принимал активное участие в январской борьбе за власть в г. Астрахани в 1918 г. После службы губернским военным комиссаром в 1920 г. принимал участие в советско-польской войне в должности начальника кавалерийской дивизии.⁵ После возвращения с советско-польского фронта возглавил астраханский военкомат, где проработал до своей смерти в 1922 г.⁶

В работе Астраханского губвоенкомата особую роль играл отдел снабжения, который, несмотря на формальную подчиненность губвоенкомату, по инициативе центра часто передавался в ведение других государственных органов, штабов армий и т.д. Так, с августа по декабрь 1918 г. отдел передавался под управление Южному фронту, Приволжскому военному округу, Северо-Кавказскому военному округу. В ноябре 1918 г. под свое управление

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 89.

² РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 90. Л. 2.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 90. Л. 2 об.

⁴ Военно-исторический журнал. 1984. № 3. С. 62.

⁵ РГВА. Ф. 7677. Оп. 1. Д. 562. Л. 52.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 659.

его взял штаб XI армии. В январе – феврале 1919 г. отдел снабжения губвоенкомата переходил в ведение Кавказского фронта, хотя с 21 января 1919 г., по приказу РВСР № 141, должен был войти в подчинение Приволжскому военному округу. Частые переходы порождали массовую переписку, возникали перебои с финансированием военкоматов¹.

Зимой 1919 г. РККА вела активные боевые действия против Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) на Северном Кавказе. Позиции большевиков в Астрахани были достаточно прочные, сам город находился на безопасном расстоянии от линии фронта. Поэтому в январе 1919 г. в Москве было принято решение сформировать новый военный округ, который объединил бы в себя Терскую, Кубанскую, Дагестанскую области Ставропольской губернии, а также Астраханскую губернию в дореволюционных границах, включая Калмыцкую и Киргизскую степи². В феврале 1919 г. Астраханский губернский комиссариат был преобразован в Каспийско-Кавказский окружной комиссариат³.

Астраханский губвоенкомат недолго просуществовал в статусе окружного комиссариата, так как боевые действия для РККА на Северном Кавказе закончились неудачно. Потеря Ставропольской губернии исключила потребность для большевиков в новом военном округе. Поэтому 9 апреля 1919 г. Каспийско-Кавказский окружной комиссариат был вновь переформирован в губвоенкомат⁴.

Астраханская губерния отличалась многонациональным и поликонфессиональным составом. К началу 1918 г. значительную часть населения губернии составляли народы, которые в дореволюционное время относились к «иногородцам». Согласно Своду законов Российской империи 1899 г., к «иногородцам» относились калмыки, кочевавшие в Астраханской и Ставропольской губерниях, «киргизы Внутренней Орды, нерусское население Закаспийской

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 112.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 37. Д. 392. Л. 364.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 795. Л. 118.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 88.

области»¹. «Иностранцы» во времена Российской империи не призывались на военную службу². Поэтому этнический и религиозный факторы играли существенную роль в области организации военного строительства местными властями, и соответственно отражались на структуре органов военного управления.

После прихода большевиков к власти в 1917 г. ряд сёл Калмыцкой степи объединились в отдельный Элистинский округ. На территории нового округа создавались собственные управленческие структуры, включая Элистинский уездный военкомат, который начал свою работу 21 июля 1918 г.³ Таким образом, Калмыцкая степь получила значительную самостоятельность от Астрахани.

Осенью 1918 г. в Астрахань пришел приказ РВСР № 244, который ставил задачу «создать калмыцкую красную кавалерию..., для чего необходимо сформировать особый калмыцкий военный комиссариат». Этот приказ дал толчок к созыву 2-го Чрезвычайного съезда Советов трудового калмыцкого народа, который провел свою работу в Астрахани. Съезд определил структуру военных комиссариатов Калмыцкой степи: Центральный Калмыцкий и 9 улусных военкоматов на правах волостных⁴.

23 сентября 1918 г. был учрежден военный комиссариат по калмыцким делам, который основывался на ранее созданной Калмыцкой секции (местный орган советской власти Калмыцкой степи). Военным руководителем Центрального Калмыцкого военкомата был назначен Мефодовский, первым военкомом был выбран А.Г. Маслов, на должность второго военкома Всероссийским бюро военных комиссаров был назначен Н.Л. Елецкий⁵.

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1899. Т. IX. С. 154.

² Коркунов Н.М. Русское государственное право... Т. 1. С. 360.

³ Очиров У.Б. Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 225.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

⁵ Маслов А.Г. Страницы былого (Из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии). Элиста, 1962. С. 99.

Военный комиссариат Калмыцкой степи начал свою работу только в октябре 1918 г., так как на территории степи отсутствовали необходимые специалисты.¹ Проблема нехватки кадров в Калмыцкой степи стояла достаточно остро и часто отражалась в отчетах губвоенкомата на протяжении всей Гражданской войны. В частности, военкомы указывали на то, что на территории калмыцких улусов было мало коммунистов, знавших русский язык, а специалистов в военном деле, которые смогли бы наладить мобилизационную работу, практически не было².

Новый орган военного управления был предоставлен сам себе и слабо подчинялся губернскому центру. Главная проблема в организации взаимодействия между губвоенкоматом и калмыцким военным комиссариатом заключалась в логистических сложностях, которые выражались в отсутствии необходимого количества транспорта и качественных дорог, особенностями ландшафта, который представлял собой сотни километров степей.

Слабый контроль Астрахани над Калмыцкой степью, неудовлетворительные результаты мобилизации (по мнению астраханского губвоенкомата) привели к тому, что в январе 1919 г. Калмыцкий военкомат был реорганизован в Калмыцкий отдел при губвоенкомате, который размещался в г. Астрахани. Преобразование местного военкомата в отдел и перенос его далеко от места деятельности привели к еще более негативным последствиям. В марте 1919 г. в связи с полной остановкой набора калмыков в РККА из-за реорганизации военкомата был восстановлен Центральный калмыцкий военный комиссариат, который расположился в с. Никольское Енотаевского уезда Астраханской губернии³.

Попытки Астраханского совета поставить Калмыцкую степь под военное и административное управление не увенчались успехом. В ноябре 1920 г.

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 193.

² Там же. Л. 240.

³ РГВА. Ф. 40283. Оп. 1. Д. 5. Л. 65.

по решению ВЦИК и СНК была образована Калмыцкая автономная область, вышедшая из состава Астраханской губернии¹.

Помимо калмыков, на территории Астраханской губернии проживало более 300 тыс. мусульман (татары, казахи и др.)². Первый орган по работе с мусульманским населением в области военного строительства был создан в ноябре 1918 г. распоряжением губвоенкомата № 1189. Семь волостей (Хоже-таевская, Сеитовская, Ново-Тулогановская, Архаровская, Синеморская, Тундотовская, Джабриковская) были объединены под контроль мусульманского отдела всеобщего военного обучения. Несмотря на то что местные руководители старались привлечь к работе в отделе представителей мусульманского населения, первые месяцы из нескольких сотен кандидатов «не было ни одного мусульманина»³.

Для организации работы с местным мусульманским населением 1 января 1919 г. при губернском военкомате был создан отдел по военным делам мусульман. Отдел должен был провести учет местного населения, приписанного ранее к «инородцам», организовать агитационную деятельность для привлечения как можно большего количества «киргизов» (казахов) к службе в РККА. Через своих агитаторов отдел пытался распространить влияние на Киргизскую степь. Однако по инициативе Москвы отдел по делам мусульман был упразднен в мае 1919 г.⁴

В Царицыне военный комиссариат был образован 9 июля 1918 г. путем реорганизации Штаба Обороны. Штат сотрудников военкомата был частично укомплектован только к концу июля 1918 г. и насчитывал 125 чел.⁵ Первые месяцы работы из-за отсутствия необходимого кадрового состава Царицын-

¹ Очиров У.Б. Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 336.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XX. Астраханская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 41.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 238.

⁴ Там же. Л. 87 об.

⁵ ГАВО. Ф. Р-133. Оп. 1. Д. 1. Л. 137 об.

ский губвоенкомат состоял всего из двух отделов – Общего и Учетного, а также Этапной части¹.

Первым губернским военным комиссаром был назначен К.Я. Федотов, который являлся главным и несменяемым руководителем губвоенкомата до мая 1920 г.² Константин Яковлевич Федотов вступил в должность губвоенкома в возрасте 32 лет и на этот момент имел опыт в управленческой и военной деятельности. В 1905–1917 гг. К.Я. Федотов входил в организацию левых эсеров. В 1915 г. окончил школу прапорщиков и проходил военную службу в г. Царицыне. В 1917 г. занимал должность председателя уездной земской управы, в 1918 г. работал в г. Царицыне, являлся членом губисполкома и губревкома³.

Роль второго военкома Царицынской губернии была менее значительной. Первое время в Царицыне существовал только один военный комиссар, но под давлением местного исполкома на должность второго военкома был назначен П.Н. Донсков⁴. Можно сказать, что К.Я. Федотов сосредоточил в своих руках все рычаги управления губвоенкоматом в обход официальной коллегиальной системе управления этого органа. В большинстве отчетов и межведомственных переписок стояла подпись только первого военкома, в то время как второй военком лишь вскользь упоминался в некоторых общих докладах.

Характерной особенностью Царицынского военкомата и всех подведомственных подразделений являлось почти полное отсутствие военных руководителей. Отказ от военных руководителей в военкоматах официально объяснялся местными управленцами отрицательным отношением к институту «военспецов» в Реввоенсовете X-й армии. Другой особенностью губернии являлось отсутствие в волостных военкоматах должности второго военкома, ко-

¹ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 58. Л. 14.

² ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 27. Л. 305.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 7661. Л. 1–2; Харьков: Энциклопедический словарь. 2014. С. 848.

⁴ ГАВО. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 208. Л. 65 об.

торые были отменены лично К.Я. Федотовым с согласия Л.Д. Троцкого в обход центральных декретов¹.

Особое влияние на структуру царицынского губвоенкомата оказал И.В. Сталин. 31 мая 1918 г. И.В. Сталин был назначен в Царицын в качестве руководителя продовольственного отдела. Однако летом 1918 г. он отправляет несколько телеграмм В.И. Ленину, в которых описывает «вялость и халатность» военных специалистов, штабов и крайне тяжелое положение местных войск на фронте².

18 июля 1918 г. по инициативе И.В. Сталина было решено создать Военный Совет Северо-Кавказского Военного округа, в который также входили К.И. Зедин, С.К. Минин и К.Е. Ворошилов³. И.В. Сталин старался сосредоточить все полноту власти в своих руках. Не желая разделять с местным губвоенкоматом власть, он начинает разваливать этот орган, передавая в ведение Военного Совета один за другим отделы военного комиссариата.

Приказом Военного Совета Северо-Кавказского Военного округа комендантская часть была изъята из ведения военкомата и передана в ведение Военсовета. Агитационно-вербовочный отдел был переименован в агитационно-организационный и вербовочный отдел и также передавался в ведение Военсовета. В сентябре 1918 г. инструкторский отдел был ликвидирован, его функции перешли в ведение окружного отдела формирования и обучения. Отдел снабжения вместе с подотделами (финансовым, интендантским и продовольственным) перешли в Окружное хозяйственное управление⁴.

Таким образом, в сентябре 1918 г. Военный совет Северо-Кавказского Военного округа изъял из царицынского губвоенкомата почти все отделы. При этом структура уездных военкоматов, подчиненных Царицыну, не изменилась. В результате реорганизации Царицынский губвоенкомат фактически лишился штата и был ликвидирован.

¹ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 58. Л. 5 об.

² Сталин в Царицыне: сборник. Сталинград, 1940. С. 28.

³ Там же. С. 30.

⁴ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 58. Л. 25.

7 сентября 1918 г. Военный совет Северо-Кавказского округа издал приказ № 62 об образовании Царицынской губернии из Царицынского, Царевского и Черноярского уездов. Образование новой административно-территориальной единицы было обусловлено целью быстрого формирования новых боевых подразделений и эффективного военного управления Северо-Кавказским военным округом. Предполагалось, что Царицынская губерния с осени 1918 г. будет распространять свою власть исключительно на органы военного управления. Административное управление сохранялось за Саратовской и Астраханской губерниями¹.

В конце 1918 г. И.В. Сталин был отозван из Царицына, К.Е. Ворошилов был понижен до командующего X-й армией, в декабре 1918 г. направлен во Временное рабоче-крестьянское правительство Украины в качестве наркома внутренних дел. С.К. Минин был назначен членом Революционного военного совета X-й армии².

В 1919 г. произошли очередные изменения в структуре губвоенкомата. Царицынский губвоенкомат 12 января 1919 г. объявил о восстановлении структуры на основе приказа № 870 Народного Комиссариата по военным делам от 18 сентября 1918 г. «О дополнении к штатам губернских и уездных комиссариатов по военным делам», на основании которого был восстановлен отдел формирования, который переименовали в отдел всеобщего обучения. Вновь создаваемые отделы всеобщего обучения и инструкторский отдел передавались губернскому инспектору по всеобщему обучению.

Непосредственная близость Царицына к боевым действиям и особая стратегическая ценность региона приводили к тому, что структура губвоенкомата имела существенные отличия от аналогичных органов в других губерниях, не имевших непосредственной линии соприкосновения с антибольшевистскими силами. В декабре 1918 г. структура царицынского губвоенкомата была значительно расширена и состояла из следующих подразделений:

¹ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.

² ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 58. Л. 50.

1) общий отдел, 2) отдел снабжения, 3) агитационно-организационный отдел, 4) транспортный, 5) ветеринарный, 6) отдел формирования и обучения, 7) оперативный отдел и связи, 8) инструкторский отдел, 9) комендантская часть¹.

Реввоенсовет Республики приказом № 223 от 4 февраля 1919 г. постановил изъять Царицынский уездный комиссариат из ведения Саратовского губвоенкомата на правах губернского военного комиссариата. Царицынский губвоенкомат переименовали в Царицынский районный комиссариат по военным делам. Кроме того, Царицынский, Царевский, Николаевский и Черноноярский уезды передавались в военное управление Царицынскому районному военкомату. При этом гражданская администрация уездов подчинялась прежним губернским центрам².

Оперативная обстановка на фронте вынудила Реввоенсовет X армии ходатайствовать перед РВСР о подчинении ему на правах окружного Царицынского райвоенкомата с присоединением к последнему трех округов Донской области, тяготевших к Царицыну. Ходатайство было удовлетворено Москвой, и Царицынский райвоенкомат перешел в подчинение Реввоенсовету X армии.

В начале лета 1919 г. под натиском Добровольческой армии А.И. Деникина X армия РККА с тяжелыми боями отступала. Положение большевиков в Царицыне было критическим, поэтому в начале июня военкомат эвакуировался из города. В конце июня 1919 г. большевики сдали Царицын, а затем и Камышин.

Обстановка на фронте диктовала условия в области организации военного строительства на территории Царицына. Царицынский райвоенкомат не был способен организовать централизованную работу на фоне потери красными Царицына. Поэтому 6 августа 1919 г. РВСР приказом № 1239/235 под-

¹ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 27. Л. 305.

² Там же. Л. 1333.

чинил Южному фронту только Царицынский уезд. Царевский, Николаевский и Черноярский уезды подчинялись Астраханской губернии.

Эвакуация штата сотрудников военкомата Царицына изначально планировалась в г. Саратов, однако там не нашлось подходящего помещения для расквартирования, поэтому райвоенкомат со всеми отделами переехал в г. Вольск Саратовской губернии. Через неделю военкомат был вынужден переехать в г. Балаково Самарской губернии. На момент эвакуации в Царицынском райвоенкомате работало 192 сотрудника. После переезда в г. Балаково в X армию из военкомата было откомандировано 102 чел. Утрата Царицынским губвоенкоматом своих позиций привела к временному восстановлению Астраханской губернией своих северных границ. 22 июля 1919 г. Черноярский и Царёвский уезды передавались в ведение астраханских губернских властей¹.

В октябре 1919 г. наступление ВСЮР выдохлось, большевики начали возвращать утраченные территории. На фоне этих событий в начале ноября 1919 г. началась реэвакуация военкомата в г. Царицын. 17 ноября 1919 г. Царицынский губвоенкомат был восстановлен. 22 января 1920 г. в состав Кавказского фронта были включены Астраханская, Саратовская, Царицынская и Донская губернии².

В Саратовской губернии военные комиссариаты возникли практически в одно время вместе с комиссариатами Астраханской губернии и Царицынского уезда. В отличие от Астрахани, которая имела слабую связь с Москвой, в Саратовской губернии главным тормозом в организации органов военного управления являлась внутривластная обстановка.

До момента создания первого губвоенкомата в Саратове вопросы военного строительства решали местные советы. Начиная с октябрьского переворота вплоть до весны 1918 г. советы Саратовской губернии были заняты

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 10. Д. 92. Л. 62.

² Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сб. док. М., 1969. С. 531.

внутриполитической борьбой, большинство указов центральной власти игнорировались. Слабый контроль центра над губернией и самоуправство местных советов были раскрыты только в конце мая 1918 г., когда в Саратов из Москвы была отправлена Высшая военная инспекция во главе с Н.И. Подвойским. В отчете инспекции отмечался низкий уровень подготовки местных кадров военного управления. Так, инспекция отметила, что большая часть должностей занимается лицами, не пригодными к выполнению своих обязанностей, а значительная часть военных руководителей «совершенно не знакома с военным делом»¹.

В ходе инспекции выяснилось, что Саратовский губисполком намеренно скрывал распоряжения центрального руководства от уездных и волостных властей. Особо показательным примером является факт того, что в г. Вольске местные власти впервые узнали о большинстве апрельских декретов СНК и ВЦИК, а об «Учреждении волостных, уездных, губернских и окружных военных комиссариатов» – только за два дня до приезда Высшей военной инспекции, т.е. в 20-х числах мая 1918 г.²

29 мая 1918 г. на заседании ВЦИК было принято решение о переходе к всеобщей мобилизации в наиболее «угрожающих областях»: Москве, Петрограде, Донской и Кубанской областях. На все остальные регионы ложилась работа по организации подготовки к расширению мобилизации населения. Решение ВЦИК, а также крайне неудовлетворительные итоги военной инспекции Саратовской губернии привели к ускоренному и срочному формированию местного губернского военного комиссариата. В первую очередь новый орган военного управления был необходим для формирования 1-й пехотной Саратовской дивизии³.

Саратовский губвоенкомат формально был основан 1 июня 1918 г., однако начал свою деятельность 15 июня – после того, как был укомплектован

¹ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 321. Л. 40.

² Там же. Л. 42.

³ ГАСО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

личным составом¹. Юридически уездные военкоматы сформированы 4 июня 1918 г., их фактическая работа началась только во второй половине июня 1918 г.²

В круг деятельности саратовского губвоенкомата входило руководство работой уездных военкоматов и подведомственных ему войсковых частей, учреждений военного ведомства. Губвоенкомат ведал строевой и хозяйственной частями самого комиссариата, допризывной подготовкой и всеобщим военным обучением населения, формированием войсковых частей, агитационно-просветительной деятельностью и политическим воспитанием войск.

Во вновь сформированном органе военного управления руководство по-прежнему отстаивало собственный взгляд на военное строительство. В саратовском губвоенкомате бытовало мнение, что центральная власть абсолютно оторвана от реалий на местах и «может делать разные глупости, мы (же) должны подчеркнуть ее заблуждения»³. Тем не менее, саратовский губвоенкомат сохранял структуру, определенную декретом, а также коллегиальное управление в составе двух военкомов и одного военного руководителя.

Первым военным комиссаром саратовского губвоенкомата был назначен В.Н. Соколов. Владимир Николаевич Соколов вступил в должность первого губвоенкома в возрасте 22 лет. В 1915 г. был мобилизован в армию в звании рядового, с мая 1916 г. находился в статусе вольноопределяющегося во 2-м Финляндском стрелковом полку. После завершения в 1916 г. ускоренного курса Александровского военного училища получил унтер-офицерский чин. В.Н. Соколов прошел Первую мировую войну на Австро-венгерском фронте в районе Галиции. В конце войны командовал ротой в звании подпоручика. До вступления в должность губвоенкома был членом военного комитета са-

¹ Симонов А.А. Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 325.

² Пять лет пролетарской борьбы 1917–1922: Сб. Саратов, 1922. С. 47.

³ Симонов А.А. Добровольческий период комплектования... С. 326.

ратовского гарнизона, членом губисполкома и председателем военной секции городского Совета¹.

Вторым военным комиссаром был назначен Борис Григорьевич Молдавский. Б.Г. Молдавский именовался также «народным комиссаром» и отвечал за связь губвоенкомата с наркоматом по военным делам². Б.Г. Молдавский вступил в должность военкома в возрасте 27 лет, был участником Первой мировой войны, которую прошел с 1914 г. по 1916 г. в звании рядового, после чего попал в плен к австрийцам. В 1917 г. вернулся в Россию и получил должность секретаря президиума военной секции Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов³.

Привести структуру под необходимые стандарты губвоенкомату Саратова удалось к сентябрю 1918 г. К этому моменту губвоенкомат состоял из следующих отделов: 1) общего, 2) агитационно-вербовочного, 3) отдела формирования и обучения, 4) учетного, 5) снабжения, 6) инструкторского, 7) санитарного. 29 января 1919 г. структура саратовского губвоенкомата была реорганизована. Теперь военкомат состоял из шести отделов: 1) канцелярии, 2) административно-мобилизационного отдела, 3) агитационно-просветительного, 4) всеобщего военного обучения, 5) снабжения, 6) санитарного. В структуру губвоенкомата входили три комиссии: комиссия по борьбе с дезертирством, городская комиссия по снабжению армии продовольствием, губернская квартирная комиссия⁴.

В вопросе организации Всевобуча Нижнее Поволжье значительно отставало от центральных регионов РСФСР. Например, в Саратовской губернии отдел Всевобуча был создан только в октябре 1918 г.⁵, в Астраханской –

¹ Черушев Н.С. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941: Биографический словарь. М., 2012. С. 108.

² Симонов А.А. Добровольческий период комплектования Красной армии и «офицерский вопрос» в Саратове // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. Саратов, 2003. Вып. 1. С. 327.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 85. Д. 4987. Л. 4.

⁴ ГАСО. Ф. 692. Оп. 1. Предисловие к описи.

⁵ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 29. Л. 15.

10 сентября 1918 г.¹ В Царицыне органы Всевобуча сформировались только к концу Гражданской войны².

С апреля по сентябрь 1918 г. организацией Всевобуча формально ведал отдел формирования и обучения губвоенкомата. По факту, до осени 1918 г. в Нижнем Поволжье программа Всевобуча не реализовывалась из-за нехватки инструкторского состава и финансов³.

Ключевую роль в организации Всевобуча осенью 1918 г. играли руководители военкоматов в силу отсутствия иных специалистов на местах. Так, в Саратове во главе отдела Всевобуча стояли губвоенком В.Н. Соколов и военный руководитель Шарсков⁴. В Астраханской губернии роль инспекторов также выполняли губвоенкомы⁵.

Рекрутировали инструкторов в отделы Всевобуча в Саратове и Астрахани с лета 1918 г. до конца 1919 г. Для этой цели создавалась специальная испытательная комиссия, отбиравшая инструкторов и инспекторов для Всевобуча. Объявление о наборе инструкторов в местные бюро или отделы Всевобуча публиковались в местной прессе. Откликнувшийся кандидат должен был заполнить специальную форму («кандидатскую карточку»), после чего получал удостоверение и ставился на специальный учет. После формирования резерва потенциальных инструкторов Всевобуча комиссия знакомилась с их военной специальностью, знаниями и политическими убеждениями. После принятия кандидата на работу в местных газетах («Красный воин», «Известия Астраханского Совета» и т.д.) публиковались списки с краткими данными инструкторов, для того чтобы местные жители могли заявить об отводе инструктора⁶.

В ноябре 1918 г. отделы Всевобуча стали формироваться в крупных уездных центрах Астраханской и Саратовской губерний. Все уезды губерний

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

² РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 26. Л. 11.

³ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 100.

⁴ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 30. Л. 5.

⁵ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 88.

⁶ Там же. Л. 90.

разделялись на районы, в которых на протяжении всего 1918 г. организовывались районные отделы Всевобуча. Осенью 1918 г. были зафиксированы попытки организации отделов военного обучения в Калмыцкой и Киргизских степях, но они были остановлены центральными властями до разрешения юридического статуса этих территорий¹.

Первые органы военного управления в Нижнем Поволжье создавались в крайне тяжелых условиях. Наблюдалась острая нехватка финансирования, квалифицированного кадрового состава, слабая техническая оснащенность, которая проявлялась в отсутствии в некоторых волостных военкоматах телеграфов, печатных машинок и бумаги, необходимых для ведения отчетной документации. Отсутствие бумаги приводило к тому, что большая часть приказов и постановлений местных органов военного управления печаталась на оборотной стороне этикеток для конфет, газет, марок и т.д.²

Таким образом, Нижневолжский регион отражает тенденции построения вооруженных сил в общегосударственных масштабах. Отсутствие необходимой правовой базы приводило к стихийной организации на местах множества органов военного управления, существенно отличающихся друг от друга по форме, структуре, внутреннему устройству. В большинстве случаев организация органов советской власти опиралась на местную инициативу, поэтому направленные из центра кадры не играли существенной роли в организации их деятельности. Кадровый состав был представлен преимущественно молодыми революционерами, среди которых было мало военных специалистов. Политика местных Советов, направленная на сохранение за собой контроля над вооруженными силами, привела к позднему формированию централизованной системы военных комиссариатов и отделов Всевобуча летом 1918 г. Новые органы управления до конца 1919 г. отличались по внутренней структуре, на которую большое влияние оказывали военные и политические предпочтения местных руководителей. Пестрый национальный состав региона

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

² ГАВО. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об.

стал одним из ключевых факторов, определивших развитие военных комиссариатов на данном этапе. Нехватка кадрового состава, логистические сложности, бюрократическая путаница и слабое финансирование стали главными причинами позднего складывания унифицированной системы военного управления в Нижнем Поволжье. Пройдя период формирования и становления военные комиссариаты к началу 1920 г. стали основным инструментом в реализации государственной политики по формированию воинских частей Красной армии до конца Гражданской войны.

2. ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1918–1920 ГГ.

2.1. Создание отрядов Красной армии на добровольческой основе в Нижнем Поволжье (январь – май 1918 г.)

Нижнее Поволжье для большевиков имело исключительную военную ценность. По итогам переписи населения 1920 г., на территории Нижнего Поволжья проживало более 4,5 млн чел. Нижнее Поволжье являлось аграрным районом, где 80% населения состояло из крестьян. Социально-экономический облик региона отличался сравнительно слабой степенью развития промышленности и развитым кустарным производством. Национальный состав Нижнего Поволжья был разнообразен. Кроме русских, на территории региона проживали татары, украинцы, немцы, большое количество кочевых народов (казахи, калмыки и др.), причем преимущественно на территории Астраханской губернии¹.

Пролетариат, который должен был быть опорой власти большевиков на местах, концентрировался только в крупных населенных пунктах региона (Астрахань, Саратов, Царицын). Тем не менее, количество представителей нового «правлящего» класса в крупнейшем промышленном городе Нижнего Поволжья – Саратове – не превышало 12 тыс. чел.² из 191 996 проживавших в городе³, что говорило об относительно слабой социально-политической базе большевиков в регионе.

Официальный переход к строительству РККА на добровольной основе начался в январе 1918 г. Однако в Нижнем Поволжье в силу географической отдаленности от центра, сопротивления местных советов строительство ре-

¹ Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С. 21, 39, 47, 55, 63.

² ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

³ Чолахян В.А. Особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 224.

гулярной армии существенно затянулось. Поэтому вплоть до весны 1918 г. наряду с частями РККА в здесь существовали отряды Красной гвардии, зачастую являвшиеся единственными пробольшевистскими воинскими образованиями в ряде населенных пунктов региона.

Деятельность отрядов Красной гвардии центральными властями юридически никак не регламентировалась, поэтому их создание в Нижнем Поволжье в большинстве случаев опиралось только на местную инициативу. Отсутствие юридической базы, определявшей границы деятельности Красной гвардии, привело к тому, что руководство губернских центров, уездов и волостей по-разному воспринимало обязанности и полномочия красногвардейских отрядов.

Положение Красной гвардии в Нижнем Поволжье регламентировалось локальными актами и значительно отличалось от уезда к уезду. Так, в феврале 1918 г. Саратовский исполком принял «Положение (устав) о Саратовской Красной гвардии». Согласно данному положению, Красная гвардия создавалась для защиты завоеваний революции «от всяких контрреволюционных посягательств». В положении описывалась структура добровольческих отрядов, при этом вопросы комплектования личным составом не были четко очерчены, указывалось, что «вопросы формирования новых частей лежат на исполкоме местного Совета». Выход добровольца из Красной гвардии Саратова был довольно простым – для этого требовалось пропустить три занятия подряд по боевой подготовке¹.

Началом становления Красной гвардии в Астрахани послужило решение Астраханской партийной организации о начале формирования отрядов Красной гвардии в сентябре 1917 г. Для этой цели исполком Астраханского Совета рабочих и крестьянских депутатов обратился с просьбой в Казанский военно-окружной комитет отпустить 1500 винтовок, 50 револьверов и 2 пулемета. В итоге к началу 1918 г. главе местного штаба Красной гвардии

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 167. Л. 11.

И.Е. Лемисову удалось завербовать до 300 чел.¹ Согласно выписке из протокола заседания исполкома местного Совета от 30 января 1918 г., в Астрахани при каждом заводе организовывались отряды Красной гвардии².

Вопросы о формировании Красной гвардии в Нижнем Поволжье решались на уездных съездах представителей от сел и волостей или на общих собраниях Советов. Так как власть большевиков в регионе была не устойчива, то главным методом борьбы большевиков за привлечение в Красную гвардию рабочих и крестьян являлась агитация. Так, Саратовским комитетом РСДРП(б) и Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в уезды Саратовской губернии было направлено 300 пропагандистов и агитаторов³.

Возникновение отрядов Красной гвардии в селах очень часто зависело от внутриволостной борьбы в конкретном районе между большевиками и их противниками. Например, 19 января 1918 г. исполком Хвалынского уезда Саратовской губернии после обсуждения вопроса строительства местной гвардии постановил вооружить «наиболее беспокойные волости», для чего потребовал от Военно-революционного комитета 330 винтовок⁴.

Так как Нижнее Поволжье по сравнению с центральной частью РСФСР было относительно слабо урбанизировано, то контроль над сельской местностью имел ключевое значение, поэтому в волостях Саратовской и Астраханской губернии в конце 1917 – начале 1918 г. начинают стихийно формироваться красногвардейские отряды. Например, в декабре 1917 г. на Саратовском съезде представителей от волостей была принята резолюция о создании Красной гвардии среди крестьянства. Для вооружения создаваемых отрядов было решено изымать все оружие у местного населения, помещичьих экономий, а также у «упразднённой милиции»⁵.

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 70.

² Астраханский фронт Гражданской войны и С.М. Киров: Сб. док. Сталинград, 1937. С. 27.

³ Суслов Ю.П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за её осуществление: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1969. С. 120.

⁴ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 208. Л. 5.

⁵ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

Красногвардейские отряды создавались и в селах Астраханской губернии. Так, 15 января 1918 г. Селитренский волостной Совет Енотаевского уезда решил: «Просить всех как солдат, так и вольных граждан записываться в добровольную группу... О записи в добровольческие группы также просить и другие села»¹. В Ново-Николаевской волости местный Совет постановил организовать в селе Красную гвардию². Также красногвардейские отряды возникали в селах Болхуны (два отряда: один под командованием И.П. Кабакова, другой – И.Ф. Мирошникова), Тамбовка, Сасыколи, Княжев-ка, Хошеуты и др.³

В январе 1918 г. в селе Харабали крестьяне самостоятельно организовали отряд, который должен был противостоять возможной угрозе со стороны астраханских казаков. Для организации отряда было решено выделить из мирского капитала 3 тыс. руб.⁴

Процесс формирования Красной гвардии в уездах и волостях можно также проследить на примере дискуссии депутатов Чрезвычайного съезда советов Черноярского уезда Астраханской губернии в январе 1918 г. Один из членов партии большевиков Шварц предложил немедленно сформировать красногвардейские отряды с целью заменить существующие еще со времен Временного правительства отряды местной полиции. Однако не все делегаты съезда согласились с его предложением, сочтя предложение излишне поспешным. Председатель съезда Сорокин раскритиковал Шварца, предложив сначала политически подготовить население, для чего заблаговременно пригласить в уезд агитаторов из Саратова и Царицына⁵. Предложение Сорокина примечательно тем, что взаимодействие со своим губернским центром –

¹ ГААО. Ф. 296. Оп. 2а. Д. 2. Л. 1 об.

² ГАВО. Ф. 55. Оп. 5. Д. 8. Л. 26.

³ Афанасьев А.В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978. С. 66.

⁴ Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.). Ч. 1: Документы и материалы. Астрахань, 1958. С. 165.

⁵ ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Астраханью – не рассматривалось и руководство уездов опиралось на ту силу, которая могла «здесь и сейчас» предоставить реальную помощь.

Другие депутаты поддержали Шварца и требовали немедленно защитить советскую власть в Черном Яру, предлагая воинскому начальнику не демобилизовывать солдат, а оставлять их в городе. Таким образом, часть делегатов выступала за формирование Красной гвардии на принудительных началах. Следующая группа делегатов выступила за идею военной подготовки лояльных советской власти калмыков и организации из них отрядов для борьбы с контрреволюцией. В итоге централизованного пути формирования Красной гвардии в Черном Яру выработано не было, делегаты приняли компромиссное решение. В целом съезд поддержал необходимость создания красногвардейских частей, предоставив волостным советам уезда право самостоятельно решать вопросы формирования отрядов на местах с учетом пожеланий населения. При этом была объявлена широкая добровольная запись в Красную гвардию людей, «преданных делу социализма»¹.

Первые отряды Красной гвардии в Нижнем Поволжье создавались в основном за счет местных исполкомов и в первые недели власти большевиков не получали централизованного финансирования. Детальное исследование вопросов организации красногвардейских отрядов затрудняется тем, что они создавались, как правило, для местных нужд и не ставили перед собой задачу общероссийского военного строительства. Поэтому отряды Красной гвардии возникали и исчезали стихийно.

Важной особенностью добровольческого периода организации вооруженных сил РСФСР является отсутствие четкой грани между понятиями «Красная армия» и «Красная гвардия». На территории Нижнего Поволжья после объявления декрета о создании РККА местные советы продолжали формировать отряды Красной гвардии, считая их единственно возможной формой организации вооруженных сил. Например, в Вольске местные вла-

¹ ГАВО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

сти, соперничавшие с сохраняющими свое влияние земствами, организовали и укомплектовали отряд Красной гвардии из 2 тыс. чел.

Другим примером является постановление исполкома Сердобского Совета от 5 марта 1918 г. Согласно постановлению, РККА должна состоять из 1) непосредственно боевых частей Красной Армии, 2) Красной гвардии, которая несет охрану по указанию Совета, 3) летучих отрядов, которые выполняют поручения Совета по реквизициям»¹.

В Нижнем Поволжье отряды Красной гвардии создавались до мая 1918 г., например, в Саратовской губернии почти в половине волостей: из 258 волостей отряды Красной гвардии были созданы в 126. К маю 1918 г. в Саратовской губернии общая численность красногвардейских отрядов составляла 2 981 чел.²

Начало централизованного строительства новой «революционной» армии на добровольной основе было положено декретом Совнаркома от 15 января 1918 г. «Об образовании Рабоче-Крестьянской Красной армии». Месяцем позднее (11 февраля 1918 г.) был создан РККФ (Рабоче-крестьянский Красный Флот), который также строился на принципах добровольности³.

В преамбуле декрета об организации РККА было указано, что старая армия, будучи оружием класса буржуазии, окончательно распускалась; вместо нее создавалась новая, которая должна была стать оплотом советской власти в ближайшем будущем и которая «послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе».

Главным методом привлечения добровольцев в ряды Красной армии стала массовая агитация среди населения. Для этой цели уже 25 января 1918 г. был создан организационно-агитационный отдел Всероссийской Коллегии по организации Красной армии. В первую очередь отдел занимался

¹ Афанасьев А.В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978. С. 76.

² ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 17. Л. 240–248.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 356.

подготовкой высококвалифицированных агитаторов, которые направлялись в различные части РСФСР. Кроме того, отдел должен был создавать буклеты и брошюры, которые также направлялись в крупные фабрично-заводские центры и прифронтовые полосы. На агитацию советское руководство денег не жалело, и уже к июню 1918 г. было отпечатано и выпущено 2 406 тыс. экземпляров буклетов и иной агитационной литературы более чем 15 печатных издательств¹.

До января 1918 г. вопросы формирования новых армейских подразделений ложились целиком на местные власти. Ситуация изменилась с момента подписания В.И. Лениным декрета о создании РККА и учреждении Всероссийской коллегии по комплектованию и формированию РККА². Декрет привел к некоторой централизации в управлении и создании военных отделов и штабов армий на местах.

После принятия декрета о создании РККА местные Советы приступили к формированию отрядов Красной армии. В Саратовской губернии местный Совет принял решение о создании в губернии отряда Красной армии численностью 10 тыс. чел. Для этой цели предполагалось набрать в Саратове 5 тыс. чел., в Царицыне – 2,5 тыс., Балашове – 450, Камышине – 400, Вольске – 400, Сердобске – 300, Петровске – 250, Аткарске – 300, Кузнецке – 200, Хвалынске – 200 добровольцев³. Цифры в планах по привлечению базировались исключительно на демографических показателях крупнейших населенных пунктов губернии.

Несмотря на наличие планов по комплектованию новых подразделений личным составом в губернском центре, в уездах из-за анархии и несогласованности вопросы формирования отрядов решались без согласования с центральными властями. В Балашове из числа крестьян и рабочих уезда начала формироваться «Рабоче-крестьянская социалистическая армия». Эта армия

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 134.

² Там же. С. 357.

³ Назаров А.Ф. В бурях рождённая. Саратов, 1968. С. 66.

создавалась исключительно на основе инициативы местных жителей и выполняла скорее милиционные, чем военные функции, занимаясь поддержанием общественного порядка, и изредка отправлялась в «непокойные» села уезда¹.

Собственная Красная армия в Балашове начала формироваться в январе 1918 г. после объявления местным штабом об открытии «записи в добровольческий революционный отряд». К марту 1918 г. большевики города Балашов смогли организовать четыре пехотные роты по 120 чел.² В Камышинском уезде Саратовской губернии подготовкой и набором добровольцев в армию занималась специальная коллегия, состоявшая из 6-ти человек, которая в угоду унификации впоследствии была переименована в военный отдел³.

Однако «добровольческий» принцип комплектования Красной армии не подразумевал самовольного оставления места несения службы красноармейцем-добровольцем, так как большевистское правительство было крайне заинтересовано в большом, постоянном и стабильном военном штате военнослужащих. Поэтому в конце января 1918 г. была разработана инструкция, согласно которой доброволец-красноармеец обязывался «пробыть в рядах Красной армии не менее шести месяцев»⁴.

Чёткая система наказаний за самовольное оставление службы в рядах РККА появилась только 23 апреля 1918 г. Принятый на заседании Всероссийского ЦИК Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих депутатов декрет «О сроке службы в Красной Армии» подразумевал уголовную ответственность за самовольных уход из рядов Красной армии вплоть до «лишения прав гражданина Советской Республики»⁵.

¹ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье. Саратов, 1968. С. 220.

² Данильченко С.Ф. Чапаев и чапаевцы. Чебоксары, 1972. С. 19.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 80. Л. 105.

⁴ Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии. М., 1923. Т. 1. С. 134.

⁵ Декреты Советской власти. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. Т. 2. С. 134.

Вопрос о точном количестве добровольцев в РККА в современной исторической науке остается открытым. Данные о количестве вступивших в ряды РККА в период с января по май 1918 г. у отечественных и зарубежных историков разнятся. Так, В.П. Верховь говорит о 256 тыс. добровольцев на апрель – май 1918 г.¹; в коллективной монографии «История Гражданской войны в СССР» упоминается о 450 тыс. добровольцев, включая партизанские отряды²; британский военный историк Джон Эриксон на тот же период приводит цифру в 306 тыс. чел., входивших в ряды Красной армии³.

Первый опыт формирования крупных вооруженных подразделений на добровольной основе в Нижнем Поволжье связан с Саратовской губернией, где по инициативе местного Совета было решено создать армию в несколько тысяч человек. Это было обусловлено тяжелым положением красногвардейских подразделений В.А. Антонова-Овсеенко на Дону. К 2 января 1918 г. Совету удалось завербовать 2 тыс. чел. В деле военного строительства Саратовский Совет сотрудничал непосредственно с В.А. Антоновым-Овсеенко, к которому в штаб в Харьков был отправлен председатель Совета Б.Г. Молдавский. Главная проблема Совета при формировании подразделений заключалась не столько в нехватке личного состава, сколько в ограниченном количестве оружия, боеприпасов и обмундирования. Поэтому миссия Б.Г. Молдавского сводилась к получению от главы Южной группы войск Советской России винтовок и патронов. Благодаря этой инициативе 20 декабря 1917 г. в Саратов доставлено 10 тыс. винтовок и 300 тыс. патронов⁴.

Двухтысячный отряд, получивший название «Восточная армия», формировался непосредственно Саратовским Советом совместно с представителями профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. В состав «Восточной армии» изначально вошли представители пролетариата и солда-

¹ Верховь В.П. К вопросу о численности Красной гвардии // Вопросы истории КПСС. 1971. № 10. С. 106.

² История гражданской войны в СССР. М., 1958. Т. 3. С. 370.

³ Erickson J. The Soviet high command: A military-political history 1918–1941. London, 2001. P. 31.

⁴ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 47.

ты саратовского гарнизона. Все командные должности в отряде занимались простыми солдатами. Формирование и комплектование подразделения было возложено на начальника Красной гвардии А.А. Федорова и Военную секцию Саратовского Совета¹.

«Восточная армия» к началу января 1918 г. включала в свой состав два батальона пехоты при 40 пулеметах, легкую артиллерийскую батарею, отряд конной разведки, команду связи, поезд снабжения и инженерный парк. Изначально предполагалось сформировать три батальона вместо двух, но начавшаяся в Астрахани борьба за власть между местными большевиками и астраханскими казаками во главе с И.А. Бирюковым² вынудила местный Совет принять решение немедленно отправить недавно сформированный отряд на помощь астраханским коммунистам³.

Противостояние в Астрахани привело к тому, что в «Восточную армию» записалось до 1 тыс. астраханцев, которые являлись демобилизованными солдатами старой армии. Это пополнение увеличило размер отряда до 3 тыс. чел. Военная необходимость вынуждала отправить «Восточную армию» в Астрахань, затем на Дон в кратчайшие сроки, однако местные добровольцы требовали предоплаты жалования. По подсчетам местного губисполкома, на организацию операции и выплату средств красноармейцам требовалось не менее 700 тыс. руб. Насильственное изъятие средств (контрибуция) у местной буржуазии не дало даже половины необходимой суммы, поэтому основная финансовая нагрузка в деле снабжения «Восточной армии» легла на Астраханский губисполком. Так, 9 января 1918 г. членами астраханского губисполкома Хуморьяном и Гольбергом в Саратов было привезено 400 тыс. руб.⁴

¹ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. док. М.; Л., 1931. С. 302.

² Аристов М.Л. Астрахань и январские дни 1918 года (воспоминание). Астрахань, 1925. С. 26.

³ Васильев В.В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 47.

⁴ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 48.

В советской исторической науке боевой путь «Восточной армии» оценивался исключительно с положительной стороны¹. Армия действительно сумела занять железнодорожные станции Джаныбек, Эльтон, Сайхан, находившиеся в заволжских астраханских степях², однако основная масса красноармейцев «Восточной армии» избегала прямых сражений. Астрахань не получила реальной помощи, и местные большевики одержали победу в борьбе за власть самостоятельно. 21 февраля 1918 г. «Восточная армия» вернулась в Саратов, оставив один батальон астраханцев на своей малой родине³.

На «Восточную армию» Саратовским Советом возлагались большие надежды. Считалось, что армия станет главным костяком строительства вооруженных сил на территории губернии, поэтому Саратовский Совет принял решение не распускать данное вооруженное формирование. Однако красноармейцы «Восточной армии» решили отказаться от службы, заявив, что достаточно отслужили и хотят вернуться домой к семьям. Армия таяла на глазах, и ее демобилизовали. В распоряжении Саратовского Совета осталось не более 150 красноармейцев⁴, и местным властям пришлось приложить усилия для формирования новых лояльных подразделений на основе добровольческого принципа.

Пример формирования и боевой путь «Восточной армии» показал, что в первые месяцы советской власти добровольческие подразделения набирались из маргинальных слоев населения. Красноармейцы, шедшие в Красную гвардию, не желали участвовать в боевых действиях, не рассчитывали на долгосрочную службу Советской Республике. Основной мотивацией вступления в ряды РККА для большей части добровольцев являлись материальные блага.

¹ Пять лет пролетарской борьбы. 1917–1922. С. 39; Назаров А.Ф. В бурях рождённая. Саратов, 1968. С. 78.

² Назаров А.Ф. В бурях рождённая. Саратов, 1968. С. 59.

³ Васильев В.В. Вооруженные силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 49.

⁴ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 50.

В феврале 1918 г. начал комплектоваться 1-й Саратовский пехотный полк. Набор добровольцев в первые месяцы в Саратовской губернии осуществлял агитаторский подотдел губисполкома. На первых этапах, в силу явной нехватки личного состава, добровольцев принимали местные командиры после 15–20 минутного опроса¹. С 22 февраля по 1 марта 1918 г. в Саратовской губернии было принято на военную службу всего 256 чел., однако к весне в РККА уже записалось 1 411, в апреле – 2 070 чел.² В частности, только в Петровске к 3 апреля 1918 г. был сформирован отряд пехоты, в составе которого было 360 чел.³

В конце марта 1918 г. в Оренбургской губернии после установления власти большевиков вспыхнуло восстание, в котором приняло участие до 10 тыс. казаков во главе с атаманов А.И. Дутовым. Для подавления мятежа исполком Саратовского совета начал формировать «Особую армию». В первой половине апреля «армия» была сформирована. В ней насчитывалось 2 450 пехотинцев, 150 кавалеристов, 2 артиллерийские батареи, 92 пулемета. После объединения с отрядом Чапаева и Новоузенским свободным отрядом численность «Особой армии» возросла до 4 500 чел. при 18 орудиях и 110 пулеметах.

Несмотря на первоначальные успехи, «Особая армия» не сумела реализовать главную цель – занять Уральск и подавить восстание. Этому способствовало не только начавшееся на территории Саратовской губернии восстание крестьян, но и желание красноармейцев защищать только свои населённые пункты. Согласно воспоминаниям политического комиссара армии В.В. Куйбышева, «армия переживала младенческий период..., богатый случаями беспричинной паники, стонерстных отступлений в одни сутки и т.д.»⁴. Для пополнения «Восточной армии» было принято решение о формировании

¹ Назаров А.Ф. В бурях рождённая. Саратов, 1968. С. 32.

² ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 1. Л. 29.

³ ГАСО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 3. Л. 20.

⁴ Куйбышев В.В. Первая революционная армия // Правда. 1935. 27 января.

3-го батального. Однако батальон был практически сразу расформирован, так как, по мнению губисполкома, был крайне ненадёжен¹.

На территории Астраханской губернии зимой – весной 1918 г. отсутствовала централизованная политика в области военного строительства. Особенно ярко эта тенденция наблюдалась в сельской местности. В селе Болхуны Икрянинской волости Астраханского уезда за счет местной инициативы был создан отряд из 120 чел. Командиры отрядов выбраны из местного населения: первый возглавлял И.П. Кабаков, второй – И.Ф. Мирошников².

Точной даты организации многих отрядов Красной армии установить невозможно, так как большинство архивных источников упоминают лишь факт наличия таковых на территории волости или уезда. Красноармейские отряды, созданные в ранний период советской власти, не были статичной единицей. Количество красноармейцев постоянно менялось, сами отряды исчезали также стихийно, как и возникали.

Важно отметить, что за необходимым для создаваемых подразделений оружием и обмундированием местные советы обращались в Казань, которая ранее являлась центром военного округа. Так, весной 1918 г. Астраханский губисполком командировал в Казань Я.П. Яшина и А.З. Фадеева за деньгами, оружием и обмундированием для организации отрядов Красной армии. В марте указанные члены полкового комитета вернулись в Астрахань с 1 тыс. комплектов военного обмундирования, 900 винтовками и несколькими десятками ящиков с патронами.

Сотрудничество с Казанью не ограничивалось только обеспечением снабжения материально-технической части формируемых в Астрахани подразделений. В марте 1918 г. по просьбе Астраханского военного совета из

¹ Пять лет пролетарской борьбы 1917–1922: Сб. Саратов, 1922. С. 31.

² Афанасьев А.В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1978. С. 66.

Казани было направлено более десятка военных и политических работников с целью организации боевых частей Астраханской губернии¹.

На первое время (к середине апреля 1918 г.) местным отделом было запланировано создание двух рот, каждая из которых состояла из пяти взводов (четырёх пехотных и одного пулеметного). Численность каждой роты насчитывала двести человек, в то время как взвод мог объединять от тридцати до пятидесяти красноармейцев. Помимо рядового и командного состава в каждой роте предполагалось иметь несколько инструкторов. Роты должны были обеспечивать защиту от контрреволюционных сил только непосредственно в губернской столице².

Количество желающих пополнить ряды Красной Армии в Астраханской губернии оказалось больше, чем изначально планировалось. В Черноярском уезде организация добровольческих подразделений РККА началась с 25 февраля 1918 г. В Енотаевке к апрелю 1918 г. была сформирована рота из 247 чел., конно-летучий отряд в 250 чел., а также резервная рота из 200 чел.³

К 10 апреля 1918 г. в губернии удалось укомплектовать личным составом не две, а шесть рот общей численностью более 1200 чел., которые были объединены в два батальона. Первый батальон располагался в Астраханском кремле на постоянной основе, в то время как второй батальон, названный «Петровским отрядом», по своей сути являлся летучим» и совершал рейды по территории Астраханской губернии против контрреволюционных сил вплоть до июня 1918 г.⁴ 16 апреля 1918 г. было принято решение о формировании первой добровольческой Мусульманской роты, которая была полностью укомплектована по штату к началу мая 1918 г.⁵

До апреля 1918 г. с большевистским правительством активно сотрудничали анархистские отряды, представленные так называемой «Чёрной гварди-

¹ Мушкатёров Н.В. Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае. Астрахань, 1961. С. 9.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 294. Л. 1.

³ ГААО. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 294. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

ей». Данные подразделения существовали в основном в западной и южной областях страны и в начале войны выступали, как правило, в качестве союзников большевиков. Однако уже к концу мая – началу июня 1918 г. произошло ухудшение отношений между большевиками и анархистами, что выливалось в ряд вооруженных столкновений между ними, массовыми арестами анархистов по всей территории РСФСР¹.

Поэтому до лета 1918 г. на территории Астраханской губернии вместе с регулярными добровольческими подразделениями Красной армии базировалась одна рота «Черной гвардии», представленная местным населением «с анархистскими взглядами». Анархисты формально не подчинялись местному советскому руководству, однако были сильно зависимы от него. Так, «Черная гвардия» получала нормы довольствия (еда, одежда, медикаменты и т.д.) непосредственно от местных властей. Сама рота базировалась в доме Сапожникова. Все это приводило астраханских анархистов к максимальной зависимости от местного большевистского правительства. Большевики Астраханской губернии, судя по предоставляемым отчетам, воспринимали «Черную гвардию» как неотъемлемую часть Красной армии.

К середине мая 1918 г. количество добровольцев выросло практически в два раза. На территории Астраханской губернии (за исключением Калмыцкой степи) базировались следующие подразделения, сформированные на добровольной основе:

- 1) две пехотные роты из местного населения г. Астрахани (до 400 чел.);
- 2) рота сербских военнопленных (до 250 чел.);
- 3) «Царевский летучий отряд» (до 1200 чел.);
- 4) два конных эскадрона (до 320 чел.);
- 5) «Мусульманская рота» (до 220 чел.);
- 5) «Петровский отряд» (до 1200 чел.);
- 6) «Черная гвардия», представленная одной ротой (до 250 чел.);
- 7) обозная команда (неизвестно);

¹ Шубин А.В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М., 2005. С. 45.

8) лазарет (неизвестно).¹

Таким образом, количество добровольцев, завербованных местными большевиками в Красную армию за весну 1918 г. в Астраханской губернии, составляло около 4,5 тыс. чел.². Несмотря на столь значительную численность красноармейцев, в условиях пограничного состояния Астраханской губернии, политической нестабильности Калмыцкой степи и зарождавшейся угрозы со стороны белого движения, наличного воинского контингента было явно недостаточно для борьбы с контрреволюционными силами.

В марте 1918 г. в Царицынской губернии «в связи с обострением обстановки» на Дону Царицынский Штаб Оборона принял решение об организации народно-социалистической Красной армии. К 10 апреля 1918 г. Штаб решил объединить все разрозненные красногвардейские отряды в единую армию под командованием И.В. Тулака. Изначально планировалось сформировать отряд из 500 пехотинцев, роты кавалерии и команды связи. По мнению местных руководителей (С.К. Минина и К.Я. Федотова), этих сил было достаточно для оказания сопротивления казакам Дона³. Прием добровольцев шел непрерывно до лета 1918 г., в Царицыне усредненно набиралось от 25 до 45 чел. в день⁴.

К концу мая в распоряжении Царицынского Штаба Оборона, благодаря наплыву добровольцев, находилось 10 подразделений: 1) 1-й Революционный кавалерийский полк; 2) 2-й Южно-Советский полк; 3) 5-й Царицынский пехотный полк; 4) 6-й Царицынский пехотный полк; 5) 3-й Царицынский пехотный полк; 6) 1-й пехотный отряд Синякова; 7) 1-й Артиллерийский дивизион; 8) 1-й Южно-Русский Советский полк; 9) 1-й Сербский революционный полк; 10) 4-й интернациональный полк. Общая численность красноармейцев в Царицыне достигла 3 тыс. чел.⁵

¹ ГООА. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 294. Л. 26 об.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 69. Л. 174.

³ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

⁴ ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 63.

⁵ ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 56. Л. 143.

Люди крайне охотно шли в армию. Среди тех, кто был поставлен под ружьё, царили «оборонческие и партизанские настроения». Однако они не желали покидать границы своих населенных пунктов или уездов, полагая, что их задача – оборона собственной земли, а не нападение на соседей. Формально входившие в состав Красной Армии отряды, были фактически автономными единицами.

Обеспечить добровольцев всем необходимым в Царицыне предполагалось за счет «военной контрибуции»¹. На одном из городских собраний будущий губвоенком К.Я. Федотов предложил улучшить снабжение и довольствие солдат за счёт наложенной на местную буржуазию города контрибуции в размере 1 млн руб. В итоге всю сумму собрать не удалось из-за мощного протеста владельцев промышленных предприятий, части горожан. На содержание добровольческих отрядов удалось собрать 300 тыс. руб.²

Отдельно следует отметить отношение центральных властей к степени «надежности» набранных добровольцев. 21 марта 1918 г. в Москве на совещании Советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов, военных комиссариатов по организации Красной армии, штабов Красной армии, профессиональных союзов и партийных организаций отмечалось, что обстановка в Саратовской губернии и Царицыне неустойчивая, организация добровольческих подразделений крайне неудовлетворительная.³ В частности, на совещании констатировалось, что материальная сторона являлась камнем преткновения, так как более сознательные и идейные элементы уже откликнулись в первые недели создания РККА, в то время как остальная масса «может быть привлечена только материальными выводами»⁴.

В некоторых случаях крестьяне сами выделяли деньги и самостоятельно формировали отряды. Например, «Известия Саратовского совета» от 25 апреля 1918 г. сообщали о том, что крестьяне села Ольховки добровольно

¹ Шкода Р. Красный Верден: Царицын в Революции и Гражданской войне. М., 2022. С. 49.

² Там же. С. 140.

³ РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 57.

⁴ Там же. Л. 2.

собрали 1 тыс. пудов хлеба, а жители села Лопуховки коллективно вступили в «резервный отряд»¹. В Царицыне для содержания отрядов был создан фонд, в который отчислялся 1% от фабрично-заводских комитетов².

Однако «добровольческий» принцип комплектования Красной армии не подразумевал самовольного оставления места несения службы красноармейцем-добровольцем, так как большевистское правительство было крайне заинтересованно в большом, постоянном и стабильном военном штате. Поэтому для исключения возможности красноармейцу несвоевременно покинуть военную службу в конце января 1918 г. была разработана инструкция, согласно которой желающий служить в Красной армии обязывался «пробыть в ее рядах не менее шести месяцев»³.

В первые недели существования РККА на добровольных началах отсутствовала унификация в комплектовании воинских подразделений личным составом. В некоторых населенных пунктах, где имелись партийные организации РСДРП(б), в РККА вербовали только членов партии, изъявивших свое согласие на военную службу. В других селах и деревнях красногвардейцы выбирались на общем собрании села, а сами отряды находились в подчинении волостных и сельских Советов. В некоторых случаях собрание села избирало начальника Красной гвардии, ему поручалась работа по комплектованию личным составом формируемых подразделений.

Для привлечения большего количества добровольцев советское правительство использовало весь арсенал доступных методов, которые оно в условиях тяжелейшего экономического кризиса могло себе позволить. В первую очередь большевистское руководство старалось заинтересовать потенциальных красноармейцев материально и уже в январе 1918 г. взяло на себя обязательство по обеспечению всех семей красноармейцев квартирой, одеждой и минимальным денежным довольствием (25 руб. в месяц)⁴. При этом

¹ Назаров А.Ф. В бурях рожденная. Саратов, 1968. С. 76.

² МЗСБ КП-6661. ПИ-6214.

³ Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии. М., 1923. Т. 1. С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

сами красноармейцы находились на полном государственном довольствии, получали небольшой оклад (от 75 руб. в месяц), которой увеличивался в зависимости от звания и должности красноармейца.

Впоследствии оклад красноармейца неоднократно менялся из-за роста инфляции и обесценивания денег на фоне Гражданской войны. В апреле 1918 г. был утвержден размер денежного довольствия для всего рядового состава РККА в 50 руб. Советская Республика взяла на себя обязательства по обеспечению семьи красноармейца натуральным пайком. В случае невозможности выплаты семье красноармейца натуральными продуктами государство брало на себя обязанность выплачивать семьям по 100 руб. в месяц. Впоследствии практика показала, что данной суммы было недостаточно, чтобы прокормить семью, поэтому с 1 июня 1918 г. денежное довольствие было увеличено до 250 руб.¹ Нельзя не отметить, что для значительной части беднейшего населения страны вступление в ряды Красной армии было едва ли не единственным выходом из тяжелой ситуации.

Особую роль в сохранении советской власти играли подразделения, формируемые из военнопленных стран Четверного союза. По данным А.В. Калякиной, только в Саратовском Поволжье к началу 1918 г. находилось более 6 тыс. военнопленных². М.А. Водолагин оценил численность пленных в Царицыне в 7 тыс. чел., преимущественно чехов, сербов, словаков и т.д.³ В Астраханской губернии было сосредоточено до 2 500 чел.⁴

В их среде под воздействием местных коммунистов образовалась инициативная группа пропагандистов, которые агитировали военнопленных вступать в РККА. В результате были сформированы в Царицыне 1-й Серб-

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

² Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014. С. 243.

³ Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград, 1967. С. 82.

⁴ Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Болотова Е.Ю. Иностранные военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и российской революции // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2017. Т. 22. № 6. С. 116.

ский революционный полк (281 чел.), 4-й интернациональный полк, отдельные интернациональные роты.

В Саратовской губернии такая организация появилась в феврале 1918 г. под названием «Группа иностранных коммунистов». После этого практически одновременно возникли организации военнопленных в крупнейших городах губернии: «Комитет военнопленных социал-демократов» в Балашове, «Бюро военнопленных социалистов-интернационалистов» в Царицыне.

Не имевшие собственного хозяйства на территории РСФСР, военнопленные могли быть привлечены к делу революции только методом пропаганды и агитации. Руководство Советской республики видело в военнопленных не только потенциальных бойцов РККА, но и агитаторов, которые по возвращению на родину смогли бы распространять революционные идеи большевиков в Европе. 26 февраля 1918 г. Московским комитетом военнопленных создан новый орган – Революционный комитет, который становился главным звеном в системе набора военнопленных в ряды РККА.

К началу декабря 1918 г. на территории Нижнего Поволжья в ряды РККА вступило более 3 500 военнопленных: в Астраханском интернациональном отряде было зарегистрировано до 800 чел., в Черноярском – 300 чел., в Царевском – 50 чел., Дубовском – 120 чел., Камышинском – 80 чел., Балашовском – 500 чел., Николаевском – 150 чел., Царицынском – 1 200 чел.¹

В Саратовской губернии организацией интернациональных подразделений из числа военнопленных занимался В.П. Антонов-Саратовский (председатель местного Совета). К октябрю 1918 г. на территории губернии был сформирован 1-й Саратовский интернациональный полк в количестве 1 200 чел., который включал себя чехов, словаков, сербов, поляков, венгров, немцев.

¹ Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М., 2014. С. 245.

Агитационная деятельность среди военнопленных дала свои плоды. Так, в Саратове из военнопленных были сформированы следующие части: 1) 2-й интернациональный полк (один из первых принял на себя удар под Царицыным в боях против атамана Краснова); 2) 1-й Сербский советский отряд Д. Сердича; 3) Саратовский интернациональный батальон (в составе 1-й Луганской дивизии 10-й армии принимал активное участие в обороне Царицына); 4) интернациональный отряд Л. Гавро (отправлен в Темир-Хан-Шуру для восстановления власти большевиков). Интернациональные отряды активно участвовали в подавлении антибольшевистских выступлений на территории всей республики вплоть до февраля 1921 г.

На сходных началах была построена работа чехословацкой и югославской секций в регионе. На совещании югославских и болгарских групп, проходивших в Москве, присутствовали организаторы «югославянских частей» Красной армии в Царицыне (Д. Сердич) и Саратове (Л. Моин). Для ведения агитаторской работы среди пленных секцией было отправлено 6 агитаторов из числа военнопленных для ведения «политико-воспитательной работы».

Вместе с созданием коммунистических организаций в регионах началась борьба с контрреволюционными настроениями среди военнопленных. Так, некоторые представители Царицынского комитета РКП(б) высказывались о том, что часть военнопленных, примкнувших к большевикам, старалась извлечь для себя личную выгоду, «преследуя шовинистические цели».

4 мая 1918 г. два члена центральной коллегии (Мелхер и Вагнер) по запросу царицынских большевиков прибыли в город и начали «чистку» местного интернационального полка. Значительная часть личного состава была репрессирована, остатки полка были влиты в 1-й батальон иностранных коммунистов.

В конце добровольческого периода комплектования Красной армии учетным отделом Всероссийской коллегии по организации и управлению

РККА в Нижнем Поволжье было зафиксировано 20 753 добровольца¹. Цифра требует уточнения, так как число добровольцев во всей Астраханской губернии было оценено в количестве 100 чел.², что никак не могло соответствовать действительности. Кроме того, в докладах коллегии многократно подчеркивалось, что связь с Астраханью у центральных властей была затруднена, подчас отсутствовала вовсе, поэтому можно сделать вывод о том, что количество красноармейцев в Нижнем Поволжье к концу мая 1918 г. было не менее 25 тыс. чел.

Качество формируемых подразделений также оставляло желать лучшего. В отчете агитационного отдела Всероссийской коллегии по организации и управлению РККА отмечалось, что организация новых подразделений в Саратовской губернии и Царицыне не удовлетворительна, «организованная ранее Красная Армия распущена, новая армия находится на стадии организации, но ее результаты незначительны»³.

Таким образом, добровольческий этап формирования вооруженных отрядов Красной армии продолжался до начала лета 1918 г. Отсутствие общегосударственной централизованной системы снабжения приводило к тому, что создание и обеспечение добровольческих отрядов ложилось исключительно на местные органы военного управления. Красноармейские части этого периода имели разную структуру и организацию, численный состав отличался непостоянством. Государство пыталось привлекать в Красную армию больше добровольцев путем экономического стимулирования военнослужащих и их семей. Несмотря на то, что такой подход позволил влить в вооруженные силы большое количество добровольцев, это негативным образом отразилось на качестве воинских соединений. Зачастую армия пополнялась маргинальными элементами, не готовыми к ведению боевых действий и слабо знакомых с воинской дисциплиной и субординацией. Низкое качество

¹ РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 57.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58. Л. 57 об.

формируемых контингентов отразилось на результатах боевых действий, которые часто заканчивались для Красной армии неудачами. Наиболее стабильными и боеспособными подразделениями стали части из бывших военнопленных, так как они имели ценный боевой опыт и были достаточно замотивированы. Однако их небольшое количество не позволяло проводить масштабные военные операции. Тем не менее, благодаря активной деятельности местных руководителей по привлечению добровольцев удалось пополнить Красную армию в Нижнем Поволжье десятками тысяч добровольцев. Сформированные части позволили большевикам получить численное превосходство над своими противниками и удержать власть в регионе.

2.2. Формирование контингента РККА в Нижнем Поволжье на основе принципа всеобщей воинской повинности (май 1918 – декабрь 1920 гг.)

После восстания Чехословацкого корпуса разрозненные добровольческие подразделения РККА оказались не в состоянии противостоять белым армиям и интервенции стран Антанты. Поэтому для увеличения численного состава Красной армии 29 мая 1918 г. было издано постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию». Согласно декрету, объявлялась фактическая военная мобилизация рабочих и крестьян Москвы, Петрограда, Донской и Кубанской областей¹.

Регионы Нижнего Поволжья формально не подпадали под майское постановление ВЦИК, однако именно на территории Астраханской, Царицынской и Саратовской губерний мобилизация мужского населения в РККА началась одной из первых в республике. В силу слабой связи с Москвой в условиях сложной обстановки местные военные руководители были вынуждены принимать самостоятельные решения по организации частей Красной армии, не дожидаясь указаний и инструкций из центра.

¹ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 334.

В организационном плане Нижнее Поволжье было не готово к проведению мобилизации в ряды РККА. Это связано в первую очередь с отсутствием мобилизационных списков у местных органов военного управления из-за позднего формирования на территориях губерний военкоматов.

Выход постановления ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию» привел к тому, что с июня 1918 г. губвоенкоматы в спешном порядке стали проводить мероприятия по постановке на учет военнообязанного населения, которые должны были, по плану центральных властей, начаться с апреля 1918 г.

Однако постановка на учет в первые месяцы мобилизации была провалена. Наиболее успешно регистрация военнообязанного населения, по сравнению с другими губерниями Нижнего Поволжья, прошла в Саратове. Согласно отчету Уральского военного округа, к ноябрю 1918 г. в Саратовской губернии был проведен учет только половины мужского населения. Низкие темпы постановки на учет связывались с боевыми действиями в соседних районах и нежеланием местного населения участвовать в регистрации¹.

Летом была предпринята попытка проведения учета в Астраханской губернии, которая также была неудачной. Так, за лето 1918 г. в Енотаевском уезде удалось поставить на учет всего 6 474 русских и татар, а также 2 333 «инородца»². По всей Астраханской губернии к концу декабря состоялось на воинском учете всего 26 836 чел.³ Такая же проблема характерна была для Царицына: и здесь не успели заблаговременно поставить на учет военнообязанных. Например, в Николаевском районе Царицынской губернии к сентябрю 1918 г. из 60 тыс. чел. удалось зарегистрировать только 5,5 тыс.⁴ Отсутствие заранее подготовленных списков потенциальных призывников приводило к невозможности набора должного количества определенных категорий военнообязанного населения.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 122. Л. 3.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 238.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 610. Л. 36.

⁴ ГАВО. Ф. Р-491. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

Для проведения упорядоченной и понятной населению мобилизационной политики требовался подготовленный мобилизационный резерв, формирование которого ложилось на местные органы всеобщего военного обучения. Переход к Всевобучу по всей территории РСФСР был неравномерным, начинался и заканчивался в различных российских губерниях, уездах и волостях по-разному. К концу мая 1918 г. на учете местных военкоматов по всей республике, подлежащих военному обучению, состояло 1 300 тыс. чел., при этом фактически обучалось всего 200 тыс. В Нижнем Поволжье всеобщее военное обучение весной 1918 г. не проводилось¹.

Организация Всевобуча в Нижнем Поволжье значительно отличалась от губернии к губернии. На реализацию программы оказывали влияние географическая и хозяйственная специфика отдельных волостей и уездов, этнический состав, оперативная обстановка на фронте, политическая воля местных военных руководителей.

Работа бюро Всевобуча заключалась в следующем: 1) постановка на учёт мужского населения от 18 до 40 лет; 2) разделение населения на три категории: а) «подлежат обучению», б) «прошли ряды регулярной армии (не подлежат обучению)», в) «получили достаточную подготовку для занятия должности инструктора», 3) реализация программы, 4) ликвидация отдела по завершению обучения.

В Саратовской губернии Всевобуч был организован значительно раньше, чем на остальных территориях Нижнего Поволжья. К реализации программы приступили в конце мая 1918 г. и первое время к обучению привлекали только рабочих Саратова. В июне из обучавшихся сформировали пять временных полков (по три тысячи человек в каждом), на базе которых реализовывалась программа Всевобуча.² В июле 1918 г. на заседании Саратовского Совета губвоенкомом Соколовым было озвучено, что после непродолжи-

¹ ГАВО. Ф. Р-491. Оп. 1. Д. 30. Л. 11.

² Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 30.

тельного времени рабочие потеряли интерес к Всевобучу, количество обучавшихся «начало постепенно таять»¹.

В сельской местности до конца осени всеобщее военное обучение не проводилось. Это было связано с неустойчивостью власти и опасением бунтов крестьян в период сезонной уборки хлеба. Поэтому местные бюро Всевобуча привлекали к занятиям членов профсоюзов и рабочих крупных уездных городов. В таких городах могли обучать не более 1 500 чел., так как для обучения не хватало не только инструкторов, но и оружия с боеприпасами. Несмотря на инструкции из центра о проведении обучения в течение 6–8 часов в неделю в будние дни, местные бюро захотели строить работу с учетом пожеланий населения. В Саратовской губернии было решено проводить занятия 2 часа в среду и 4 часа в четверг, исходя из запросов населения².

Саратовский отдел Всевобуча проводил активную работу по постановке на учет мужского населения. Например, в Петровском уезде Саратовской губернии к концу 1918 г. на учет было взято 36 814 чел., из которых 23 460 прошли военную службу. При этом с июня по декабрь 1918 г. в Петровском уезде прошли обучение 10 803 чел.³

В отчете Саратовского губернского военного комиссара Соколова отмечалось, что население «не сопротивляется реализации программы». Главная проблема, тормозившая Всевобуч в регионе, виделась местными руководителями в отсутствии необходимого количества инструкторов. Например, зимой 1918 г. отмечалась нехватка 262 сотенных инструкторов по всей Саратовской губернии⁴.

Кроме того, местным отделам Всевобуча не хватало материального снабжения. В частности, на всю губернию для реализации программы было выделено «только 400 винтовок и 2 пулемета... при общей необходимости в 100 000 винтовок». Следовательно, обязательные для программы занятия на

¹ Годовщина социальной революции в Саратове. Саратов, 1918. С. 601.

² ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

³ Там же. Л. 85.

⁴ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 29 об.

стрельбище в Саратовской губернии не проводились в полном объеме из-за нехватки оружия и патронов. При этом акцент делался на строевой и тактической подготовке, обучении рукопашному бою¹.

Слабое внимание уделялось политической подготовке. В этом направлении местными военными руководителями отмечался формальный подход со стороны инструкторского состава². Со слов руководителя Саратовского Всевобуча, «прошедшие программу рабочие не смогли объяснить, что значит Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика»³. Несмотря на сложности в проведении программы всеобщего военного обучения в Саратовской губернии и слабые результаты боевой подготовки, местным бюро Всевобуча удалось к началу 1919 г. поставить на военный учет до 160 тыс. чел.⁴ Это позволило в дальнейшем проводить губвоенкоматам более упорядоченную мобилизационную политику, что отразилось на снижении социального напряжения в регионе.

В Астраханской губернии, как уже было отмечено, весной-летом 1918 г. всеобщее военное обучение населения не проводилось. Это было связано с большим кадровым дефицитом и нехваткой денежных средств. С 15 сентября 1918 г. началась организация местных отделов Всевобуча. К концу сентября отделы были открыты в Астраханском, Красноярском и Енотаевском уездах. Астрахань и уезды были разбиты на районы, в каждом районе были организованы районные отделы Всевобуча, которые со временем реорганизовывались в сборные пункты для формирования «милиционнно-территориальных частей». Деятельность астраханского руководства по организации Всевобуча в степях не увенчалась успехом и была приостановлена до разрешения этого вопроса центром.

15 сентября 1918 г. в Астраханской губернии была сформирована комиссия из специалистов по пехотному, кавалерийскому, артиллерийскому и

¹ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 30.

² ГАСО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 64. Л. 5.

³ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 29.

др. делам под председательством военного комиссара Недашевского. Комиссия знакомилась с качеством военной подготовки обучающихся, знаниями и политическими убеждениями кандидата. После принятия в местных газетах «Красный воин» и «Известия Астраханского Совдепа» объявлялись списки с зачисленными, которые содержали краткие данные о прежней службе, чтобы граждане могли заявить об отводе кандидата. Таким образом, в Астрахани за сентябрь 1918 г. подали заявку 178 инструкторов, однако губвоенкомат принял только 141 чел.¹

Общее число лиц, подлежащих обучению в «одну очередь» местным Бюро, составляло 100 чел. Очередь проходивших обучение зависела от конкретной возрастной группы. Было три группы: 1) 20–25 лет, 2) 26–32 года, 3) от 18 до 19 лет. В первую очередь обучалась первая группа, затем вторая, потом – третья. Бюро являлись временными учреждениями и распускались к моменту завершения обучения последней группы. Число часов ежедневных занятий устанавливалось Бюро после согласования с местным советом в зависимости от условий, характера занятий². Всевобучу подлежали только граждане, не эксплуатировавшие чужой труд. Обучение рекомендовалось проводить без нарушения обыденных занятий населения, чтобы расстояние до сборочного пункта у обучаемого не превышало 30 минут. Программа должна была быть освоена не более чем за 2 месяца³.

В Астраханской губернии в первые три месяца работы Всевобуча (ноябрь 1918 – январь 1919 гг.) Бюро не справлялись с поставленными планами по обучению военнообязанного населения. Количество обучающихся в районных центрах едва достигало 50% от запланированного числа (50–60 чел. еженедельно, вместо запланированных 100–150 чел.), наблюдались регулярные прогулы занятий обучающимися, росло число «злостных уклонистов». Уставшие от войны жители уезда вынуждены были тратить все свое свобод-

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 94.

² РГВА. Ф. 65. Оп. 4. Д. 9. Л. 7.

³ ГАСО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 64. Л. 7.

ное время, включая выходные дни и праздники, на обучение военному делу, цель которого была им не совсем понятна¹. Открытых отказов от обучения практически не было, однако наблюдался большой процент непосещаемости занятий: в городе – до 50%, в уездах – до 30%².

На первом этапе реализации программы Всевобуча на территории Астраханского и Енотаевского уездов перед Бюро встала задача по сокращению количества уклонистов от всеобщего военного обучения. Для реализации этой задачи у Бюро в арсенале было два метода: пропаганда Всевобуча среди местного населения и насильственное принуждение.

Анализ отчетов агитационных отделов Бюро Астраханского и Енотаевского уездов приводит к выводу, что в 1919 г. агитация среди местного населения находилась на крайне низком уровне. На территории всей Астраханской губернии наблюдалось острое недофинансирование агитационных отделов, недополучавших необходимое количество листовок и буклетов для населения. Попытки организации массовых митингов не находили сочувствия среди населения, так как они проводились в выходные или праздничные дни. Так, в докладе уездного астраханского военного комиссариата от 15 сентября 1919 г. отмечалось, что за «весь текущий 1919 г. в 15 селениях вокруг г. Астрахани было проведено всего 2–3 агитационных мероприятия»³.

Более действенным способом борьбы с уклонистами оказалась разработанная губернским отделом Всевобуча система штрафов и наказаний за прогулы занятий по всеобщему военному обучению. Действовавшая в первые месяцы (октябрь – декабрь 1918 г.) относительно мягкая система наказаний, которая заключалась в наложении штрафа за неявку (от 10 до 50 руб.), в январе 1919 г. была заменена, по сути, уголовным преследованием уклониста, так как третья неявка на занятия Всевобуча без уважительной причины приравнивалась к саботажу и могла закончиться высшей мерой наказания⁴.

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 97.

³ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 16. Л. 79.

⁴ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 11. Л. 38 об.

После ужесточения наказания за прогулы занятий Всевобуча (январь 1919 г.) в отчетах Бюро практически исчезли сведения о массовых «уклонистах», за исключением случаев неповиновения в населенных пунктах с преимущественно казахским населением, имевшим до 1917 г. статус «инородческого». Наиболее показательный случай неповиновения бывших «инородцев» описан в докладе от 27 марта 1919 г. Свободинского волостного военкомата. Согласно докладу, прибывший из Астрахани инструктор был избит выходцами местного мусульманского населения. Потерпевший инструктор отметил, что преступники повалили его на землю и начали топтать ногами за то, что он «не имеет права обучать Киргиз венному строю»¹. Дело замяли, однако местным военкомом Н. Николаевым было отмечено, что мусульманское население Свободинской волости крайне негативно настроено к прохождению курса Всевобуча².

Весной – летом 1919 г. в связи с наступлением белых темпы реализации программы Всевобуча были существенно увеличены. С мая 1919 г. количество обучаемых Бюро всей Астраханской губернии должно было ускориться в два раза: вместо ранее запланированных 150 чел. в неделю каждый районный центр должен был обучать 350 чел.³

Столь высокие темпы обучения резервистов должны были обеспечить полную реализацию программы Всевобуча в Астраханском и Енотаевском уездах в короткие сроки – за 8-9 месяцев, предположительно завершив её к началу 1920 г. Планы не удалось реализовать в силу ряда внешних и внутренних причин.

Важнейшей причиной, тормозившей работу Всевобуча на протяжении всей Гражданской войны, стала хозяйственная специфика региона, заключающаяся в необходимости большей части мужского населения работать на рыбных промыслах. Так, во всем Астраханском уезде в октябре – декабре

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

² Там же. Л. 5 об.

³ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 16. Л. 89.

1918 г. формально обучалось 2217 чел. (села Зеленга, Карантинное, Рынок, Камызяк, Лагань). Однако отдел Всевобуча фактически прекратил здесь обучение ввиду начавшегося лова рыбы, так как большинство населения Астраханского уезда являлись ловцами. Вплоть до начала января 1919 г. не прекращали обучение только 3 волости: Свободинская, Карантиновская и Началовская (781 обучаемых)¹.

Проблема, также тормозившая работу по всеобщему военному обучению, заключалась в отсутствии необходимого количественного и качественного кадрового состава отдела. Так, в рапорте от 25 ноября 1918 г. заведующего губернским отделом Всевобуча Смирнова отмечено, что на отделы при столь ограниченном штате (изначально штат губернского отдела Всевобуча составлял 9 чел.) было возложено много канцелярской работы, поэтому сами инструкторы, вместо того чтобы проводить работу с населением, были вынуждены заниматься заполнением всевозможных отчетов и рапортов².

Следующим фактором, тормозившим работу Всевобуча, являлась низкая мотивация самих инструкторов выполнять прямые должностные обязанности. Так, в выписке из приказа Губернского военного комиссариата указано, что «инструктора перед началом занятия не просматривают программ 96-часового обучения, поэтому приходят неподготовленными и проводят неправильно..., позволяют вместо занятий обсуждать новости с обучающимся»³.

Другим важным фактором, тормозившим работу Всевобуча, были географические особенности территории. Астраханская губерния по сей день имеет большое количество населенных пунктов, расположенных в дельте р. Волги. Обилие речных протоков и рукавов, острая нехватка речного транспорта приводили к тому, что ряд населенных пунктов губернии находился в относительной изоляции. Данный тезис подтверждает рапорт отдела Всевобуча по Астраханскому уезду, в котором отмечается, что «географиче-

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 13. Л. 154.

² ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 7. Л. 37.

³ Там же. Л. 38.

ское расположение уезда не даёт возможности быстро сообщаться с волостями и контролировать обучающихся на местах»¹.

Особое внимание заслуживает организация Всевобуча в Царицыне. До декабря 1918 г. Всевобуч в Царицыне не проводился согласно принятым инструкциям. Это было связано с тем, что вся военная власть в Царицынском районе принадлежала штабу X-й армии. Местные военкоматы (уездный и губернский) передавали свои дела по формированию и обучению резервных частей напрямую в штаб X-й армии.

До августа 1918 г. военное управление Царицына было в руках Северо-Кавказского военного округа, затем перешло к Военному совету во главе с Мининым, Сталиным и Ворошиловым. Советом была разработана собственная система военного обучения. Острая нехватка людских ресурсов в условиях тяжелейшей обороны города вынуждала местное руководство перейти к мобилизации всех рабочих и крестьян Царицына. Под мобилизацию попадало абсолютно все мужское население от 18 до 45 лет вне зависимости от наличия опыта военной службы².

Имевшие опыт военной службы сразу отправлялись на защиту города. Те, кто такого опыта не имели, зачислялись в 1-й, 2-й и 3-й запасные Царицынские полки, где проходило основное обучение. Следует отметить, что обучение в таких подразделениях было достаточно скоротечным. Инспектирующий дело Всевобуча в регионах А.И. Игошин отмечал в своем отчете, что рабочие и крестьяне проходят 2–3 упражнения на местном стрельбище около города, дальше «упражнения идут по живым целям»³.

Прототипом таких полков служили прежние (имперские) запасные полки, которые выделяли из себя, по мере обучения, маршевые роты в действующие части. В Царицыне подобная система заменила собой систему Всевобуча, выполняя, по сути, ту же функцию – подготовку резервов для Красной

¹ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 13. Л. 154.

² Красный воин. 1919. № 16. 17 января.

³ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 26.

армии. Общие принципы комплектования, декреты СНК о формировании Красной армии и Всевобуча, по мнению инспектора центрального отдела Всевобуча А.И. Игошина, не выполнялись дословно, и оборона Царицына разрабатывалась ее защитниками, «лучше знающими местные условия». В 1919 г. всеобщее военное обучение в Царицыне не проводилось вследствие исчерпания «людского запаса», который находился в действующей армии¹.

В отличие от Центральной России, «Всевобуч» в Нижнем Поволжье не был организован согласно изначальным инструкциям. Накануне перехода к масштабной мобилизации населения в Красную армию не удалось сформировать обученные и лояльные большевикам резервы. Этот факт привел к хаотичности и стихийности в реализации первых принудительных наборов в Красную армию в Нижнем Поволжье.

Начало похода Всевеликого войска Донского на Царицын вынудили астраханских большевиков провести региональную мобилизацию. В Астрахани первая всеобщая мобилизация была объявлена 10 мая 1918 г. на закрытом заседании губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и ловецких депутатов. Первоначальные мобилизационные мероприятия проводились военными секциями при волостных и станичных советах. Для материального обеспечения формируемых подразделений всем необходимым было принято решение о наложении на буржуазию города контрибуции в размере 50 млн руб.²

Наложение контрибуции на «враждебные» большевикам категории населения в первые годы Гражданской войны были распространенной практикой, так как слабость центральной власти и отсутствие денежных потоков в военные комиссариаты не позволяли обеспечивать формируемые подразделения за счет собственных средств. Например, для обеспечения мобилизации военкоматом Широковской волости Вольского уезда Саратовской губернии

¹ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 76.

² Астраханский фронт Гражданской войны и С.М. Киров: Сб. док. Сталинград, 1937. С. 37.

местная буржуазия была обложена контрибуцией в размере 117 860 руб.¹ В Царицыне на заседании исполкома местного Совета 23 мая 1918 г. для обеспечения армии была наложена пятимиллионная контрибуция на «имущие классы под страхом конфискации имущества и заключения в тюрьму»².

Несмотря на то что подобные контрибуции рассматривались центральными властями как нормальное явление, возникали случаи перегибов на местах. Например, в Астраханской губернии на содержание формируемых частей РККА в конце 1918 г. местными военками была наложена контрибуция на все «киргизское» (казахское) население в количестве 3 млн руб. Подобные действия вызвали широкий протест среди казахов, затем последовало «срочное расследование со стороны Москвы». В итоге контрибуции по этническому принципу были признаны незаконными, инициаторов наказали, на места были разосланы телеграммы с указанием «не проводить подобные контрибуции ни под каким видом»³.

Злоупотребления по сбору контрибуции были распространены в Саратовской губернии. Например, 17 октября 1918 г. были арестованы первые военные комиссары Ключевской волости Петровского уезда В.А. Ткачев и М.И. Малов по обвинению в незаконном изъятии денежных средств у населения. Несмотря на то что сбор контрибуции был инициирован местным исполкомом, руководство посчитало, что сбор денег на нужды армии осуществлялся «драконовскими методами»⁴.

Мобилизация в Нижнем Поволжье шла непрерывно до середины августа 1918 г. Однако нежелание местного населения служить в рядах РККА привело к крупному восстанию призывников в ряде волостей. Так, в конце июля 1918 г. были подняты восстания крестьян в ряде сел – Пролейке, Александровском и Балыклейном Астраханской губернии. В Саратовской губернии в июле 1918 г. призывниками были захвачены пригороды Саратова: Татищево,

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 80. Л. 79.

² Документы о героической обороне Царицына в 1918 г. М., 1942. С. 33.

³ РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22. Л. 181.

⁴ ГАСО. Ф. Р-678. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.

Курдюм, Разбойщина. В ходе протестных выступлений на станции Татищево восставшими был захвачен в плен губвоенком Соколов, впоследствии освобожден отрядами Красной армии¹. Особое сопротивление насильственной мобилизации было зафиксировано в Астрахани 15 августа 1918 г. В результате восстания призывников местный губвоенкомат был разграблен, а вся делопроизводственная документация уничтожена².

19 июня 1918 г. мобилизационным отделом Всеросглавштаба (ВГШ) был одобрен проект, согласно которому предполагалось призвать в ряды РККА 1 593 тыс. чел., из которых должно было быть сформировано 58 дивизий. В данном проекте Нижнему Поволжью отводилась достаточно скромная роль, так как предполагаемая военная мобилизация в регионе ограничивалась только Хвалынским и Вольскими уездами Саратовской губернии, в которых предполагалось сформировать 1-ю и 2-ю Саратовские дивизии³.

Собственные планы мобилизации личного состава в ряды РККА разрабатывались и местными военкоматами. Так, царицынский губвоенком К.Я. Федотов разработал план, согласно которому к концу 1918 г. Царицынский уезд должен был мобилизовать 36 800 чел., из которых формировались 15 пехотных полков. Кроме того, в плане указывалась возможность набора мужчин из соседних уездов Саратовской и Астраханской губерний. Так, в случае нехватки личного состава предполагалось набрать в Царевском уезде 12 тыс. чел., в Черноярском – 6 400 чел. На полное укомплектование призывников планировалось израсходовать 13 914 962 руб.⁴

Первые плановые мобилизации личного состава в ряды Красной армии в Нижнем Поволжье организовывались с середины июня 1918 г. 15 июня 1918 г. по инициативе Саратовского совета была начата мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Объявлялась и мобилизация коммунистов, имевших опыт военной подготовки или организаторско-массовой работы.

¹ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. док. М.; Л., 1931. С. 598.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 86 об.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 61. Л. 23.

⁴ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 88. Л. 65.

Саратовский Совет опасался бунтов и восстаний в волостях из-за насильственного призыва в Красную армию. По предложению местного руководителя В.П. Антонова-Саратовского, мобилизация в губернии проходила по следующему плану: 1) первоначально в Красную армию призывались только рабочие, из которых формировались «пролетарские ячейки», 2) после организации ячеек объявлялась всеобщая мобилизация, 3) в сельской местности призыв осуществлялся постепенно, «в зависимости от политического настроения масс», 4) на случай нехватки командиров, губвоенкомат требовал у всех предприятий данные о служащих, принадлежащих к бывшему командному составу (офицеров и унтер-офицеров).

Буквально за пару дней из рабочих Саратова наспех было сформировано несколько рот. Созданные Саратовским Советом первые подразделения на основе принципа всеобщей воинской повинности отличались крайне низкой дисциплиной и мотивацией. Так, при строевом смотре 1-й и 3-й рот губернский военный комиссар Соколов отметил, что «несмотря на то, что большинство призывников прошли имперскую армию, в строю они курят, лузгают семечки, выходят в строй без пояса»¹.

За лето 1918 г. в Саратовской губернии было проведено не менее трех мобилизаций личного состава. В результате были сформированы: 1-я Саратовская Стрелковая дивизия, 1-й революционный отряд, электротехнический батальон, летучий коммунистический отряд, Камышинский, Сердобский, Чехословацкий и Немецкий отряды, 4-й стрелковый полк Николаевского уезда и Балашовский полк. Эти подразделения вошли впоследствии в состав IV-й армии. Благодаря пополнению местных частей Красной армии мобилизованными к концу лета 1918 г. в ее составе были 23 500 штыков, 2 300 сабель, 64 орудия и 391 пулемёт².

Ухудшение положения РККА у Царицына в июле 1918 г. в связи с наступлением армии атамана П.Н. Краснова вынуждало большевистское

¹ ГАСО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

² Назаров А.Ф. В бурях рождённая. Саратов, 1968. С. 93.

руководство объявить мобилизацию на территории Астраханской губернии. Так, в начале августа 1918 г. по инициативе Совета Народных Комиссаров для оказания помощи Царицыну в Астрахани и Черноярском уезде была объявлена мобилизация рабочих и крестьян, бывших офицеров, врачей и военных чиновников 1893–1897 гг. рождения¹.

В Царицыне первая крупная мобилизация проведена 12 июля 1918 г.² Под призыв попали жители города и соседних 107 волостей, что позволило укрепить гарнизон города ещё 23 286 красноармейцами³. После ряда поражений красноармейских отрядов в боях на Украине, Дону и Кубани к Царицыну добралось 1 тыс. чел. из разбитых частей Красной армии, из которых 30% были разоружены. В итоге под Царицыным группировалось около 40 тыс. красноармейцев, которые и стали ядром будущей X-й армии. Из этих 40 тыс. чел. были сформированы 8 полков и 3 батареи, участвовавшие в активных боях до августа 1918 г.⁴

Летние мобилизации, проводимые в Царицыне, заметно отличались от мобилизаций в других регионах Нижнего Поволжья. Это было связано с деятельностью «царицынской группы», которая сопротивлялась центральной линии, отказывалась от привлечения в Красную армию бывших офицеров. Военнообязанные в регионе также не разделялись на категории. Согласно отчетам, отправленным губвоенкоматом в Москву, в Красную армию в Царицыне брали только «рабочих и крестьян»⁵.

К середине августа 1918 г. обстановка вокруг Царицына еще более обострилась. Наступление генерала К.К. Мамантова из района Калач, Пятиизбянская, Ниже-Чирская на восток к Царицыну создавало угрозу окружения города. В этих условиях 11 августа 1918 г. решением Военного совета обороны Царицына с 14 по 18 августа в городе объявлялась вторая крупная моби-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 199. Л. 20.

² МЗСБ КП-19287/278 НЕГ 192/1.

³ Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград, 1967. С. 83.

⁴ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 24. Л. 25.

⁵ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800. Л. 23.

лизация «пяти возрастов» (1891–1895 гг. рождения).¹ Анализ отчетов, направленных в РВСР из Царицына, показывает, что в реальности мобилизация в губернии проходила без соблюдения правила «набирать в армию строго по категориям», под ружье попадали все мужчины региона из «невраждебных» большевикам категорий населения².

Высокие потери и, как следствие, нехватка личного состава привели к тому, что в конце августа из Царицына в северные уезды Астраханской губернии начали поступать приказы с требованием проводить мобилизацию людей и лошадей «в пользу Царицына» под угрозами массовых расстрелов. Первые мобилизации на севере Астраханской губернии реализовывались Царицынским губернским военкоматом с 20 сентября 1918 г. Под мобилизацию попадали мужчины 1881–1891 гг. рождения. 3 октября была объявлена мобилизация врачей. 15 ноября 1918 г. дополнительно призвали военнообязанное население 1890–1900 гг. рождения. Только за осень 1918 г. в Царицын из северных волостей Астраханской губернии было отправлено 5 827 чел.³

Несмотря на то что мобилизации лета 1918 г. в Нижнем Поволжье носили децентрализованный характер, проходили в сложных условиях наступлений «белых» армий, они позволили укомплектовать части РККА десятками тысяч красноармейцев. Например, за лето 1918 г. в Саратовской губернии было мобилизовано 12 055 чел.⁴, в Царицыне – 20 574 чел. (в том числе 4 951 чел. из Черноярского уезда Астраханской губернии)⁵.

Данные о количестве призывников за лето 1918 г. по Астраханской губернии до центра не дошли из-за уничтожения отчетной документации в ходе августовского восстания призывников⁶. Однако в сохранившемся отчете инспектора Изварина, проводившего ревизию Астраханского губернского военкомата в период с 7 по 16 июня 1918 г., была дана следующая характе-

¹ Гончаров В.Л. Возвышение Сталина: оборона Царицына. М., 2010. С. 139.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 446. Л. 63.

³ ГАВО. Ф. Р-491. Оп. 1. Д. 30. Л. 31.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800 Л. 40.

⁵ Там же. Л. 23.

⁶ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 86.

ристика деятельности ведомства: «Большинство отделов военного комиссариата страдают организационными недостатками, практически отсутствует связь общего отдела с другими, хромает дисциплина... Наиболее грустное впечатление производит агитационно-вербовочный отдел»¹. Понятно, что для Нижнего Поволжья были характерны те же проблемы, с которыми сталкивались руководители структур военного управления других регионов и которые приходилось решать в сложных условиях Гражданской войны, что отражалось на результатах мобилизации, всегда «недостаточных» для центральной власти.

До осени 1918 г. местные призывы в Красную армию никак не регламентировались центром. Характерной чертой мобилизационной работы в Нижнем Поволжье летом 1918 г. являлась её бессистемность и полное отсутствие отчетности по количеству призванного личного состава. Существенную дезорганизацию в работу вносило и отсутствие единой системы штата личного состава в подразделениях разных уровней. Это приводило к тому, что каждое подразделение имело абсолютно разное количество военнослужащих, что усложняло их снабжение и управление подразделением.

Начало централизованных мобилизаций на территории Нижнего Поволжья связано с подписанием председателем РВСР Л.Д. Троцким приказа № 4, который стал первым шагом к организованному набору личного состава в ряды РККА. Согласно данному приказу, в армию должны были быть мобилизованы все граждане 1898 г. рождения и унтер-офицеры, родившиеся в 1890–1897 гг.²

Местные военкоматы незамедлительно приступили к реализации приказа Л.Д. Троцкого, однако даже при наличии четких критериев набора в армию на местах вносились коррективы в «центральные инструкции». Например, в Астраханской губернии местный губвоенкомат решил дополнительно призвать в рамках мобилизации мужское население 1896 г. рождения, увели-

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 65. Л. 18.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 257. Л. 2–4.

чив количество призывников на 2 119 чел., в результате чего в губернии было призвано 1 150 унтер-офицеров и 5 052 рядовых¹. В Саратовской губернии мобилизация проходила строго по инструкции и позволила включить в ряды РККА 6 766 унтер-офицеров и 16 271 красноармейца².

Приказ № 4 РВСР от 11 сентября 1918 г. стал основой для последующих возрастных мобилизаций, так как следующие призывы, проводимые по инициативе центральной власти, являлись продолжением этого приказа с пометкой «дополнение к статье 18» приказа № 4³. Первое «дополнение» появилось уже 22 сентября 1918 г., согласно которому, ввиду выявившейся нехватки граждан 1898 г. рождения, приказом № 6 была объявлена мобилизация дополнительно пяти возрастов (1893–1897 гг. рождения). В итоге приказ № 6 был выполнен только в Саратовской губернии, что позволило призвать в действующую армию ещё 51 220 чел., проживавших на территории Нижнего Поволжья⁴.

Характерной чертой призывов в сентябре 1918 г. являлось распределение мобилизованных строго по возрастам, которое должно было снизить тяжесть воинской повинности на территории республики, однако в реалиях Гражданской войны условия призыва, установленные центральной властью, нередко нарушались.

Из-за ограниченных людских ресурсов большевики отказались от традиционной системы оповещения «по повесткам». Вместо нее приказы и указания о местах сборов призывников печатались в местных газетах или на листовках, которые расклеивались по городу. По мнению руководителей военных комиссариатов, публикация информации о призыве в ряды РККА в местной газете считалась формальным оповещением населения. Например, в Царицыне специально для оповещения населения о событиях на фронте или приказах Военного Совета Северо-Кавказского военного округа с 7 августа

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 214.

² Там же. Л. 226.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 4. Л. 189.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 226.

1918 г. выпускалась ежедневная газета «Солдат Революции» под редакцией Б.И. Магидова. Первое обращение к населению о призыве в Царицынском уезде напечатано в шестом номере «Солдата революции» 13 августа 1918 г.¹

Одновременно с формированием боевых частей на территории Нижнего Поволжья на основании декрета СНК 20 июля 1918 г. стали формироваться отряды тылового ополчения². Согласно декрету, местные Советы, используя специальные регистрационные карточки, должны были поставить на учёт представителей буржуазии и «нетрудового элемента» от 18 до 45 лет для последующего зачисления в тыловое ополчение³. Ополченцы должны были выполнять тяжелую работу в тылу по рытью окопов, возведению укреплений и временных переправ. Таким образом, тыловое ополчение должно было разгрузить красноармейцев от выполнения лишней работы, не связанной с непосредственным участием в боевых действиях.

Срок службы в тыловом ополчении ограничивался одним годом⁴. Отказывающимся от службы в ополчении грозил тюремный срок до двух лет с конфискацией имущества⁵. Ополченцы получали такое же денежное довольствие как красноармейцы, однако они не могли занимать командные должности выше командира отделения. От призыва в тыловое ополчение можно было освободиться только по болезни. Для выявления неспособных к воинской службе 20 июля 1918 г. СНК РСФСР было составлено «расписание болезней», в которые среди 82 наименований входили такие, как слабое телосложение, ожирение, плохое зрение, ряд хронических и онкологических заболеваний⁶.

Набор в тыловое ополчение шел практически непрерывно на протяжении всей Гражданской войны, но в Нижнем Поволжье дал скромные результаты. Например, в Царицынской губернии к июлю 1919 г. в тыловое ополче-

¹ Солдат революции. 1918. № 6, 13 августа.

² Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 69.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 80. Л. 80.

⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 440. Л. 5.

⁵ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.

⁶ ГААО. Ф. Р-387. Оп. 1. Д. 6. Л. 64 об.

ние были призваны 108 чел., включая 16 священников, 22 дьякона, 8 псаломщиков и 47 промышленников¹. В Саратове удалось призвать 2 714 ополченцев из 3 440 явившихся². В Астрахани было призвано всего 10 ополченцев³. Низкая явка призывников показывает, что «враждебные» большевикам классы населения старались избегать «службы» даже в тыловых частях Красной армии. Местные военкоматы оказались неспособны насильственно привлечь «нетрудовые элементы» на службу.

Следует отметить, что неудовлетворительные результаты набора в тыловое ополчение были характерны для всей Советской Республики. Так, к середине лета 1919 г. по стране было призвано в ополчение всего 17 724 чел.⁴, следовательно, доля ополченцев, призванных в Нижнем Поволжье, составила 16%.

Слабая постановка на учет военнообязанного населения привела к введению 8 октября 1918 г. обязательной регистрации всех лиц мужского пола. Прибывавшие в города мужчины от 17 до 50 лет должны были добровольно пойти в учетный отдел при военном комиссариате, после чего им выдавалось специальное разрешение. Лица, которые уклонялись от регистрации, в случае поимки были обязаны выплатить штраф от 25 до 100 руб. или подвергались аресту до двух недель⁵.

Помимо призыва в РККА граждан определенных возрастов, в крупных городах Нижнего Поволжья существовала практика вербовки добровольцев, не подпадавших под мобилизацию. На заводы отправлялись агитаторы, которые призывали вступить в Красную армию на добровольных началах. Например, из рабочих Царицына в конце августа 1918 г. было сформировано два добровольческих полка («Электролес» и «Грузолес»), которые получили названия предприятий, на основе которых были сформированы воинские

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 440. Л. 42.

² Там же. Л. 69.

³ Там же. Л. 38.

⁴ Там же. Л. 82.

⁵ ГАВО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

подразделения¹. В Астраханской губернии агитационно-вербовочным отделам удалось привлечь в ряды Красной армии 223 добровольца². Агитация давала свои плоды и осенью 1918 г. За октябрь в Каменно-Бродском районе в РККА записалось 143 добровольца, в Николаевском уезде – 683 чел.³ Отметим, данный источник комплектования личным составом вооруженных сил хотя и не являлся основным, но имел важное значение и позволял включить в действующую армию тысячи мотивированных бойцов.

Обширная мобилизация требовала проведения серьезной агитационной работы. Большинство кадровых агитаторов находились в воинских частях на фронте. Поэтому большевики активно вербовали людей на агитаторские курсы. В «Красной газете» Саратовской губернии с 20 января 1919 г. объявлялся набор на курсы агитаторов. От желающих требовались «грамотность, сознательность и дисциплинированность». При этом слушателям выплачивали 150 руб. ежемесячно⁴.

Большевики старались сделать вступление мужчин в РККА на добровольной основе более выгодным, чем по мобилизации. Особенно поощрялось вступление в ряды РККА не только от военных комиссариатов, но и на основании постановлений местных партийных коммунистических ячеек, волостных исполкомов. Партийные ячейки могли выдвигать из своего числа мобилизованных, которые получали статус добровольца. Партийные добровольцы имели право на получение ежемесячного жалования в 200 руб. (со 100% надбавкой в Москве), в то время как беспартийные добровольцы получали только разовую выплату⁵.

Принятые по осенним мобилизациям 1918 г. красноармейцы направлялись в запасные части военного округа (за исключением мобилизованных в прифронтовой зоне, которых сразу направляли на линию соприкосновения).

¹ Горбункова В. Рабочие Царицына в обороне родного города в 1918 г. Энгельс, 1946. С. 30.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 316. Л. 1 об.

³ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 64. Д. 243.

⁴ Саратовская Красная газета. 1919. № 281, январь.

⁵ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

В запасных частях мобилизованные обучались в сравнительно короткие сроки, затем поступали на «пополнение» действующей армии. Короткий срок пребывания в запасных частях был вызван большой потребностью фронта в новых бойцах¹.

Предполагалось, что формируемые части станут комплектоваться по экстерриториальной системе, т.е. мобилизованные в Саратовской губернии должны были служить в Астраханской губернии и наоборот. Однако в действительности большая часть Нижнего Поволжья находилась на линии боевого соприкосновения, поэтому мобилизованные граждане немедленно отправлялись на фронт. Исключение составляли призывники 1900 г. рождения, которых старались держать в тылу несколько месяцев, так как, по мнению военного руководства, они были слишком молоды и не имели достаточного опыта².

Помимо возрастных мобилизаций, центральной властью и местными краевыми военкоматами инициировались дополнительные призывы военных специалистов и казаков. В Астраханской губернии до начала 1919 г. проведено две мобилизации местных артиллеристов и «радиоспециалистов», а также казаков в возрасте 20–27 лет. В результате на территории губернии были мобилизованы 1 001 специалист и 67 казаков³. Итоги мобилизации показали, что военные специалисты охотно шли в Красную армию, казачество же оказывало сопротивление. В начале 1919 г. по постановлению Казачьего отдела ВЦИК совет Астраханского казачьего войска был ликвидирован, и казаки во всех правах и обязанностях уравниены с остальным населением, поэтому в дальнейшем казачество не выделялось в качестве отдельной категории призыва⁴.

¹ Отчёт о деятельности Уральского Округного Комиссариата по военным делам за 2 года Октябрьской революции... С. 47.

² Там же. С. 48.

³ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 214.

⁴ Чернова Г. Астраханский Временный Военно-революционный комитет // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 23.

Осенняя мобилизация в некоторых волостях и уездах встречала сопротивление и саботировалась местным населением. Например, мобилизация, проведенная в сентябре-октябре в период хлебоуборочных работ 1918 г. в Красноярском уезде Астраханской губернии, была сорвана местным населением. По всему уезду в военкомат явилось 300 чел., из которых было принято 180 чел.¹

Итогом мобилизационной работы военных комиссариатов Нижнего Поволжья за 1918 г. стал набор более 120 тыс. красноармейцев. Наибольшее число мобилизованных пришлось на густонаселенную Саратовскую губернию, в которой было призвано 87 769 чел., включая 1 912 бывших офицеров и 112 бывших военных чиновников. Царицынский военкомат, в силу слабой связи Астрахани с северными уездами, также проводил мобилизационные мероприятия за своими границами, включая Черноярский и Царевский уезды, что позволило местным военкоматам призвать в ряды РККА 28 691 чел.² За осень 1918 г. в Астраханской губернии было призвано 6 873 чел.³

Стремительное увеличение личного состава Красной армии вызвало дефицит обмундирования. Местные военкоматы старались решить вопрос самостоятельно, так как недополучали денежных средств из центра. Это привело к трудовым мобилизациям владельцев всех мастерских, которые должны были заготавливать сукно и обмундирование в пользу Красной армии. Местные военкоматы выплачивали за работу символическую компенсацию⁴.

Несмотря на сопротивление отдельных районов Нижнего Поволжья, пополнение, набранное в ходе первых мобилизаций, позволило удержать важнейший участок в системе обороны РСФСР в противостоянии с Всевеликим войском Донским – Царицын. Однако в январе 1919 г. из антибольшевистских сил были организованы Вооруженные силы Юга России (ВСЮР), которые ставили своей краткосрочной целью захват Царицына и Астрахани. По-

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 238.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800. Л. 138.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 130 об.

⁴ ГАВО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

явление опасного противника требовало от местных военных руководителей ужесточить мобилизационную политику и привлекать в ряды Красной Армии большее количество людей.

К началу 1919 г. в РСФСР укоренился принцип проведения мобилизаций строго по категориям на основе возраста, специальности и т.д. военно-обязанного населения за короткий срок (обычно не более месяца). С этого времени набор в Красную армию проводился, как правило, по инициативе Москвы и был связан с необходимостью скорого набора людских ресурсов в условиях наступления «белых» армий.

В Нижнем Поволжье крупные мобилизации пришлось на весну 1919 г. и были связаны с указаниями центра в связи с весенним наступлением армии А.В. Колчака в марте 1919 г. Так, согласно докладу «о числе призванных мобилизованных граждан» от 25 марта 1919 г., в Астраханской губернии было призвано 4339 чел., из которых 207 призывника являлись бывшими офицерами, и 84 врача.¹ В Саратовской губернии удалось мобилизовать 16 тыс. чел., из которых 55 чел. были врачами,² а в Царицынской губернии – 8 159 чел.³

В это же время активно привлекались к службе бывшие офицеры. Согласно постановлению Совета обороны от 25 апреля 1919 г., в Красную армию призывались бывшие генералы в возрасте до 60 лет, бывшие штабные офицеры до 55 лет и бывшие обер-офицеры до 50 лет. Наибольшее число офицеров было призвано в Саратовской губернии – 2 163 бывших офицера и 9 640 бывших унтер-офицеров. В Астраханской губернии удалось мобилизовать 579 бывших офицеров и 135 бывших унтер-офицеров. Наименьшая доля призывников офицерского корпуса была призвана в Царицынской губернии – 409 бывших офицеров⁴. Низкие результаты призыва в Царицынской губернии объяснялись негативным отношением к бывшим офицерам в военном

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 58. Л. 16.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 225.

³ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 199. Л. 40.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800. Л. 15.

командовании X армии, репрессивной политикой, проводимой «царицынской группой» в их отношении летом – осенью 1918 г.¹

25 апреля 1919 г. вышел декрет ВЦИК, СНК и Совета рабоче-крестьянской обороны «О призыве среднего и беднейшего крестьянства в борьбе с контрреволюцией». Этот документ требовал от волостных исполнительных комитетов «немедленно мобилизовать от 10–20 человек» в возрасте от 18 до 40 лет. Помимо этого, на волисполкомы ложилась обязанность по укомплектованию мобилизованных снаряжением за собственный счет, после чего передать группы красноармейцев уездным военкоматам². По сути, так называемая «волостная мобилизация» стала аналогом рекрутского набора, существовавшего в Российской империи до военной реформы 1874 г.

Результаты реализации «волостной мобилизации» в Нижнем Поволжье оказались крайне неудовлетворительными. В Астраханской губернии волисполкомам удалось призвать всего 217 крестьян, в Саратовской – 496³. Низкие результаты мобилизации связаны с отсутствием четко прописанного механизма набора «10–20 человек от волости». Крестьяне не спешили записываться добровольцами, у волостных властей не было достаточно сил для принуждения. Кроме того, сами сельские власти были заинтересованы в сохранении рабочих рук в волости. Неудачный опыт привел к тому, что «волостные мобилизации» в РСФСР более не проводились.

В мае – июне 1919 г. началось крупное наступление войск А.И. Деникина на Царицын. Войска Южного фронта несли большие потери, в этих условиях в Нижнем Поволжье требовалось проведение дополнительных мобилизаций для срочного пополнения Красной армии воинским контингентом.

Наибольшая тяжесть мобилизации пришлась на Царицынскую губернию, где в армию забирали практически всех, кто был способен держать оружие. Так, согласно отчету местного губвоенкомата, за лето 1919 г. было

¹ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 26.

² Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 59–60.

³ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 226.

призвано 20 574 чел.,¹ общее количество призывников с января по сентябрь 1919 г. составило 54 420 чел.² В итоге на территории губернии практически не проводились остальные мобилизационные мероприятия. Так, на территории губернии была окончательно свернута программа Всевобуча «из-за исчерпания почти всего людского запаса»³.

Большой вклад в дело пополнения воинских частей личным составом внесла Астраханская губерния. На скорость набора личного состава в Красную армию повлияло распространение боевых действий на ее территорию. Согласно оперативным сводкам, в конце мая 1919 г. в Енотаевском уезде зафиксировали «активизацию белых», которые пытались проводить собственные мобилизации в сёлах в пользу ВСЮР⁴.

Опасение развала фронта привело к тому, что местные военкоматы существенно расширили категории призывников. Активное участие в проведении мобилизации сыграл Енотаевский уезд, который сумел мобилизовать 3 095 чел., в число которых входили 55 бывших унтер-офицеров, 23 офицера и 7 врачей. В Астраханском уезде удалось поставить «под ружье» 6 741 чел.⁵ К середине лета Астраханский уездный военкомат призвал на службу ещё 10 318 чел.,⁶ в то время как Енотаевский уезд направил в действующую армию 2 919 чел.⁷

В Саратовской губернии из-за риска массовых крестьянских восстаний мобилизация в Красную армию проводилась более упорядоченно, строго по категориям и только на основании приказов и постановлений центральных органов военного управления. Однако именно Саратов, благодаря высокой плотности населения, направил в армию наибольшее количество воинского

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800. Л. 24.

² Там же. Л. 5.

³ РГВА. Ф. 65. Оп. 7. Д. 23. Л. 28.

⁴ ГААО. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 23. Л. 25.

⁵ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 58. Л. 35.

⁶ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 58. Л. 50.

⁷ Там же. Л. 47.

контингента. В период с 1 января по 15 июня 1919 г. в губернии было призвано 108 533 чел.¹

Особую роль в составлении мобилизационных списков сыграли организованные 7 августа 1919 г. постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны поверочные сборы. Суть данного мероприятия сводилась к призыву мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет добровольно явиться в военкомат с целью постановки на военный учёт².

Для эффективности реализации поверочных сборов все губернии республики были разделены на 2 группы. К первой группе относились губернии с высоким уровнем населения, которые не имели географических препятствий для скорого проведения поверочных сборов. Во вторую группу входили губернии, которые по тому или иному признаку не соответствовали первой. Саратов и Царицын попали в первую группу, поэтому на этой территории поверочные сборы были успешно завершены к концу 1919 г. Астраханская губерния в силу большой отдаленности от центра попала во вторую группу и ее деятельность продлилась до середины 1920 г. и только в двух уездах (Астраханском и Красноярском)³.

Поверочные сборы в Саратове закончились 29 ноября 1919 г. В губернии наблюдалась высокая явка – за осень удалось зарегистрировать 156 616 чел., принять на военную службу 20 179 чел.⁴ В Царицыне сборы закончились 2 января 1920 г., в результате было поставлено на учет 11 793 чел., из которых 5 088 чел. приняли на военную службу⁵. В Астрахани поверочный сбор позволил зарегистрировать 10 038 чел., из которых 4 267 чел. были призваны в ряды РККА⁶.

Большое внимание при формировании воинского контингента отводилось кочевым народам, проживавшим на территории Нижнего Поволжья. По

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800. Л. 5.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 1336. Л. 1.

³ Там же. Л. 9 об.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 1336. Л. 134.

⁵ Там же. Л. 86.

⁶ Там же. Л. 138.

мнению руководства РВСР, кочевники являлись превосходными кавалеристами, которые с детства получали опыт верховой езды¹. В условиях Гражданской войны армия крайне нуждалась в мобильных подразделениях, однако инородческий статус усложнял работу с кочевым населением и требовал особого политического подхода.

Особую стратегическую ценность для Красной армии представляла Калмыцкая степь, так как эта территория находилась на линии прямого военного соприкосновения с силами белых на протяжении большей части Гражданской войны. Регион обладал ограниченными людскими ресурсами. По данным Нарковоена, в Калмыцкой степи проживало 159 909 чел., из которых 17 929 чел. являлись мужчинами призывного возраста от 20 до 50 лет². В вопросе привлечения калмыков на службу в Красную армию большевикам требовалось найти аккуратный и эффективный подход.

К 13 августа 1918 г. Астраханский губисполком решил провести широкую кампанию по мобилизации «трудящихся калмыков» в ряды Красной армии. Основная ставка делалась на добровольное привлечение калмыков в армию. Для этого было принято решение послать пять человек, хорошо знавших русский и калмыцкий языки, на курсы агитаторов в Казань для последующей работы в Калмыцкой степи. Кроме того, со всех улусов были созваны 15 калмыков, владеющих русским и калмыцким языками, которые были направлены в астраханский губвоенкомат. Их работа заключалась в переводе текстов с русского на калмыцкий язык. Агитационный отдел астраханского губвоенкомата составил агитационные брошюры на калмыцком языке «Что такое коммуна», «Гражданская война», «Политическое руководство» и т.д.³

Системно организовать работу по привлечению калмыцкого населения в Красную армию астраханским властям не удалось. Ситуацию осложняло

¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 134. Л. 5.

² РГВА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 62. Л. 4.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 47.

объявление штабом Северо-Кавказского военного округа мобилизации всех калмыков в возрасте от 18 до 50 лет без согласования с Астраханью. Призыв сопровождался применением насильственных методов под угрозой применения оружия. Местное население отправляли на сборные пункты без медосмотров. Посланный черноморским военкомом комиссар А. Большой параллельно накладывал на население контрибуции, реквизируя лошадей, захватывая заложников и избивая людей. Телеграмму из Царицына от РВС о прекращении «мобилизации» он проигнорировал.

14 сентября эта ситуация обсуждалась на заседании Калмыцкого исполкома, 19 сентября в Наркомат по военным и морским делам РСФСР была послана телеграмма за подписью астраханского губернского военного комиссара Недашковского и председателя Калмыцкого исполкома Чапчаева. В ней указывалось, что вследствие мероприятий царицынских военных властей, не согласованных с общим планом мобилизации калмыков, Калмыцкая степь «разрывается на части и мобилизуется на разных условиях». Предлагалось предоставить право на проведение мобилизации в Калмыцкой степи только Астраханскому губернскому военкомату совместно с Калмыцким исполкомом¹.

В октябре 1918 г. калмыцкий военком Маслов и председатель ЦИКа Калмыцкой степи А.М. Амур-Санан попросили выделить 8 уездов (Малодербентовский, Манынский, Икицохуовский, Харахусовский, Александровский, Багацохуровский, Яндыко-Мочажный, Еркетеновский) в особую Калмыцкую область на правах уезда Астраханской губернии. Местные руководители также считали, что в Калмыцкой степи было необходимо оттянуть всеобщий призыв и в первую очередь призвать калмыков 1894 и 1895 г.р., сохранив запись добровольцев. По мнению Маслова, опыт ограниченного призыва

¹ Максимов К.Н., Очирова Н.Г. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. С. 230.

помог бы менее болезненно реализовать мобилизацию всех боеспособных калмыков в будущем¹.

С 1 января 1919 г. при калмыцком отделе состояли переводчики с калмыцкого языка и других языков, переводившие политическую литературу, плакаты и листовки, которые адаптировались под бытовые особенности и традиции калмыцкого народа. Однако к весне 1919 г. во вновь созданном калмыцком военкомате осталось всего три агитатора на всю Калмыцкую степь. Организация митингов в степи также была слабой в силу хозяйственной специфики калмыков. Чтобы собрать большое количество слушателей для пропагандистской работы было необходимо «до 15 дней собирать калмыков по степи», следовательно, митинги организовывались не чаще, чем раз в месяц.

Первая мобилизация в Калмыцкой степи произошла в октябре 1918 г. призывников 1894 и 1895 г. рождения, в результате к декабрю на службу было принято 1 020 чел., из которых сформировали 1-й конный образцовый калмыцкий полк 4-хэскадронного состава.² Самый крупный набор на службу, давший Красной армии около 4 тыс. чел., в регионе был объявлен 5 марта 1919 г.³

Третья мобилизация калмыков была объявлена 5 июня 1919 г. Из 5 811 чел., состоявших на учете, явилось 1 117 чел., из которых было принято на службу 836 чел. Неудовлетворительные результаты привели к организации четвертой мобилизации, благодаря которой в РККА удалось набрать ещё 2 672 чел.⁴

24 августа 1919 г. объявлена мобилизация «нетрудового» населения Калмыцкой степи, которая дала 5 чел. по Калмыцко-Базаринскому улусу. Неуспех мобилизации среди калмыцкого населения астраханский губвоен-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3081. Л. 1–1 об.

² Маслов А.Г. Страницы былого: (Из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии). Элиста, 1962. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 47, 240.

комат объяснял не только боевыми действиями в степи, но и враждебным отношением калмыков к советской власти. По мнению астраханского губвоенкома Чугунова, антисоветские настроения среди калмыков возникали в связи с бесконечными конфискациями скота, лошадей и имущества частями XI-й и X-й армий¹. Несмотря на недостаточные меры, по мнению военных руководителей Астраханской губернии, на службу в Красную армию удалось привлечь 8 533 жителя Калмыцкой степи, что составляло около половины всего военнообязанного мужского населения региона.

Большую ценность как источника пополнения кавалеристами Красной армии имела Киргизская степь, входившая в состав Астраханской губернии. В октябре 1918 г. Народным комиссариатом по делам национальностей был сформулирован принцип комплектования Красной армии казахским населением: «Войска киргизские по отношению к РСФСР являются туземными войсками... Комплектование этих войск должно проходить при помощи добровольного вступления киргиз в армию»². Следовательно, как и в случае с калмыками, в отношении казахского населения ставка была сделана на агитацию и постепенное включение жителей бывших полуавтономий в систему военного управления Советской Республики.

В столице Киргизской степи – Ханской ставке – осенью 1918 г. был организован переводной отдел, где осуществляли перевод агитационных материалов с русского на казахский язык. В это время большое распространение на территории степи получила газета «Уран», которая издавалась на казахском языке и выходила два раза в неделю. Тираж каждого выпуска газеты составлял 10 тыс. экземпляров.

В конце 1918 г. начал формироваться Красный добровольческий полк, в который к началу 1919 г. добровольно вступили 1 тыс. чел. К лету 1919 г.

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 47. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 40. Л. 22.

был сформирован 1-й образцовый Киргизский кавалерийский полк в составе 1 700 чел., который впоследствии был влит в IV армию¹.

До конца 1919 г. в Нижнем Поволжье было организовано еще несколько крупных призывов. Таким образом, за 1919 г. в Нижнем Поволжье были проведены десятки мобилизаций, в результате которых отдельные территории полностью исчерпали людской ресурс. Например, в Астраханской губернии за 1919 г. было проведено 26 мобилизаций личного состава в ряды РККА², в результате которых было призвано на военную службу 34 222 чел.³ В Царицынской губернии было мобилизовано не менее 60 тыс. чел., в Саратовской – 178 078 чел.⁴ Всего по итогам мобилизации в РСФСР за 1919 г. было призвано 2 144 039 чел.⁵ Таким образом, вклад Нижнего Поволжья в 1919 г. в пополнение Красной армии составил 12,6%.

За последующие 1919–1920 гг. в губерниях Нижнего Поволжья проводились десятки мобилизаций. До 1920 г. в Саратовской губернии было проведено 48 мобилизаций⁶, в Астраханской – 34⁷. В итоге на службу в Красную армию в Нижнем Поволжье призвали не менее 350 тыс. чел.⁸

Таким образом, переход к массовой мобилизации в Нижнем Поволжье начался позже чем в центральной России (в июне 1918 г.). Отсутствие списков резервистов и позднее создание системы органов военного управления негативно повлияли на качество проводимых мобилизационных мероприятий летом – зимой 1918 г. Часто оказываясь изолированными от центра в силу географических особенностей региона и боевых действий, местные военные руководители были вынуждены брать на себя ответственность за набор личного состава в Красную армию. Ранние стихийные мобилизации не удовлетворяли в полной мере потребности армии в личном составе, а также приво-

¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 104. Л. 63.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 214.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 1373. Л. 48.

⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 800. Л. 7.

⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 461. Л. 25.

⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 225–228.

⁷ Там же. Л. 212–214.

⁸ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 199. Л. 14; РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 453. Л. 212–229.

дили к недовольству населения и бунтам призывников. Попытки снизить напряженность в обществе путем призыва населения строго по категориям (возраст, воинская специальность и т.д.) не увенчались успехом, так как из-за интенсивности боевых действий военкоматам Нижнего Поволжья приходилось расширять списки мобилизуемых в Красную армию. Мобильный характер Гражданской войны заставил большевиков разработать систему привлечение кочевых народ на воинскую службу. Мобилизационная политика государства включала в себя комплекс насильственных методов призыва в армию, а также меры экономической поддержки красноармейцев и их семей. Тем не менее, вовлечение в боевые действия большей части населения породило проблему массового уклонения от обязательной службы, что могло поставить под удар все достижения большевиков в области военного строительства, в силу чего представителям власти на местах приходилось искать различные формы проведения упорядоченной и понятной населению мобилизационной политики для выполнения поставленных центром задач.

3. МЕРЫ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДЕЗЕРТИРСТВУ ИЗ РЯДОВ РККА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (1918–1920 ГГ.)

3.1. Причины и масштабы дезертирства из Красной армии

Следствием введения всеобщей воинской повинности и насильственных мобилизаций в Красную армию стало появление массового дезертирства. Это явление получило свое распространение практически сразу после объявления мобилизации. Дезертирство быстро распространялось в войсках, к чему центральное военное руководство оказалось не готово. По словам главнокомандующего Красной армией С.С. Каменева, «события на фронте развертывались значительно быстрее, чем проворачивалось колесо в центре», поэтому проблема самовольного оставления воинских частей не беспокоила центр первые полгода¹. Впервые официально она была озвучена центральной властью 25 декабря 1918 г. в постановлении Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, в котором говорилось, что на фоне ужесточения боевых действий большими темпами растет количество красноармейцев, которые «самовольно отлучаются из своих частей и отправляются в глубокий тыл»².

Юридическое понятие «дезертир» оформилось только к февралю 1919 г. и означало «всякого военнотружущего, отсутствующего из своей воинской части или учреждения более семи дней»³. Впоследствии с ростом массовости явления определение понятия расширилось и к середине 1919 г. подразумевало «самовольно покинувшие войсковые части, заводы, учреждения и предприятия, служащие коих объявлены мобилизованными постановлениями

¹ Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 216.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1426.

³ Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. М., 1920. Вып. IV. С. 67.

Совета обороны, просрочившие разного рода отпуска и неявившиеся по мобилизации»¹.

Широкая правовая трактовка дезертирства усложняет подсчет масштабов проблемы, так как под него попадали не только красноармейцы, которые оставляли воинские части, но и граждане РСФСР, уклонявшиеся от воинской службы. Кроме того, во многих регионах, в том числе в Нижнем Поволжье, после прихода к власти большевиков уничтожили дела воинских присутствий, включая данные о мобилизационном резерве. Положение усугублял то факт, что до начала 1919 г. статистическая работа по учету количества дезертиров не велась. Следовательно, разнящиеся цифры по количеству дезертиров вызваны различными методами подсчета, применёнными историками.

Согласно данным советских исследователей, только за один 1918 г. доля уклонистов от службы в РККА составляла 75% от общего количества призывников². По подсчетам Г.Ф. Кривошеева, из частей РККА в период Гражданской войны дезертировало не менее 2,5 млн чел.³ Похожую статистику приводит итальянский историк А. Грациози, который оценивает количество дезертиров в 1919 г. в 1,5 млн чел., отмечая, что их количество увеличивалось на 200 тыс. чел. со второй половины года каждый месяц⁴. Р.А. Муклевич называл дезертирство в рассматриваемый период «бытовым явлением»⁵. По официальным данным, к 1 октября 1919 г. из 2 533 187 чел., призванных в ряды РККА, было официально зарегистрировано 885 313 дезертиров⁶. Несмотря на различия в подсчетах, имеющиеся данные позволяют утверждать, что масштаб дезертирства после введения обязательной военной службы был

¹ ГААО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 176.

³ Кривошеев Г.Ф. О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.

⁴ Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001. С. 24.

⁵ Муклевич Р.А. Политработа в боевой обстановке. М., 1926. С. 96.

⁶ РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 440. Л. 82.

угрожающим и мог привести к неблагоприятному для большевиков исходу Гражданской войны.

В Нижнем Поволжье дезертирство было распространённым явлением, так как на его территории базировались крупные гарнизоны и многочисленные армии (IV-я, IX-я, X-я, XI-я и др.), которые участвовали в боях с казаками атамана П.Н. Краснова, Оренбургским казачьим войском, Вооруженными силами Юга России и т.д. В.Г. Яценко оценил количество сбежавших из воинских частей красноармейцев в регионе в 215 тыс. чел.¹ По официальным данным, только с января по июль 1920 г. официально было зарегистрировано 110 тыс. дезертиров². Важно отметить, что дезертирство не было статичным явлением, его динамика была связана с комплексом военно-оперативных, экономических, и социальных факторов.

Первые сообщения о дезертирстве в Нижнем Поволжье появились в конце весны 1918 г. Военный комиссар Е.А. Трифонов в письме Л.Д. Троцкому сообщал о том, что одной из причин дезертирства на Юге России является нехватка обмундирования, снаряжения и оружия³. Военрук Царицына А.Е. Снесарев подтвердил слабую моральную устойчивость войск, отметив, что военные начальники не уверены в том, что смогут заставить войска покинуть расположения и заставить их пойти в атаку. Причинами бегства из частей он называл неорганизованную санитарную службу, где «не всегда есть даже первая помощь..., поэтому большинство раненых обречены на верную смерть». Кроме того, А.Е. Снесарев отмечал слабую подготовку командного состава, который не способен «выполнять даже самые простые задачи»⁴.

Ожесточенные бои с белыми армиями стали одной из важных причин побега части красноармейцев в тыл. Первые случаи массового дезертирства

¹ Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М., 2008. С. 32.

² ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 3. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 71.

непосредственно с линии фронта на территории Нижнего Поволжья были зафиксированы в июле – августе 1918 г. и совпали с проведением здесь массовых мобилизаций. В связи с наступлением атамана П.Н. Краснова на Царицын из действующих частей сбежало до 1 тыс. красноармейцев. Сами дезертиры объясняли побег «болезнью и негодностью к военной службе», тем самым стараясь использовать легальное обоснование уклонения от пребывания на фронте¹. В приказе № 481 по Северо-Кавказскому военному округу отмечалось, что выписанные и госпиталей красноармейцы «ходят по городу или уезжают домой..., меньший процент возвращается в свою часть»². Оставление воинских частей весной – летом 1918 г. также были следствием тяжелейших потерь X-й армии, которая в боях с казаками П.Н. Краснова потеряла ранеными и убитыми до 60 тыс. чел.³

Боевые потери стали важной причиной уклонения красноармейцев от службы. Согласно данным Г.Ф. Кривошеева, к концу 1918 г. Красная армия потеряла 146 378 чел. При этом количество потерь возрастало с каждым годом. Например, к концу 1919 г. Красная армия потеряла более 1,3 млн военнослужащих, а к концу 1920 г. – 3,1 млн чел.⁴ Наибольшая доля потерь в 1918–1919 гг. наблюдались на Южном фронте, который охватывал регион Нижнего Поволжья. В справке Главного командования отмечалось, что Южный фронт был полностью обессилен в постоянных боях, «насчитывающий в некоторых армиях до 10 тысяч штыков»⁵.

К октябрю 1918 г. количество дезертиров увеличилось в несколько раз. В этот период фиксируются агрессивные методы противодействия солдат насильственной службе в Красной армии, которые до начала 1919 г. не были так сильно распространены, как в последующие месяцы Гражданской войны.

¹ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 88. Л. 24.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 3. Л. 115.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 161.

⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 31.

⁵ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 423.

Один из таких случаев был связан с разложением Вольской дивизии, которая понесла высокие людские потери при обороне Царицына¹. 10 ноября 1918 г. в Вольской дивизии взбунтовались 1-й и 2-й Балаклавские полки, а также 1-й Астраханский полк. Красноармейцы самовольно оставили свои позиции, захватили девять орудий и тринадцать пулеметов. Не встречая особого сопротивления, дезертиры заняли село Рахинку Царицынского уезда, однако в этом населённом пункте их отряды были окружены и арестованы. Результатом бегства красноармейцев стало последующее расформирование Вольской дивизии К.Е. Ворошиловым².

На дезертирство из Красной армии также оказывала влияние репрессивная политика большевиков по отношению к местному населению. Так, на I съезде губернских военных комиссаров в декабре 1918 г. Приволжского военного округа отмечалось, что «действия отрядов ЧК восстанавливают против себя население»³.

С января 1919 г. дезертирство в Нижнем Поволжье приняло системный характер. В это время шли наиболее активные штурмы казаками Царицына в рамках третьего наступления Донской армии на город. Количественная оценка дезертирства в регионе была зафиксирована в переписке начальника штаба Восточного фронта с председателем РВСР Л.Д. Троцким. В ней отмечалось, что эшелоны с мобилизованными красноармейцами, отправляющиеся в воинские части, «буквально таяли на глазах». Л.Д. Троцкий указал, что количество сбежавших из эшелона красноармейцев «только в одном Черноярском уезде более 3 тыс. чел.»⁴. В свою очередь, начальник штаба Восточного фронта доложил председателю РВСР о том, что отправленная из Казани в Симбирск группа в составе 1 020 чел. прибыла в количестве 530 чел. (т.е. по дороге на фронт из эшелона сбежало 40% личного состава)⁵. Следовательно,

¹ ГАВО. Ф. Р-491. Оп. 1. Д. 30. Л. 29.

² Гончаров В.Л. Возвышение Сталина: оборона Царицына. М., 2010. С. 468–469.

³ РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 170. Л. 317 об.

⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 539. Л. 71.

⁵ Там же. Л. 23.

аналогичная ситуация наблюдалась не только в Нижнем Поволжье, она характерна была и для других территорий Советской республики. Схожие данные приводит Саратовский губвоенкомат, определяя количество дезертировавших таким способом в губернии в начале 1919 г. «тысячами человек»¹

Оставление эшелона во время пути следования было достаточно популярным способом дезертирства в годы Гражданской войны благодаря своей доступности. Отправляемые в воинские части красноармейцы практически всегда ехали вместе с гражданским населением в одном вагоне. Сопровождающий офицер не мог знать в лицо всех своих подчиненных. Кроме того, красноармейцы, как правило, размещались в разных вагонах. Эти факторы в значительной мере развязывали руки желающим сбежать еще до попадания в воинскую часть. Распространенность явления подчеркивалась во внутриведомственных переписках. Так, начальник 4-го отдела Всероссийского главного штаба (ВГШ) В. Туркин отметил, что воинские части стабильно недополучают 15% личного состава от военкоматов из-за бегства новобранцев из воинских эшелонов².

Данный способ дезертирства был распространен вплоть до заверяющего этапа Гражданской войны. Например, к концу 1920 г. из батальона в количестве 450 чел., отправленных из Астрахани в Саратов, до пункта назначения добралось только 302 чел., т.е. до воинской части не доехало 33% красноармейцев³.

В январе 1919 г. на территорию Астраханской губернии отступила выбитая с Северного Кавказа генералом А.И. Деникиным XI-я армия. По мнению председателя Военно-революционного комитета Астрахани С.М. Кирова, «XI армия, ... усталая, больная, раздетая и голодная, вынуждена была отступать под натиском противника по бескрайним астраханским степям в Красную Астрахань»⁴. Катастрофическое положение XI-й армии

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 574. Л. 6 об.

² РГВА. Ф. 7. Оп. 7. Д. 440. Л. 145.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 167. Л. 66.

⁴ Коммунист (Астрахань). 1920. 31 марта.

было связано с логистическими проблемами, нехваткой снабжения и вспыхнувшей эпидемией тифа. Именно эпидемия тифа стала главной причиной дезертирства в губернии. Многие красноармейцы и призывники боялись смертельной болезни и старались любыми способами не попасть в части, где свирепствовала эпидемия¹.

Эпидемии стали одним из главных мотивов оставления красноармейцами воинских частей. Согласно подсчетам Г.Ф. Кривошеева санитарные потери в Красной армии имели огромные масштабы. К концу 1918 г. число санитарных потерь достигало 138 тыс. чел., а к середине 1919 г. выросло до 2 млн чел.² К причинам массовых заболеваний в частях следует отнести нехватку медперсонала, медицинских инструментов и лекарств. В ряде районов, по которым перемещались части Красной армии, еще в дореволюционное время существовали очаги тифа, холеры, чумы, натуральной оспы, малярии и других опасных инфекций, которые являлись главным источником распространения эпидемий.

Весной 1919 г. наблюдается резкое увеличение размаха дезертирства. В докладе Главного командования в мае 1919 г. отмечалось, что мобилизация населения не позволяла пополнить убыль красноармейцев на фронтах от «развивающегося чрезмерного дезертирства, и в настоящее время число штыков и сабель как в действующей армии, так и в частях внутренних округов уменьшилось на 85 тысяч, т. е. около 20%»³.

Тенденция на увеличение численности дезертиров также прослеживается на территории Нижнего Поволжья. Так, с марта по май 1919 г. на территории Саратовской губернии было задержано 9 677 дезертиров, в Астраханской – 2 570 чел.⁴, а данные по Царицынской губернии отсутствуют. Массовость явления весной 1919 г. объясняется необходимостью для крестьян участво-

¹ Коммунист (Астрахань). 1919. 8 января.

² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: Статистическое исследование. М. 1993. С. 23.

³ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 164.

⁴ Кондрашин В.В. Крестьянство в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 561.

вать в полевых работах. Именно крестьяне составляли большую часть армии. Этот факт подтверждают отдельные официальные документы представителей органов военного управления. Например, губвоенком Саратова Соколов в телеграмме, направленной в Сердобский уездный военный комиссариат, сообщал о массовом получении командирами Красной армий просьб о предоставлении отпуска на период сельхозработ¹. Аналогичная ситуация отмечалась в докладе председателя Астраханской уездной комиссии Животовского, который констатировал, что 20% задержанных дезертиров XI-й армии были вынуждены оставить воинскую часть из-за «необходимости уборки хлеба»².

Особой интерес представляет статистика дезертирства с июня по сентябрь 1919 г., т.е. во время Московского похода ВСЮР. В этот период только в одной Саратовской губернии были задержаны 23 051 дезертиров, что превышает количественные показатели региона за предыдущие четыре месяца в 2,5 раза. В тоже время наступление белых армий привело к обратному процессу, т.е. массовому добровольному возвращению дезертиров на фронт. С июня по сентябрь 1919 г. в Саратовской губернии на фронт добровольно вернулись 13 298 чел., при этом наибольшая доля (7 207 чел.) пришлось на сентябрь³. Приведенные данные позволяют утверждать, что даже в период хлебоуборочных работ количество добровольно вернувшихся красноармейцев составляло 57,69% от общего числа дезертиров в губернии.

Похожая ситуация была в Астраханской губернии, где из 2 251 официально зарегистрированных дезертиров добровольно на фронт вернулось 728 чел., что составляло около 33%⁴. Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что местное крестьянство было настроено к белым негативно, что отразилось на высокой доле вернувшихся дезертиров на фронт.

¹ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 4. Д. 14. Л. 128.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 484. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 40.

На рост статистики дезертирства также влияла хозяйственная разруха, связанная с нехваткой рабочих рук в тылу. Это приводило к тому, что сама сельская администрация активно привлекала к разным работам бежавших с фронта красноармейцев. Например, из информационного бюллетеня особого отдела при реввоенсовете Запасной армии от 15 сентября 1919 г. мы узнаем, что в селе Владимировка Астраханской губернии местный Совет за неимением собственных кадров набрал в милицию дезертиров¹.

Во время поездки на Юг РСФСР осенью 1919 г. Л.Д. Троцкий отправил письмо в ЦК, в котором подчеркивал, что части Красной армии часто «панически отступают» и имеют низкий боевой дух. Председатель РВСР отмечал, что солдатам не хватает боеприпасов и им нечем вести бой с противником, поэтому красноармейцы несут излишние потери и не доверяют командному составу². Наблюдался также недостаток обуви. Практически во всех частях Нижнего Поволжья красноармейцы писали жалобы, что их отправляют сражаться «босиком»³.

Более детальные данные о причинах уклонения от службы в Красной армии позволяет получить анализ анкет дезертиров, которые были введены центральными органами власти в начале 1919 г. для оценки реальных причин дезертирства и выстраивания грамотной политики по его искоренению. «Анкета дезертира» включала в себя 30 вопросов, нацеленных на выявление социального положения, семейного статуса, опыта участия в Первой мировой войне, воинского звания, партийной принадлежности дезертира. Кроме того, в анкетах фиксировались ответы самого дезертира по поводу причин уклонения от службы в Красной армии. К сожалению, в них отсутствует информация о возрасте дезертира. В большинстве случаев нет даты заполнения анкеты, что усложняет исследование причин дезертирства в динамично развивающихся условиях Гражданской войны. Однако комплексный анализ анкет

¹ РГВА. Ф. 32015. Оп. 1. Д. 162. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 21. Л. 98.

³ Там же. Л. 68.

дезертиров позволяет выявить социальный портрет дезертира, в общих чертах определить причины уклонения мужчин от воинской службы.

Было проанализировано 200 анкет дезертиров из Царицынской губернии. Изучение источников показало, что большая часть дезертиров в губернии относится к категории крестьян (93,6%), остальные – к рабочим. Абсолютное большинство анкетированных (94%) были беспартийными с индифферентными политическими взглядами, а оставшаяся часть была представлена представителями правого крыла эсеров (4%) или кадетами (2%). Среди дезертиров 85% чел. являлись женатыми мужчинами, имеющими более одного ребенка. 78% опрошиваемых принимали участие в Первой мировой войне. Особого внимания заслуживает тот факт, что 15% дезертировавших вступили в Красную армию добровольцами ещё до перехода на обязательную военную службу. В качестве причин уклонения от воинской службы в основном выделялись следующие: 1) материальные трудности семьи, вызванные отсутствием рабочих рук во время хлебозаготовительных работ (36%); 2) нежелание участвовать в боевых действиях (28%); 3) негодное для службы состояние здоровья (23%); 4) религиозные убеждения (13%)¹.

Анализ массива анкет подтверждает распространённое мнение, что РККА была больше армией крестьян, нежели рабочих. Несмотря на то, что большая часть крестьян относилась нейтрально к власти большевиков, ответственность за жизнь собственной семьи ставилась дезертирами выше, чем идея победы «красных» в Гражданской войне. Подтверждением этого является тот факт, что 1/6 сбежавших из частей красноармейцев добровольно пошли в РККА и принимали участие в боях за Царицын, однако тяжёлое материальное положение семьи заставляло их покидать воинскую часть.

Несмотря на то что значительная часть дезертиров открыто заявляла о нежелании служить, многие из них старались придать побегу легальные формы, объясняя решение болезнью или религиозными убеждениями. Уклонение от воинской службы в Красной армии по религиозным мотивам стало

¹ ГАВО. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 4.

возможным после принятия 4 января 1919 г. декрета СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Данный декрет разрешал гражданам, религиозные воззрения которых исключают участие в боевых действиях, заменить с разрешения суда военную службу на другую «общепользную работу» по выбору призывника, но только по решению Народного суда¹.

Действие закона распространялось в основном на членов различных сектантских религиозных групп. Документы из фондов ГАВО подтверждают тезис В.В. Кондрашина о том, что в Нижнем Поволжье с 1919 по 1920 гг. сектанты активизировали пропагандистскую деятельность среди крестьян, воспользовавшись принятым советской властью законом об освобождении их от воинской повинности².

В одном из отчетов НКВД от 1 марта 1920 г. отмечалось, что в северных селах и волостях Ленинского уезда Царицынской губернии крестьяне в момент объявления мобилизации «вдруг прониклись религиозными убеждениями и отказываются являться на мобилизацию, выполнять подводную повинность, отчислять продовольственные продукты по нарядам губпродкома». Сторонники новой секты объявили себя партией «Истинной свободы». Отмечалось, что эта религиозная группа существовала до Гражданской войны, однако впоследствии «чуть ли не все местные граждане объявили себя членами этой партии» и категорически отказывались от вступления в Красную армию.

Секты также распространились в Саратовской губернии³. На ее территории большое влияние имела секта «толстовцев». Так, по данным губчека, «толстовцы» вели активную пропагандистскую деятельность среди крестьянства, призывая последних вступать в их ряды, мотивируя это освобождением

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 780.

² Кондрашин В.В. Крестьянство в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 182.

³ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918—1922 гг. М., 1998. С. 250.

от военной службы. Не имевшие «ни пищи, ни помещения» красноармейцы массово поддавались на агитацию сектантов¹. В сводке Войск внутренней охраны республики (ВОХР) в конце 1919 г. отмечалось, что в Новоузенском уезде Саратовской губернии «замечается скопление дезертиров, а также массовое движение толстовцев»². В Аткарском уезде властями была обнаружена секта «субботников, которая проводила вербовку среди дезертиров»³. В большинстве волостей Аткарского уезда подавались массовые заявления народным судьям об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям. Согласно сводке Особого отдела Саратовской губЧК, настроение крестьян к мобилизации было резко негативно (особенно в Вольском, Новоузенском и Петровском уездах) и они охотно поддавались на религиозную агитацию со стороны местных сект⁴.

В фондах Государственного архива Астраханской области на сегодняшний день сохранилось более 300 анкет дезертиров, поэтому их анализ в сравнении и с учетом данных о дезертирах Царицына дает более полное понимание причин уклонения крестьян от воинской службы. Как и в Царицыне, 94% дезертиров Астраханской губернии относились к категории крестьян. 98% имели боевой опыт и принимали участие в Первой мировой войне. 96% дезертиров попали в Красную армию недобровольно, а в результате мобилизации. Все анкетированные были беспартийными, однако 20% из них заявили о «сочувствии» партии большевиков⁵.

Следует отметить, что большая часть сохранившихся анкет относится к августу – сентябрю 1919 г., т.е. совпадает с периодом сельскохозяйственных работ, что отразилось на результате исследования. 67% анкетированных связывали свой побег с необходимостью принимать участие в хлебоуборочных

¹ Крестьянское движение в Поволжье 1919–1922. Сборник документов. М., 2002. С. 320–321.

² РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 51.

³ РГВА. Ф. 17535. Оп. 1. Д. 119. Л. 58 об.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 1998. С. 251.

⁵ ГААО. Ф. 379. Оп. 1. Д. 7, 53, 54, 55, 56, 78.

работах. 13% опрошенных заявили о нежелании служить в Красной армии по причине усталости от войны. 10% анкетированных, пойманных на территории Астраханской губернии, были жителями Царицына и добровольно сдались властям с требованием вернуть их в воинские части, так как утверждали, что прибыли в Астрахань после того, как их воинские части были разбиты армией П.Н. Врангеля. В оставшихся анкетах не было указано причин оставления своих воинских частей¹. Примечательно, что в «астраханских анкетах» отсутствовали упоминания о религиозных мотивах уклонения от службы, что позволяет утверждать о слабом влиянии сект и, вероятно, о незнании местным населением закона «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям».

Более детальный анализ отдельных анкет позволяет лучше понять мотивы дезертировавших красноармейцев. Так, в одной из анкет красноармейца А.С. Бережонова описан наиболее показательный пример вынужденного оставления воинской части. На обеспечении красноармейца находились жена и двое детей, потому он периодически сбегал в Астрахань, чтобы подрабатывать. Со слов красноармейца, его семья получала 9 кг муки в месяц, «этого хватало на половину месяца, а в остальное время семье приходилось голодать»². А.С. Бережонов был схвачен патрулем в октябре 1919 г. в день очередного побега в город. Он не был наказан, в его поступках не обнаружили «злого умысла»³.

Похожую ситуацию можно проследить при изучении анкеты красноармейца П.Т. Табарина. Будучи солдатом 1-го тяжелого артиллерийского полка, П.Т. Табарин периодически оставлял воинскую часть с целью «добычи муки для семьи»⁴.

В сохранившихся анкетах крайне мало сведений о политических мотивах дезертирства. Тем не менее, некоторые красноармейцы открыто заявляли

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 7, 53, 54, 55, 56, 78.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.

³ Там же. Л. 29.

⁴ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 78. Л. 16.

о нежелании служить в Красной армии по идеологическим мотивам. В период наступления Красной армии в августе 1919 г. был пойман «отряд», дезертировавших из XI-й армии. Со слов задержанных, группа красноармейцев из девяти человек украла из своей части несколько винтовок и ящиков с боеприпасами, один пулемёт. Дезертиры открыто заявили, что намеревались уйти в армию А.И. Деникина, о «сочувствии» партии кадетов. Подобные дела направлялись в Ревтрибунал, где обычно подсудимые приговаривались к высшей мере наказания¹.

К сожалению, в саратовских архивах анкеты дезертиров не сохранились. Здесь проживало преимущественно крестьянское население, наблюдались схожие, безусловно, имевшие свою специфику явления и процессы, протекавшие в условиях Гражданской войны, что позволяет транслировать типичные причины дезертирства на территорию всего Нижнего Поволжья.

Дезертирство в Нижнем Поволжье являлось масштабным явлением, было вызвано целым комплексом социальных, политических и экономических причин, среди которых общая усталость от войны, необходимость помогать своим семьям, и прежде всего участвовать в сельскохозяйственных работах, выступали основными. Все это приводило к многообразию форм протеста крестьянской массы против насильственной мобилизации.

Отметим, что в условиях Гражданской войны дезертирство претерпело некоторую трансформацию в сравнении с периодом Первой мировой войны. В первую очередь, это было обусловлено динамичностью линий фронта, иной правовой базой военной службы и социально-политическими обстоятельствами. Например, в дореволюционное время среди не желавших идти в наступление солдат было распространено такое явление, как «самострел», заключающееся в умышленном причинении военнослужащим вреда собственному здоровью. Как правило, солдаты простреливали себе конечность, чтобы отправиться в лазарет или стать негодными к службе. В условиях

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 7. Л. 132.

Гражданской войны данная форма дезертирства не была так популярна¹. Это связано с обширностью фронта, слабым контролем со стороны офицерского состава и, как следствие, возможностью использовать менее опасные формы уклонения от воинской службы.

Вместо «самострела» красноармейцы активно симулировали болезни, чтобы попасть в лазарет. Суть способа заключалась в максимальном оттягивании времени, так как для определения заболевания требовалась отправка в тыл, после чего выяснялось, что военнослужащий здоров. Пока проходили все эти мероприятия и красноармейца возвращали на фронт, подразделение, как правило, меняло место дислокации примерно на 300–400 км. В таких условиях, чтобы догнать свою часть, солдату требовалось пешком потратить в пути не менее 10 дней, за это время военнослужащий мог реально заболеть и потребовать очередной отправки в госпиталь².

Данный способ уклонения от участия в боевых действиях был широко распространен на фронте, вопрос борьбы с ним неоднократно поднимался в местных органах военного управления³. В действительности привлечь красноармейца за симуляцию было практически невозможно, так как офицеры были некомпетентны самостоятельно определить диагноз, а острая нехватка врачей приводила к невозможности выявления симулянта на передовой.

Другим не менее популярным способом уклонения от воинской повинности являлось приобретение поддельных документов, например, удостоверений о непригодном для военной службы состоянии здоровья. В поддельных документах была заинтересована семья уклониста, так как потеря рабочих рук могла привести к голоду и развалу хозяйства. Поэтому часто сами

¹ Долгова А.В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. № 7. С. 41.

² ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 56. Л. 2.

³ Долгова А.В. Указ. соч. С. 41.

родственники призывника обращались к представителям местной власти для получения необходимых документов за «вознаграждение»¹.

В начале 1919 г. начался процесс массовой выдачи документов, свидетельствовавших о плохом здоровье одного из членов семьи красноармейца, что являлось весомым основанием для получения отпуска или временного оставления службы. Практиковалась также выдача документов, в которых был изменен возраст призывника или красноармейца. Такая возможность уклонения от службы была возможна в связи с затруднениями определения точного возраста призывника. Определение даты рождения призывника осуществлялось на основе устных показаний родителей, которые старались искажать реальный возраст сыновей, чтобы они избежали очередного призыва в Красную армию².

О распространенности данного способа свидетельствуют уголовные дела, заведенные правоохранительными органами республики против военкомов, которые за взятку выдавали ложные документы призывникам. Так, в 1920 г. был арестован военком Киргизской степи Рахметов, который помогал местному населению избегать призыва в Красную армию. По официальным данным, сумма одной взятки военкому составляла 20 тыс. руб., что равнялось примерно 18 месячным окладам губернского военкома³.

Дезертирство как явление не только подрывало боеспособность Красной армии, но и являлось важной силой политической дестабилизации в тылу. Дезертиры охотно сотрудничали и объединялись с недовольными государственной политикой большевиков крестьянами. Таким образом дезертировавшие красноармейцы вливались в «зеленое» движение и выдвигали политические требования.

Наиболее ярким примером сотрудничества дезертиров с «зелеными» стало создание на севере Астраханской губернии отряда «Степные партиза-

¹ Долгова А.В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2008. № 7. С. 40.

² Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. М., 1998. С. 9.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 58.

ны». Отряд заимствовал организацию регулярной армии, поэтому на территории Николаевского и Царевского уездов осенью 1918 г. им были организованы 12 штабов, которые самостоятельно проводили мобилизацию населения и организовывали Всевобуч. Во главе отряда стоял дезертир Н.Н. Филиппович, костяком являлись сбежавшие военнослужащие из IX-й, X-й и XI-й армий¹.

По оценкам Ленинского уездного военкомата, численность «Степного отряда» достигала 4 тыс. чел. Большинство членов отряда было представлено местными жителями, которые хорошо знали степную местность. Несмотря на количественное превосходство регулярных частей Красной армии в регионе, им удалось разбить «дезертирский отряд» только к апрелю 1919 г.

Нежелание служить в Красной армии приводило к массовым восстаниям в ее тылу. Так, в январе 1919 г. подняли восстание несколько взводов X-й армии, которые удерживали оборону на Царевском направлении. Восставшие красноармейцы заняли село Средне-Погромное, где арестовали всех коммунистов под лозунгом «Советы без большевиков». К восставшим присоединилась часть местных жителей, поэтому выступление дезертиров удалось подавить только через несколько недель с применением кавалерии и пулеметов².

Наибольшее количество восстаний в частях Красной армии в Нижнем Поволжье было зафиксировано в июне-августе 1918 г. В сводках Центральной комиссии по борьбе с дезертирством отмечалось о десятках восстаний с численностью в «несколько тысяч человек». Движение «зеленых» охватило Саратовскую губернию, шло к Балашову и на Тамбов, «создав даже угрозу Южному фронту». Дезертирские восстания охватили также центральные районы Советской России (Тамбовскую, Воронежскую, Ярославскую, Московскую и Рязанскую губернии). Подавленные выступления в одних местах,

¹ ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. Л. 154.

² Коммунист (Астрахань). 1919. 8 января.

снова вспыхивали в других. Отряды дезертиров разрушали железные дороги, телеграфы, организовывали террор в отношении советских чиновников¹.

Банды дезертиров со временем достигали огромных размеров. В 1919 г. в Саратовской губернии действовал отряд под названием «Ивановская лесная дивизия». Это подразделение состояло из двух полков при 38 пулеметах, 2 тыс. ручных бомб, одной артиллерийской батареи и двух эскадронов кавалерии. Дивизия распространяла листовки («воззвания к противникам советской власти»), в которой они предлагали скрывавшимся дезертирам переходить на их сторону и не сдаваться частям Красной армии². Крупные дезертирские отряды также действовали в Астраханской губернии. Так, в докладе от 21 июля 1920 г. председателя комиссии Енотаевского уезда, указывается, что «численность банды дезертиров на правом берегу Волги достигает полторы тысячи человек». Банда дезертиров Енотаевского уезда вынуждена была кормиться за счет местного населения, поэтому неоднократно совершала набеги на ближайшие селения с целью отбора хлеба и грабежа³.

Летом 1920 г. в Новоузенском уезде Саратовской губернии часть личного состава 2-й туркестанской дивизии во главе с Александром Васильевичем Сапожковым поднял восстание. Примечательно, что накануне восстания А.В. Сапожкова лишили командной должности, а саму дивизию собирались перевести на польский фронт. По мнению В.В. Кондрашина, конфликт был спровоцирован командующим Западным военным округом А.К. Авксентьевским, который «избрал в отношении заслуженного командира Красной армии излишне прямолинейное административное давление»⁴.

Официальной властью восставшие красноармейцы были немедленно объявлены дезертирами. А.В. Сапожков решил использовать имевшиеся силы для продвижения идей «зеленого» движения. Так, его отрядом были вы-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 14.

² Крестьянское движение в Саратовской губернии: сборник документов и материалов. Саратов, 2003. С. 31.

³ ГААО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 1. Л. 59.

⁴ Кондрашин В.В. Крестьянство в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 202.

двинуты экономические требования: отмена продразверстки, восстановление свободной торговли. На начальном этапе восстания отряд состоял из 1,5 тыс. чел. и имел высокую дисциплину¹.

Отряд А.В. Сапожкова, названный им «1-й армией правды», пополнялся дезертирами из 22-й стрелковой дивизии, 22-й и 25-й дивизий, а также 49-го полка, сформированного из уральских казаков. Несмотря на то что отряды, подобные «1-й армии правды», находились в окружении, они перерезали тыловые коммуникации РККА и дестабилизировали обстановку в тылу.

В Саратовской губернии нашлось множество сочувствующих А.В. Сапожкову крестьян. По данным Самарской губЧК, в отряд вступало множество крестьян-добровольцев. За несколько недель «1-ю армию правды» дополнили 1 300 чел.² После проведения собственных мобилизационных мероприятий численность отряда А.В. Сапожкова достигла около 3,5 тыс. чел. при поддержке 4 орудий и 8 пулемётов³.

Согласно воспоминаниям главнокомандующего вооружёнными силами Республики С.С. Каменева, из-за чрезмерной бюрократизации Красной армии отряд А.В. Сапожкова «не успели списать с довольствия», поэтому восставшие часто получали оружие и боеприпасы со складов Красной армии. Это давало отряду быстро восстанавливаться после столкновений с регулярной армией и обеспечивало высокую выживаемость⁴.

Армия дезертиров постепенно становилась вооружённым костяком «зеленого» движения в регионе. О размахе движения А.В. Сапожкова свидетельствуют значительные силы, которые были брошены на его подавление. А.К. Авксентьевский направил несколько карательных подразделений численностью до 13 тыс. чел. при поддержке 1,5 тыс. конного отряда, 89 пулемё-

¹ Таубин Р.А. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. № 12. С. 59.

² Там же. С. 58.

³ Кондрашин В.В. Крестьянство в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 200.

⁴ Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С.39–40.

тов и 46 орудий¹. В подобных условиях отряд ждал только разгром, поэтому А.В. Сапожков стремился скрыться от регулярной армии в Киргизской степи Астраханской губернии².

Пример А.В. Сапожкова, пытавшегося с отрядом укрыться в степи, не является уникальным для этого региона. Как правило, степи выступали едва ли не единственным местом, где была возможность укрыться от регулярных частей Красной армии. Так, губвоенком Царицына К.Я. Федотов отмечал, что в соседних с Царицыным степях прячется банда дезертиров из нескольких сотен человек, которая «отбила все карательные походы местных милиционных частей»³.

Таким образом, переход к насильственной мобилизации породил массовой дезертирство в Красной армии. Важным фактором распространения дезертирства стал крестьянский состав армии. Зависимость крестьян от сельскохозяйственных циклов, экономический кризис и отсутствие необходимого количества рабочих рук в семье удерживало призывников от вступления в Красную армию. Ситуацию усугубляли большие потери, распространение эпидемий в частях РККА и плохое снабжение красноармейцев и их семей. Дезертирство имело разные формы и проявлялось в виде уклонении от призыва, бегства из эшелонов и т.д. Наиболее опасной для большевиков стал вооруженный протест дезертиров, которые оставляли важные участки фронта целыми подразделениями. Эти дезертирские отряды сохраняли военную организацию и противостояли Красной армии, объединяясь с недовольными крестьянами. Дезертиры выступали в роли организованного и вооруженного костяка «зеленого» движения. Степные регионы Нижнего Поволжья становились местом скопления дезертирских отрядов, которые успешно избегали прямого контакта с основными силами Красной армии и наносили удары по ее тыловым частям. Масштабы явления подрывали обороноспособность гос-

¹ Каменев С.С. Записки о гражданской войне... С. 202.

² Таубин Р.А. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова // Борьба классов. 1934. № 12. С. 61.

³ ГАВО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 113. Л. 486.

ударства и сводили к минимуму результаты работы местных органов военного управления по формированию воинского контингента. Проблема дезертирства требовала немедленной реакции со стороны советских властей.

3.2. Организация борьбы с дезертирством на территории Нижнего Поволжья

Централизованная политика борьбы с дезертирством была провозглашена 25 декабря 1918 г. постановлением Совета Рабоче-крестьянской обороны. Согласно документу, Реввоенсовет Республики должен был создать новый орган – Центральную временную комиссию по борьбе с дезертирством (ЦКД). В составе комиссии были представители НКВД, Всероссийского Бюро военных комиссаров и Всероссийского Главного штаба. В обязанности нового органа входили поимка дезертиров, а также определение наказания для сбежавших из воинских частей красноармейцев и их укрывателей. Для обеспечения деятельности комиссии было решено выделить заём в размере 2 млн руб.¹

Изначально предполагалось, что ЦКД не будет создавать подведомственные учреждения на местах. Вместо этого орган получил право привлекать представителей различных государственных органов в регионах для поимки и наказания дезертиров. Так, 27 января 1919 г. ЦКД «в связи с непрекращающимся дезертирством красноармейцев из эшелонов» постановила обязательно сопровождать военный ж/д состав командирами подразделения, в которое придут мобилизованные солдаты. Кроме того, в каждом эшелоне вводилась новая должность – особый комендант, в задачу которого входило пресекать при поддержке конвоя из наиболее лояльных красноармейцев любые попытки побега из эшелона. Максимальное содействие требовалось ока-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 1426–1427.

зывать при организации сопровождения воинских эшелонов частям милиции, а также сотрудникам железных дорог¹.

Все приказы ЦКД были обязательными для исполнения компетентными органами, которые могли хоть как-то повлиять на борьбу с дезертирством. Однако в реальности у центральной комиссии было мало средств контроля выполнения своих постановлений и приказов органов государственной власти, поэтому в январе 1919 г. ЦКД приказала учредить на базе губернских и уездных военкоматов местные комиссии по борьбе с дезертирством. Состав первых комиссий был ограничен тремя членами: представителем военного комиссариата, работником культпросвета, а также членом отдела управления местного исполкома².

Заседания местных комиссий были обязательны для всех членов, которые в случае неявки более двух раз считались выбывшими и заменялись другими. По причинам неявки того или иного члена комиссии ведомство, к которому он относился, должно было проводить расследование. Если причины отсутствия члена комиссии были признаны неуважительными, то лицо признавалось виновным в должностном преступлении³.

В Нижнем Поволжье губернские комиссии по борьбе с дезертирством (ГКД) созданы в начале февраля 1919 г.⁴ На них возлагалась непосредственная борьба с дезертирами. Для осуществления этой деятельности в ведение ГКД были переданы следующие функции: 1) разбор дел дезертиров и их передача в случае «установления злонамеренности» в Революционные трибуналы; 2) наблюдение и инструктирование эшелонов при отправке их на фронт; 3) контроль за местными органами социального обеспечения;

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 8.

² Там же. Л. 1.

³ Козловский С.И. Формирование частей РККА на территории Вятской губернии в 1918–1920 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2002. С. 117.

⁴ ГААО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 122. Л. 14.

4) управление уездными и волостными комиссиями по борьбе с дезертирством¹.

Большие территории и ограниченные возможности малочисленных губернских комиссий вынуждали губернские центры учреждать комиссии по борьбе с дезертирством (комдезы) в уездах. В конце февраля 1919 г. на основе постановления ЦКД во всех регионах РСФСР создавались уездные комиссии по борьбе с дезертирством (УКД). В Нижнем Поволжье данный процесс затянулся до конца апреля 1919 г. Скорость их создания целиком зависела от материальной возможности местного руководства. Например, в Енотаевском уезде Астраханской губернии УДК была сформирована уже в конце февраля 1919 г., а в Красноярском уезде из-за нехватки средств процесс затянулся до середины апреля. Ревизор, присланный из Москвы в Астраханскую губернию для оценки деятельности комдезов, указал, что «комиссии создаются очень медленно, отделяваясь только разговорами»².

Изначально предполагалось создавать комиссии только на уровне губерния – уезд. Волостные комиссии могли учреждать только ГКД по желанию и на собственные средства, отдельных денег на их создание центром не выделялось. Это обусловило позднее создание волостных комиссий по борьбе с дезертирством (ВКД).³ Например, в Красноярском уезде к маю 1919 г. комиссии были организованы только в трех из восемнадцати волостях (Мариинская, Джабриковская, Архаровская)⁴. В Енотаевском уезде ВКД были созданы к марту 1919 г. во всех волостях уезда⁵.

Весной – летом 1919 г., в период крестьянских вооруженных выступлений и деятельности многочисленных «зелёных» отрядов, создание волостных комиссий было достаточно трудной задачей. Там, где ВКД были организованы, роль их была чисто агентурной. Волостные комиссии должны были со-

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 62–62 об.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 104. Л. 5.

⁴ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

общать в УКД о появившихся на территории волости дезертирах и настроениях населения волости¹.

Создание комиссий по борьбе с дезертирством на местах не гарантировало быстрого решения проблемы, так как новые органы испытывали множество трудностей и не имели реальной силы. Главной сложностью в первые месяцы их работы стало совмещение членами комиссий 2–3 должностей одновременно. При этом члены комиссий получали только один оклад, соответствующий основной должности. Комиссиям также не хватало личного состава для выполнения канцлерской работы. В первые месяцы работы «из-за дефицита кадров к делопроизводству в комдезах привлекали дезертиров»². Это приводило к тому, что ведомства работали формально, не предпринимая реальных действий по борьбе с дезертирством.

До весны 1919 г. главным оружием губкомдезов было устрашение местного населения. В газетах Нижнего Поволжья ежедневно публиковались списки расстрелянных дезертиров с точным указанием совершенного преступления. Например, в астраханской газете «Коммунист» указывался расстрел командира конной команды разведчиков Вячеслава Лебедева, которого приговорили к высшей мере наказания «за попытку бегства и сговор с белыми»³. Также в прессе описывались случаи повторных побегов, расстрелы за пьянство и т.д. Обычно «ежедневные» статьи заканчивались призывами к расстрелу всех пойманных дезертиров. Однако подобные действия не способствовали улучшению ситуации.

Санкции, применяемые по отношению дезертирам, зависели от категории («злостные» и «по слабости воли»), к которой их определяли местные комдезы. Формально к «злостным» относили тех граждан, которые находились вне воинской части или не явились по мобилизации более двух недель, а

¹ Левшин К.В. Причины дезертирства в Красной Армии 1918–1921 гг. // Новейшая история России. СПб., 2011. № 2. С. 77.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

³ Коммунист (Астрахань). 1919. № 38. Февраль.

все, кто не попадал под эту категорию, приписывали к дезертирам «по слабости воли»¹.

На практике инструкцию редко соблюдали из-за значительного числа дезертиров. Определять всех дезертиров в категорию «злостных» не имело никакого смысла, так как это могло спровоцировать восстания в Нижнем Поволжье и не решало главной проблемы – возвращения красноармейцев на фронт. Например, из анкет дезертиров до нас дошли случаи, когда крестьянин, оставивший воинскую часть на три месяца в период посевных работ, был помилован как «сбежавший по слабости воли»². И наоборот, когда отсутствующая группа красноармейцев, пойманная на следующий день после побега, была приговорена к высшей мере наказания за помощь белым³. Таким образом, «злостность» правонарушения на практике определяли члены местных комдезов в индивидуальном порядке, а острая необходимость в пополнениях людскими ресурсами снижала их процент. Тезис подтверждает статистика «злостных» дезертиров, направляемая комиссиями Нижнего Поволжья в центр. Так, в Саратовской губернии за апрель 1919 г. из 6 141 дезертира 993 чел. были «злостными»⁴, а в Астраханской губернии за тот же период из 1 034 зарегистрированных дезертиров только три человека были определены к категории «злостных»⁵.

Дела «злостных» дезертиров могли передаваться по желанию комиссии в революционные трибуналы (ревтрибуналы)⁶. В Саратовской губернии создавались «оперативные тройки», в состав которых входили представители уездных комиссий по борьбе с дезертирством, исполкома и партии большевиков. Эти органы выносили приговоры по отношению к дезертирам и их укрывателям и имели право приговаривать к высшей мере наказания. Однако решение оперативной тройки можно было обжаловать в губернской комис-

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 281. Л. 62 об.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

³ Там же. Л. 132.

⁴ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 201 об.

⁵ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 47 об.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 68.

сии в семидневный срок¹. В Астраханской² и Царицынской³ губерниях все приговоры выносились местными комиссиями по борьбе с дезертирством.

На данном этапе «незлостных» дезертиров отправляли в «запасные маршруты». Направленным в такие подразделения полагалось иметь черную нашивку на левом рукаве, которая означала, что военнослужащий официально числился дезертиром. После «искупления позора кровью» нашивка снималась⁴.

Первые четыре месяца работы центральной комиссии по борьбе с дезертирством отмечались властью как «крайне неэффективные». Это привело к перестановкам в высшем руководстве ЦКД. С апреля 1919 г. руководителем ведомства становится С.С. Данилов, который в обращении к ЦК РКП(б) определил общий план работы по борьбе с дезертирством:

1) организация показательных репрессий по отношению к «злостным дезертирам»;

2) суровые наказания не только для укрывателей дезертиров, но и по отношению к представителям органов власти, которые не проявляют «достаточной энергии в борьбе с дезертирством»;

3) создание посредством агитации и карательных мер «убеждения у населения, что дезертирство не поможет и власть имеет достаточно средств для борьбы с этим злом»⁵.

Важным аспектом новой политики стала борьба с укрывателями дезертиров. Для многих регионов страны весна являлась периодом начала посевных работ, поэтому в селах население нуждалось в рабочих руках и активно принимало у себя дезертиров. Для борьбы с этим явлением ЦКД разрешила

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 14. Л. 5.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 167. Л. 10.

³ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 220. Л. 16.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 198. Л. 46.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 10. Д. 543. Л. 75.

военным комиссариатам налагать денежные штрафы на укрывателей дезертиров¹.

Штрафы в основном были распространены только в сельскохозяйственных регионах с преимущественно крестьянским населением. Большая часть таких земель Нижнего Поволжья приходилась на Саратовскую губернию. Штрафы налагались не на отдельные семьи, а на целые населенные пункты по принципу «круговой поруки». Только за апрель 1919 г. в Саратовской губернии было оштрафовано 12 сел на сумму в 2 117 тыс. руб. Штрафовать могли и целые волости. На 770 тыс. руб. была оштрафована Ивановская волость, а на 2 млн руб. – Ягодно-Полянская². В Астраханской губернии штрафы из-за хозяйственной специфики региона были не так распространены. Однако сохранились сведения о наложении штрафов на села Бассы, Михайловка и Караванное в размере 1,5 млн руб. «за укрывательство дезертиров»³.

Провозглашенная С.С. Даниловым политика продолжила репрессивный курс, который был намечен ранее. Однако данную программу по искоренению дезертирства без собственных вооруженных сил реализовать было трудно, так как ЦКД не имела инструментов для ловли дезертиров, организации облав и патрулей. По вопросу необходимости обеспечить комдезы собственными отрядами в ЦКД разразилась острая дискуссия. Неоднократно поднимаемый вопрос о создании таких частей при комиссиях отвергался. Так, 8 мая 1919 г. на заседании ЦКД было принято решение о признании «нежелательным формированием особых команд» по следующим причинам: 1) перенаправление «здоровых и способных носить оружие мужчин» с фронта в тыл существенно снизило бы боеспособность Красной армии; 2) примеры деятельности частей особого назначения (продотряды) «зарекомендовали себя с крайне худшей стороны»; 3) комиссии могли бы опираться на милиционные или иные караульные части.

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 5 об.

² РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 201–201 об.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 167. Л. 198.

В местные комдезы были высланы инструкции, в которых основные мероприятия по возвращению красноармейцев на фронт сводились к организации: 1) пикетов, 2) патрулей и 3) частичных облав. Пикетом являлась обычная проверка документов на перекрестках улиц или остановках трамвая одним из сотрудников военного комиссариата. Патрули организовывались сотрудниками милиции, которые направлялись 2–3 раза в неделю в промышленные предприятия, магазины, а также в частные дома. Частичные облавы проводились особыми «летучими отрядами» численностью от 10–12 чел. преимущественно из сотрудников милиции или красноармейцев в местах наибольшего скопления народа (на площадях, рынках, базарах и ночлежных домах)¹.

Ограниченные ресурсы и поверхностный подход комдезов закономерно дали посредственный результат. С апреля по июнь 1919 г. в Саратовской губернии в результате реализованных мероприятий было поймано 4 112 дезертиров, в Астраханской – 2 520, а в Царицынской – 1 017².

Скромные итоги политики «облав» без собственных вооруженных сил привели к запросу в июне 1919 г. центральной комиссией у Всероссийского главного штаба утвердить штат команд при комдезах, мотивируя это тем, что «успешность борьбы с дезертирством сильно тормозится отсутствием в распоряжении комиссий отрядов, предназначенных для ловли дезертиров». Следствием стало одобрение Всеросглавштабом создания при каждой комиссии отряда из 12 чел., состоящего из начальника команды, его помощника и 10 рядовых³.

Для того чтобы уменьшить недовольство крестьян, первые отряды при комдезах комплектовались по территориальному принципу из представителей местного населения. С одной стороны, такой подход снижал вероятность восстаний крестьян, а с другой – негативно влиял на эффективность поимки

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 18; Ф. 17. Оп. 65. Д. 125. Л. 8, 10; РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 4.

³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 517. Л. 10.

дезертиров. В центр многократно поступали сведения о том, что «караульные роты, будучи в родственной связи или хорошо знакомые с местным населением, заранее оповещают дезертиров о готовящихся облавах»¹. В итоге решение о замене комплектования таких отрядов на экстерриториальный принцип было принято в июле 1919 г.²

Летом 1919 г. в связи с беспрецедентным ростом числа дезертиров политика в их отношении резко меняется. С захватом Царицына войсками П.Н. Врангеля прочность власти большевиков оказалась под угрозой, многие «крестьяне не верили в возможность большевиков удержать власть в регионе»³. Риск настроить население против себя и оказаться без необходимого пополнения в условиях наступления белых армий заставили руководство центральной комиссии пересмотреть подходы к борьбе с дезертирством.

Изменения отношения государства к дезертирам также прослеживаются в ходе анализа местных периодических изданий. Уже в июне 1919 г. из газет исчезают любые упоминания о репрессиях по отношению к дезертирам, а также призывы к их немедленному расстрелу. Вместо образа «дезертира-врага» на страницах газет появляются истории «заблудшего человека», который в ответственный момент может вернуться на фронт и спасти свое село или волость⁴.

В газетах отдельной колонкой на первых страницах появляются «рассказы дезертиров», в основе которых сюжет оступившегося человека, к которому в дом пришли враги, и после осознания потери «советской справедливости» в своей волости дезертир возвращается на фронт, где радушно принимается «братьями-красноармейцами»⁵. «Рассказы» специально печатались с пунктуационными и орфографическими ошибками, а также с жарго-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 517. Л. 27.

² Там же. Л. 28.

³ ГААО. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 576. Л. 103.

⁴ Известия Аткарского Исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. № 229. 12 июня; Коммунист (Астрахань). 1919. № 156. 27 июля.

⁵ Коммунист (Астрахань). 1919. № 155. 20 июля.

низмами, свойственными речи малограмотных крестьян, для того чтобы убедить читателей в достоверности текста.

В рамках нового подхода борьбы с дезертирством в июне 1919 г. была проведена реструктуризация компетентного государственного аппарата. В каждом военном округе вводились окружные комиссии по борьбе с дезертирством (ОКД). В состав комиссии входили по одному представителю от окружного военного комиссариата, отдела управления губисполкома, а также культурно-просветительного отдела¹. При ОКД также находился секретариат, в обязанности которого входило инструктирование всех низших комдезов с правом наложения на них взысканий за неправомерные действия².

Также были более четко обозначены задачи, возлагаемые на губернские комиссии. Теперь меры по борьбе с дезертирством стали разделять на: 1) предупредительно-профилактические и 2) карательные. К предупредительным мерам относили «развитие и углубление политической сознательности и общего культурного уровня» рабочих и крестьян, пропаганду вреда дезертирства путем проведения митингов, лекций, собеседований и издания листовок³. К карательным мероприятиям относили организацию облав в домах, в «местах скопления и увеселений», организацию карательных рейдов против дезертирских банд. Для этого в ведение комдезов передавались специально созданные по предложению ВЧК Ф.Э. Дзержинского войска внутренней охраны республики (ВОХР)⁴.

Особого внимания заслуживает введенная ЦКД 3 июня 1919 г. «неделя добровольной явки». В её основе лежала возможность «всем добровольно явившимся дезертирам в течение установленной недели восстановиться в правах граждан РСФСР»⁵. Эта практика, по мнению ее создателей, должна была мирным путем вернуть дезертиров в Красную армию в кратчайшие

¹ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 61 об.

² ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 198. Л. 62.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 62.

⁴ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 376. Л. 2.

⁵ ГААО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

сроки, так как снимала с добровольно явившегося дезертира статус преступника, а также позволяла вернуть арестованное имущество.

Дни проведения «недели добровольной явки» устанавливали уездные комиссии по борьбе с дезертирством, однако эти даты необходимо было согласовать с губкомом РКП(б) и ГКД. Перед проведением мероприятия местные комиссии обязывались провести широкую агитацию во всех населенных пунктах. Листовки с призывами вернуться в ряды Красной армии предполагалось расклеивать на «всех перекрестках, улицах, площадях, станциях ж/д, пристанях и селах» рядом с плакатами, «изображавшими дезертира в карикатурном, комическом, трагическом и пр. положениях». Также рекомендовалось привлекать к агитации жен красноармейцев. В период проведения «недели» строго запрещалось местным органам устраивать облавы, аресты и расстрелы дезертиров¹.

«Недели добровольной явки» были организованы в Нижнем Поволжье в середине лета 1919 г. Следует уточнить, что большая часть Царицынской губернии была захвачена белыми, поэтому реализацией мероприятия в ее волостях лежала на Саратовской губернской комиссии по борьбе с дезертирством².

В Саратовской губернии «неделя добровольной явки» была проведена значительно раньше, чем в Астраханской, – со 2 по 8 июля 1919 г. С целью агитации на территории губернии было распространено 45 тыс. листовок с призывами вступить в ряды РККА. В листовке указывалось, что это «последняя возможность» вернуться армию без последствий для дезертира и его семьи.³ Несмотря на затраченные усилия в Красную армию вернулось до 1 990 дезертиров, скрывавшихся в Саратовской и Царицынской губерниях⁴.

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 19.

² ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

³ Слушай дезертир! «Это последнее к тебе слово...» листовка типографии Крапивенского уездного Исполкома, июль 1919 г.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 125. Л. 8.

В Астраханской губернии перед объявлением «недели добровольной явки» с 12 по 19 июля 1919 г. также была проведена семидневная агитационная кампания. Для этой цели было напечатано и расклеено десять тысяч листовок, а их содержание опубликовали в местных газетах¹. Организация мероприятия была назначена с 20 по 27 июля 1919 г. За это время добровольно вернуться в ряды Красной армии решили 767 красноармейцев. Результаты «недели» астраханской ГКД были расценены как «неудовлетворительные»².

По завершении «недели добровольной явки» прием дезертиров, желающих вернуться в Красную армию, продолжался, несмотря на заявленное органами государственной власти завершение акции. По истечении указанного срока дело каждого прибывшего дезертира внимательно изучалось комиссиями и определялась степень «злостности» правонарушения на общих основаниях. Таким образом, в статистике местных комдезов ежемесячно отражалась «добровольная явка дезертиров»³.

Несмотря на затраченные усилия по привлечению «добровольцев» в Красную армию, членами ЦКД были сделаны выводы о пересмотре своей политики в отношении дезертиров. При этом члены центральной комиссии не описывали объективные причины нежелания служить в рядах РККА, и главной проблемой реализации своей политики определяли отсутствие должной агитационной кампании и несознательность крестьянских масс⁴.

Острая необходимость в пополнении личным составом Красной армии требовала комплексного подхода к привлечению мужского населения на службу. Для того чтобы выработать стратегию возвращения красноармейцев на фронт, центральной комиссией была составлена «анкета дезертира», которая направлялась во все комдезы. Анкеты анализировались местными комиссиями и отправлялись в Москву⁵.

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 242. Л. 1; Коммунист (Астрахань). 1919. № 15. 19 июля.

² ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 103.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 125. Л. 8–10.

⁴ Оликов С. Дезертирство из Красной армии. М., 1926. С 21.

⁵ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

В ходе анализа анкет дезертиров центральной комиссией было принято решение оказывать большую материальную поддержку семьям красноармейцев. К лету 1919 г. в РСФСР сложилась система, благодаря которой комдезы получили право назначать и отменять паек семьям военнослужащих, т.е. комитеты по борьбе с дезертирством получили прямое управление над учреждениями социального обеспечения¹.

Особое внимание уделялось денежному довольствию самих красноармейцев. 2 июня 1919 г. оплата красноармейцам увеличилась до 120 руб. При наличии в семье нетрудоспособного человека дополнительно выплачивалось 200 руб., двух – 240 руб., трех – 360 руб. и так далее до 600 руб. Под нетрудоспособными понимались жена при ребенке до 12 лет, дети, братья и сестры до 16 лет, а также родители, достигшие 55-летнего возраста².

На материальную поддержку семей красноармейцев официально должны были выделяться значительные суммы. На одну семью было необходимо выделить 1 пуд хлеба (16,3 кг), а также от 500 до 1 тыс. руб. в зависимости от количества несовершеннолетних «едоков».³ В Астраханской губернии на учете на выдачу пайка у губкомдеза состояло 18 617 семей,⁴ в Саратовской – 158 233 семьи⁵. Несмотря на значительные государственные расходы, пайка на содержание многодетной семьи «едва хватало на половину месяца»⁶.

Декларируемые обязательства перед семьями красноармейцев часто оставались только на бумаге, и жители Нижнего Поволжья недополучали тех денежных средств, на которые рассчитывали. Так, в наиболее богатой губернии Нижнего Поволжья – Саратовской – в месяц до осени 1919 г. на содержание семей красноармейцев тратилось 30 млн руб.⁷ Другими словами, на

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 11.

² ГАСО. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 34. Л. 741.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 167. Л. 30.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 4. Л. 2.

⁶ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

⁷ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 6. Л. 11 об.

каждую семью органами социального обеспечения при поддержке местных комдезов выделялось всего 189 руб., включая расходы на натуральный паёк.

Комдезы также получили право лишать пайка семьи, чьи родственники были признаны дезертирами. К концу лета 1919 г. в Саратовской губернии пайка были лишены 35 587 семей¹, в Астраханской – 7 060 семей². Данные по Царицынской губернии отсутствуют, так как регион оказался под контролем белых. Однако, согласно постановлению ЦКД, дезертир, лишенный пайка, но решивший вернуться на фронт, восстанавливал это право в день прибытия в воинскую часть³.

Параллельно усиливались репрессивные меры, которые требовали от местных комиссий большего количества вооруженных формирований. Летом 1919 г. в Саратовской и Астраханской губерниях при комдезах создавались «батальоны особого назначения». Эти батальоны базировались в губернских центрах и включали в себя команду связи и конную разведку⁴.

После неудачи «недели добровольной явки» было решено организовать централизованные облавы на дезертиров их семьи. Для этого привлекались большие силы частей ВОХР, собственные отряды комдезов, а также подразделения Красной армии. В итоге к концу лета благодаря силовым методам в Саратовской и Царицынской губернии было задержано 6 615 чел., в Астраханской – до 1 тыс. чел.⁵

Вместе с репрессивными методами продолжилась политика экономического стимулирования семей красноармейцев. Уже к сентябрю 1919 г. объемы материальной помощи со стороны органов социального обеспечения выросли в несколько раз. Например, в Саратовской губернии на содержание семей красноармейцев выделялось уже 222 млн руб., т.е. 1 808 руб. на семью. При этом в Саратовской губернской комиссии по борьбе с дезертирством

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 574. Л. 16.

² ГААО. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 576. Л. 103.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 69.

⁴ Отчёт о деятельности Уральского окружного комиссариата по военным делам за 2 года Октябрьской революции. Екатеринбург, 1919. С. 83.

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 9–10.

отмечалось, что для полного выполнения всех обязательств перед семьями красноармейцев требовалось 374 млн руб.¹ В Астраханской губернии с обеспечением ситуация оставалась крайне тяжелой вплоть до конца 1920 г., так как из-за нехватки финансирования более 50% семей красноармейцев недополучали положенного по закону пайка².

Натуральная часть пайка была разнообразной и отличалась от губернии к губернии. Окончательно натуральный паек был унифицирован только в августе 1919 г. с введением однотипной для всей республики хлебо-продовольственной карточки – «Красной Звезды». Паек включал себя 100 г. хлеба на человека в день, а также по 200 г. соли и сахара в месяц³.

Экономическая помощь не ограничилась попытками стабилизации выплат пайков красноармейцам и их семьям. Летом 1919 г. на территории Нижнего Поволжья началось массовое распространение «жалобных ящиков», благодаря которым каждая семья красноармейца могла официально донести до властей свое письменное обращение, затрагивающее главные экономические или иные трудности, связанные с уходом кормильца на фронт. Каждое письмо изучалось местными властями, на основе чего комиссии по борьбе с дезертирством корректировали запросы на выделение денежных средств у центральных властей. «Жалобные ящики» вывешивались в каждом населенном пункте, например, в Астраханском уезде было вывешено 130 «жалобных ящиков»⁴. Но на практике отсутствие необходимых финансовых ресурсов не позволяло в должной степени решить проблемы семей красноармейцев.

Одной из проблем, по мнению руководителей комдезов Нижнего Поволжья, препятствующей возвращению дезертиров на фронт, стала «низкая сознательность местного населения». Считалось, что эту проблему можно было решить только путем расширения агитационной работы. Поэтому с августа 1919 г. на территории Нижнего Поволжья местные комдезы начина-

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 574. Л. 6.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 167. Л. 30.

³ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 282. Л. 55–55 об.

⁴ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 242. Л. 20.

ют организовывать митинги и профилактические беседы, активно распространяют плакаты, призывающие дезертиров вернуться на фронт. В Астраханской губернии было расклеено более 600 плакатов, а также организовано 15 митингов, осуждающих дезертирство. Тем не менее, население относилось к таким мероприятиям в лучшем случае нейтрально, так как митинги, беседы и прочие «профилактические» мероприятия проводились в выходные дни или «по вечерам после работы»¹.

Осенью 1919 г. в период хлебозаготовительных работ борьба с укрывательством вышла на новый уровень. Штрафы селам, прятавшим дезертиров, сохранялись, но наряду с этим активно начали применять практику ареста имущества семей дезертиров, прятавших своих военнообязанных мужчин.

Один из таких случаев подробно описан в отчете командира особого батальона по борьбе с дезертирством Сутягина. Отряд комдеза, прибывший по наводке разведчиков в с. Куровка Новоузенского уезда Саратовской губернии в ночь с 10 на 11 октября, задержал скрывавшихся в населенном пункте двух дезертиров. После этого 32 семьям, чьи мужчины были объявлены дезертирами, был выдвинут ультиматум, согласно которому скрывавшиеся дезертиры должны были явиться ночью под угрозой изъятия части имущества. Семьи дезертиров решили не выдавать мужчин, и отряд конфисковал у них «30 000 рублей, 46 голов рогатого скота, 60 голов овец и 12 000 пудов хлеба». После изъятия представители комдеза попросили «лучше поискать женам своих мужей», однако по истечении установленного срока женщины «возвращались без всяких результатов с непонятными веселыми улыбками»². Таким образом, штрафы и конфискации за укрытие дезертиров воспринимались местными как очередная повинность, и они не особо спешили выдавать своих родных властям.

Данный тезис подтверждается и статистикой изъятий имущества у семей дезертиров по отдельным губерниям. Так, в ноябре 1919 г. в Саратовской

¹ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 49.

² РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 36.

губернии было конфисковано имущества у семей дезертиров на 290 тыс. руб.¹, а в Астраханской – на 210 тыс. руб.²

При аресте имущества у семьи дезертира учитывались его социальное происхождение и экономический достаток. Астраханский и Саратовский губкомдезы опирались на циркуляр ЦКД, который устанавливал, что «следует выбирать наказание от штрафа до полной конфискации имущества в зависимости от социального и материального положения дезертира и его семьи»³. Иными словами, за равное преступление зажиточный крестьян-дезертир рисковал лишиться всего имущества, в то время как его более бедный собрат мог отделаться небольшим штрафом.

Злоупотребления при изъятии имущества комдезами у семьи дезертиров случались, но часто заканчивались для правонарушителя трибуналом. Из дела «по обвинению сотрудника волостной комиссии по борьбе с дезертирством Карпунина Данила в преступлении по должности» мы узнаем, что председатель волостной комиссии в селе Промысловка Астраханской губернии конфисковал имущество у семидесятилетней женщины только потому, что один из ее трех сыновей был дезертиром. Военный следователь Гроздев отмечал, что «Карпунин Данил своими действиями дискредитировал власть советов, неправоммерно отбирая и распределяя имущество». Представителя местной комиссии лишили должности, а само дело направили в революционный трибунал⁴.

К концу 1919 г. полномочия комдезов были ещё более расширены. Теперь в ведение комиссий частично передавались функции контрразведки. В секретной инструкции, направленной в волостные и уездные комдезы в декабре 1919 г., в обязанности комитетов входили:

1) строгая слежка за прибывающими в населенный пункт лицами мужского пола;

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 575. Л. 4.

² Там же. Л. 105.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 156. Л. 76.

⁴ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 304. Л. 29.

2) установка нелегального надзора за членами семьи дезертира, а также выяснение отношений семьи дезертира к советской власти и проверка их идеологической сознательности¹.

Допуская необходимость нелегальной слежки за семьями дезертиров, ЦКД обязывала свои местные комдезы сосредоточиться на экономических проблемах красноармейцев и идеологической обработке населения. Однако главной задачей, по мнению центральных властей, считалось создание «невыносимых условий для жизни дезертиров в тылу». Поэтому уже 18 декабря 1919 г. была опубликована новая инструкция, которая должна была максимально усложнить жизнь дезертирам, заставляя местное население избегать любого контакта с дезертиром, а также заявлять о его обнаружении властям. Инструкция «О применении репрессий к укрывателям дезертиров» давала определение понятию «укрыватели», под которым понимались лица, давшие приют дезертиру, а также «все знающие о пребывании дезертира и не принявшие никаких мер к отправлению его в распоряжение подлежащих властей»². В инструкции указывалось, что наиболее виновными являлись владельцы домов, а также уполномоченные лица. А основанием для привлечения к ответственности было обнаружение дезертира в доме владельца.

Благодаря реализации политики по борьбе с дезертирством местными комиссиями к концу 1919 г. удалось вернуть 6 512 чел. в части Красной армии на территории Астраханской губернии, 1 017 чел. – Царицынской и 60 042 чел. – Саратовской. Анализ статистических данных показал, что силовые методы в количественном отношении оказались более результативными, чем «профилактические». Так, в Астраханской губернии благодаря облавам был пойман 81% от общего количества дезертиров, а 19% было возвращено благодаря экономическому стимулированию семей красноармейцев и реализованной «недели добровольной явки». В Саратовской и Царицынской губерниях 56%

¹ ГААО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

² Там же. Л. 12.

дезертиров вернули на фронт силовыми методами¹. Интерес вызывает тот факт, что в Саратовской губернии, где снабжение красноармейцев и их семей было выше, чем в Астраханской, доля добровольно явившихся в Красную армию военнослужащих на 35% больше. Это позволяет утверждать о том, что метод экономического стимулирования красноармейцев был достаточно эффективен.

Благодаря пополнениям за счет борьбы с дезертирством в Саратовской и Царицынской губерниях, к концу 1919 г. было сформировано 90 штрафных рот, которые принимали участие в боевых действиях на передовой. При этом 23 665 дезертиров были возвращены в боевые части Красной армии на равных со всеми военнослужащими условиях². В Астраханской губернии «все пойманные дезертиры направлялись в действующие воинские части»³. Таким образом, в 1919 г. борьба с дезертирством стала важным источником пополнения Красной армии.

Тем не менее, дезертиры, которых насильно возвращали на фронт, показывали себя с негативной стороны. По мнению руководства ЦКД, они разрушали воинскую дисциплину и отличались крайне низкой боеспособностью⁴. Поэтому по требованию начальника Всеросглавштаба Н.И. Раттэля во избежание повторного уклонения от службы дезертиров направляли в части «далеко от родины», а тех, кто был направлен в тыловые подразделения, «надлежало назначать в караульные части, но не тех губерний, уроженцами которых они являются»⁵. Но до середины 1920 г. в Нижнем Поволжье это правило не соблюдалось из-за вовлеченности региона в боевые действия и срочной необходимости пополнять людскими ресурсами армии.

К 1920 г. окончательно сформировалась государственная система, направленная на борьбу с дезертирством. Комдезы представляли военизиро-

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 16–18.

² ГАСО. Ф. 521. Оп. 2. Д. 574. Л. 16.

³ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 576. Л. 103.

⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 26.

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2452. Л. 27.

ванные централизованные органы государственной власти с широкими полномочиями. Оформились основные методы борьбы с дезертирством, а сами комиссии получили необходимый опыт и кадры. Поэтому на протяжении 1920 г. политика по борьбе с дезертирством не претерпела существенных изменений. Комдезы старались использовать уже отработанные методы с максимальной эффективностью.

В январе 1920 г. Царицын был окончательно захвачен Красной армией. На этом фоне комдезы отмечают резкий подъем возвращения дезертиров. По сведениям астраханского губкомдеза, «дезертиры являлись целыми партиями, после чего распределялись по войсковым частям... явилось много казаков астраханского казачьего войска в полном вооружении и составе боевых сотен»¹.

В феврале 1920 г. были существенно расширены критерии определения «злостности» дезертиров и ужесточены санкции по отношению к ним и их укрывателям. Если раньше местные комдезы самостоятельно принимали решения о передаче дел в революционные трибуналы (ревтрибуналы), то теперь определялся четкий порядок и условия их направления в эти органы. В революционные трибуналы направлялись дела в следующих случаях: 1) если красноармеец покинул воинскую часть во время боя; 2) при оставлении подразделения после получения приказа об отправлении на фронт; 3) оказания сопротивления при задержании; 4) похищения обмундирования или оружия при побеге; 5) если дезертир является представителем командного состава; 6) организации побега к неприятелю; 7) объединении в вооруженную банду; 8) организованное группой лиц укрывательство дезертира; 9) использование или изготовление фальшивых воинских документов; 10) если укрывателем является должностное лицо².

¹ Коммунист. 1920. № 15. Январь.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. М., 1943. С. 185.

Наглядным примером ужесточения наказания к дезертирам является дело семьи Сидоровых. Из постановления астраханского губкомдеза от 10 июля 1920 г. мы узнаем, что крестьянин Платон Сидоров закрывал своего сына Федора Сидорова в подвале своего дома на замок, чтобы уберечь его от возможного участия в военных действиях. В течение нескольких месяцев Федору Сидорову удавалось скрываться от сотрудников военного комиссариата и губкомдеза, однако внезапная облава привела к тому, что отец и сын были арестованы и отданы под ревтрибунал¹. Дальнейшая судьба семьи неизвестна, однако важно отметить, что за похожие правонарушения в 1919 г., когда части Красной армии, базировавшиеся на территории Нижнего Поволжья, остро нуждались в срочных пополнениях, дела дезертиров не отправлялись в ревтрибуналы.

Отправление дела в ревтрибунал не означало того, что дезертира приговорят к высшей мере наказания. Так, в Саратовской губернии за апрель 1920 г. к высшей мере наказания было приговорено два дезертира,² в Астраханской губернии не было вынесено ни одного смертного приговора³. Это говорит о том, что направления дел в ревтрибуналы не преследовали цели обязательного расстрела дезертиров, а имели скорее психологический эффект устрашения.

Красная армия по-прежнему была заинтересована в пополнении своих частей мотивированными бойцами. Поэтому в высшем советском руководстве снова решили вернуться к опыту «недели добровольной явки». Считалось, что работа, проделанная в рамках социального обеспечения семей красноармейцев, широкая агитация и прекращение уголовного преследования дезертиров вернут десятки тысяч красноармейцев на фронт. Несмотря на то, что «неделя добровольной явки», проведенная в 1919 г., позиционирова-

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

² ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 303. Л. 95 об.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 166. Л. 31.

лась как «разовая» акция, руководство ЦКД решило дать дезертирам второй шанс и привлечь как можно больше людей на фронт.

12 мая 1920 г. вышло постановление Совета труда и обороны о проведении очередной «недели добровольной явки». Местным комдезам было приказано организовать мероприятия по «льготному возвращению дезертиров в семидневный срок»¹.

Формат организации «недели добровольной явки» полностью соответствовал опыту 1919 г. Накануне мероприятия была проделана большая агитационная работа. В Астраханской губернии было организовано 70 митингов, 24 собеседования с общим числом участников в 10 тыс. чел.,² кроме того, объявления об организации «недели добровольной явки» были опубликованы во всех местных газетах³. В Саратовской и Царицынской губерниях были расклеены десятки тысяч листовок, также проводилась «политическая работа с населением»⁴.

В Саратовской и Царицынской губерниях «недели добровольной явки» прошли в начале июня 1920 г.⁵, в Астраханской значительно позже – с 4 по 11 июля. Можно сказать, что итоги реализации мероприятия в регионах Нижнего Поволжья сильно отличались. В Астраханской губернии добровольная явка дала более скромный результат, чем в предыдущем, и вернула в ряды Красной армии всего 524 чел.⁶ В отдельных уездах добровольная явка была на крайне низком уровне. Так, согласно докладу «О проведении недели добровольной явки» по Енотаевскому уезду от 11 июля 1920 г. указывается, что «в период добровольной явки вернулось всего 8 дезертиров»⁷.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. М., 1943. С. 288.

² ГААО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 195. Л. 81 об.

³ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 242. Л. 1.

⁴ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 14. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 6 об.

⁶ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 2. Д. 18. Л. 166.

⁷ ГААО. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

Вместе с тем, в Царицынской и Саратовской губерниях в Красную армию вернулось 14 928 красноармейцев,¹ что превышало аналогичный показатель прошлого года почти в три раза. Высокие показатели второй «недели добровольной явки» впоследствии привели к повторным ее организациям. В Нижнем Поволжье они стали практически бессрочными, так как повторялись каждый месяц. Результаты такого подхода оказались неожиданными для местных комиссий. С одной стороны, благодаря этим акциям удалось значительно пополнить Красную армию добровольцами, с другой – красноармейцы начали воспринимать «жест доброй воли» от государства как постоянное явление и не спешили идти на фронт, ожидая очередной волны добровольной явки. «Добровольные недели» стали легальным рычагом, вызвавшим целую эпидемию самовольных отлучек в указанный период времени.

Многочисленное проведение «недель добровольной явки» заставляло дезертиров надеяться на то, что эти мероприятия будут проводиться в будущем, следовательно, у дезертиров появлялась возможность дожидаться момента и максимально отсрочить отправку в войска. Наиболее показательным примером негативного влияния «недель добровольной явки» на умы дезертиров является дело Белугина. Согласно материалам данного дела, Владимир Васильевич Белугин, пойманный 27 октября 1920 г. местными властями, сбежал из своей части и скрывался в течение месяца, мотивируя это тем, что он не успел прибыть в военный комиссариат в период «недели добровольной явки». Также он отметил, что надеялся на то, что данная акция повторится, на основании чего он «решил ожидать более благоприятного момента»².

Недостаточные результаты методов добровольного привлечения дезертиров на службу в Красную армию привели к сохранению репрессивных действий со стороны государственной власти. Продолжилось давление на укрывателей дезертиров. За июнь 1920 г. в Саратовской губернии было оштрафовано 168 семей на сумму в 11 150 030 руб., 25 сел на 10 млн руб., а

¹ ГАСО. Ф. 521. Оп. 4. Д. 14. Л. 6 об.

² ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

также изъято 70 тонн хлеба¹. В Астраханской губернии за этот период было наложено 12 штрафов за укрывательство. Конфискованное имущество шло на социальные расходы семьям красноармейцев².

По-прежнему активно применялись массовые облавы. Например, в ноябре 1920 г. в Астраханской губернии была проведена 171 облава, в результате чего задержали 1 142 дезертира³. В Саратовской губернии в том же месяце в ходе облав поймали 2 766 дезертиров⁴.

Степень эффективности репрессивных методов борьбы с дезертирством в 1920 г. позволяет определить анализ статистических данных ЦКД. Так, в январе 1920 г. в ходе облав в Саратовской губернии было задержано 1 298 чел., а добровольно пожелало вернуться в Красную армию 2 365 чел.⁵ Однако уже в марте облавами саратовским комдезам удается задержать всего 17 чел., в то время как добровольно в Красную армию вступает 2 739 чел.⁶ Похожая ситуация наблюдается и в Астраханской губернии. Например, с 16 по 31 марта 1920 г. из 757 официально зарегистрированных дезертиров на фронт добровольно решили вернуться 490 чел.⁷

В конце 1920–1921 гг. в Нижнем Поволжье активно распространяется «зелёное» движение. В большинстве случаев хорошо вооруженные и организованные группы дезертиров становились костяком крестьянских волнений в регионе. Борьба с «зелеными» с середины 1920 по начало 1921 гг. стала важной задачей местных комиссий по борьбе с дезертирством. Многотысячные крестьянские волнения при поддержке бывших хорошо вооруженных красноармейцев было невозможно подавить батальонами губкомдезов, поэтому летом 1920 г. при комиссиях создаются особые «летучие карательные отряды». Численность отрядов постоянно менялась и могла составлять от 1,5 до

¹ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 303. Л. 95 об.

² ГААО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 195. Л. 81.

³ Там же. Л. 81 об.

⁴ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 250.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 120. Л. 124.

⁶ Там же. Л. 142 об.

⁷ ГААО. Ф. Р-396. Оп. 2. Д. 18. Л. 166.

3 тыс. чел.¹ Следует отметить, что такие крупные подразделения создавались преимущественно в степной местности, где дезертиры могли эффективно наносить удары по тылам Красной армии и скрываться от регулярных войск. Поэтому крупные карательные отряды были распространены в Астраханской и Царицынской губерниях², в Саратовской губернии их функции выполняли небольшие части ВОХР³.

Для борьбы с крупными дезертирскими бандами в июле 1920 г. Астраханским губкомдезом был создан особый боевой отряд, командиром которого был назначен Самсонов. В задачу подразделения входило проведение карательных рейдов согласно указаниям губернской комиссии по борьбе с дезертирством. Так, 23 июля 1920 г. карательному отряду Самсонова было дано поручение «выступить из села Соленое Займище до Енотаевки, а в случае обнаружения в селах хоть одного дезертира принимать беспощадно репрессивные меры»⁴. Репрессии по отношению к дезертирам особенно сильно затронули Элистинский уезд с проживающим в нем калмыцким населением. Согласно приказу Котляриса, отряду Самсонова необходимо было «задерживать неявившихся по мобилизации калмыков, а при облавах хутора, где обнаруживаются дезертиры, сжигать»⁵.

Благодаря реализации политики борьбы с дезертирством местным органам государственной власти в 1920 г. удалось вернуть на фронт до 9 тыс. чел. в Астраханской губернии⁶ и до 51 тыс. чел. – в Саратовской и Царицынской губерниях⁷.

В конце 1920 – начале 1921 гг. пошла на спад интенсивность боевых действий, что привело к резкому снижению численности дезертиров в регионе. В Астраханской губернии из 17 762 военнослужащих, расквартирован-

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 156. Л. 234.

² Там же. Л. 230.

³ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 250–251.

⁴ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 156. Л. 234.

⁵ Там же. Л. 94.

⁶ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 167.

⁷ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874.

ных в регионе, дезертировало всего 126 чел.,¹ в Царицынской губернии за весну 1921 г. официально было задержано 230 дезертиров², однако в Саратовской губернии на фоне роста «зелёного движения» войска ВОХР фиксировали несколько тысяч дезертиров³.

Деятельность государственных органов по борьбе с дезертирством была окончательно свёрнута 22 июня 1921 г. постановлением Совета труда и обороны «О расформировании комиссий по борьбе с военным дезертирством»⁴. В связи с завершением масштабных боевых действий дезертирство как массовое явление исчезло само собой.

Таким образом, борьба с дезертирством рассматривалась как неотъемлемая часть общероссийской политики по формированию отрядов Красной армии. Для решения этой проблемы большевиками была учреждена новая централизованная структура, представленная комиссиями по борьбе с дезертирством. Созданные ведомства имели собственные вооруженные силы, которые должны были организовать облавы и аресты дезертиров и их укрывателей. Осознавая значимость народной поддержки, руководство РСФСР старалось бороться не только с последствиями нежелания крестьянства служить в Красной армии, но и с его причинами. Делая акцент на экономической помощи семьям красноармейцев, комитеты по борьбе с дезертирством прибегали к высшей мере наказания только в исключительных случаях, поощряя военнослужащих добровольно возвращаться на фронт. Благодаря комплексному подходу в отношении возвращения дезертиров на фронт в Нижнем Поволжье удалось пополнить Красную армию не менее чем на 150 тыс. чел. Политика по борьбе с дезертирством позволила большевикам поддерживать стабильный численный состав уставших от боевых действий воинских частей, получая количественное превосходство над противниками практически на любом направлении боевых действий.

¹ ГААО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 168. Л. 25.

² ГАВО. Ф. Р-3100. Оп. 1. Д. 7. Л. 13 об.

³ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1874. Л. 266.

⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 3. Д. 224. Л. 213.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема государственной политики по формированию воинского контингента Красной армии в годы Гражданской войны является значимой для отечественной исторической науки. Это обуславливается не только историческим и политическим интересом к вопросам военного строительства Красной Армии, но и тем, что процесс формирования вооруженных сил РСФСР проходил в условиях военно-политической нестабильности, иностранной интервенции, общей усталости населения от войны и экономического кризиса. Сложная социально-экономическая и политическая ситуация, а также высокая интенсивность боевых действий вынуждала большевиков вносить серьезные коррективы в политику по организации Красной армии в течение всего периода Гражданской войны.

В политике советского руководства по созданию вооруженных сил можно выделить на три этапа: 1) на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.); 2) формирование Красной армии на добровольческой основе (январь – май 1918 г.); 3) Переход к централизованной структуре на основе всеобщей воинской повинности (май 1918 г. – декабрь 1920 г.). На первом этапе большевикам не удалось воплотить идею народной (милиционной) армии. Слом старой системы военного управления (ликвидация военных округов, воинских присутствий, штабов и т.д.) привел к резкому снижению обороноспособности страны.

Новая система вооруженных сил начала оформляться в январе-мае 1918 г. Большевикам пришлось частично вернуться к прежней централизованной структуре (восстановлению военных округов, главного штаба и т.д.), а также созданию новых государственных органов (военных комиссариатов, Реввоенсовета и т.д.). Это требовало большого количества специалистов, дефицит которых было невозможно пополнить без привлечения офицеров «старой» армии. Недоверие к военспецам привело к формированию институ-

та военных комиссаров, которые должны были следить за правильным исполнением приказов центральных властей.

Проанализировав процесс формирования военно-административного аппарата на местах, можно констатировать, что на территории Нижнего Поволжья к весне 1918 г. большевикам удалось организовать первые органы военного управления, которые обеспечили политическую победу в регионе. Органы военного управления Нижнего Поволжья на первом этапе не имели унифицированной структуры и были представлены значительным количеством организационных форм (военные отделы при губисполкомах, военные советы, военные секции и т.д.). В большинстве случаев организация органов советской власти опиралась на местную инициативу, поэтому направленные из центра кадры не играли существенной роли в организации их деятельности. Кадровый состав был представлен преимущественно молодыми революционерами, среди которых было мало военных специалистов.

Ключевую роль в создании централизованной системы вооруженных сил сыграло учреждение военных комиссариатов в апреле 1918 г. Большевикам удалось быстро создать новые органы военного управления в центральных регионах страны, однако в отдаленных губерниях (например, в Нижнем Поволжье) этот процесс затянулся на несколько месяцев. В первую очередь, позднее создание военкоматов (лето 1918 г.) в регионе было связано с отсутствием компетентных кадров, слабым материальным обеспечением, а также нежеланием местных советов отдавать военного управление из своих рук центральным властям.

Военная необходимость и близость Нижнего Поволжья к масштабным боевым действиям привела к срочной организации военных комиссариатов в июне – июле 1918 г. Военкоматы Нижнего Поволжья структурно отличались друг от друга, пройдя путь становления в тяжелых условиях Гражданской войны. Отдаленность региона от центра приводила к значительным перебоям связи губвоенкоматов с центральными властями, что усиливало влияние местных военкомов в губерниях. Кадровый состав высшего звена военкома-

тов на данном этапе уже подбирался Москвой, однако на протяжении всей Гражданской войны ощущалась нехватка опытных военных кадров. Средний возраст военкомов был 26–27 лет, многие из них являлись участниками Первой мировой войны, однако не имели офицерских чинов и были скорее партийными работниками, нежели военными специалистами.

Институт военспецов в военных комиссариатах был либо на втором плане, либо полностью отсутствовал (например, в Царицыне). К концу войны военные комиссариаты Нижнего Поволжья уже структурно стабилизировались, стали полностью соответствовать штатам, утвержденным декретами центральных властей. С лета 1918 г. вплоть до завершения Гражданской войны военные комиссариаты стали основным инструментом в реализации государственной политики по формированию воинских частей Красной армии до конца Гражданской войны.

Формирование воинского контингента частей Красной армии можно условно разделить на два периода: 1) добровольческий и 2) всеобщей мобилизации. Добровольческий период был связан с формированием локальных подразделений, которые слабо были связаны с центральным военным управлением. Основа формирования военных отрядов этого периода – местная инициатива. Соответственно источниками финансирования первых подразделений выступали добровольные пожертвования местного населения или насильственное изъятие средств у богатых.

Замкнутость отрядов на своем населенном пункте и нехватка денежных средств объясняли причину их немногочисленности. Отсутствие четкой системы наказаний за самовольное оставление воинской части приводило к нестабильности численности и количества отрядов, вызванной большой текучестью кадров. Особую роль на этом этапе играли добровольческие подразделения, сформированные из латышей, а также военнопленных стран Четверного союза. Количество красноармейцев в Нижнем Поволжье к концу мая 1918 г. можно оценить не менее чем в 25 тыс. чел.

Акцент на материальное обеспечение добровольцев приводил к тому, что армия пополнялась в основном из маргинального элемента, не способного прокормиться за счет собственного труда. Это отражалось на низкой дисциплине первых подразделений Красной армии, которые оказались не способны к ведению полноценных боевых действий за пределами своего уезда или губернии. Тем не менее, сформированные подразделения позволили получить количественное превосходство над противниками большевиков и удержать в регионе.

Потребность в большой, дисциплинированной и централизованной армии на фоне восстания в мае 1918 г. чехословацкого корпуса вынудила руководство РСФСР отказаться от принципа добровольчества и перейти на систему всеобщей воинской повинности. Переход к обязательной военной службе был возможен при наличии на территории Нижнего Поволжья военных комиссариатов, которые возникли только в июне 1918 г.

Позднее образование военных комиссариатов и отсутствие списков резервистов привело к тому, что Нижнее Поволжье оказалось полностью не готово к проведению мобилизационных мероприятий. Ситуация, сложившаяся в условиях наступления антибольшевистских сил, привела к проведению кустарных мобилизаций, во время которых мужское население призывалось без разбора, что вызывало сопротивление со стороны рабочих и крестьян, а также приводило к бунтам призывников.

Часто оказываясь изолированными от центра в силу географических особенностей Нижнего Поволжья, местные военные руководители были вынуждены брать на себя ответственность за набор личного состава в Красную армию. Попытки снизить напряжённость в обществе путем призыва населения строго по категориям (в зависимости от возраста, воинской специальности и т.д.) не увенчались успехом, так как из-за интенсивности боевых действий военкоматам Нижнего Поволжья приходилось расширять списки мобилизуемых в Красную армию. Создание РВСР упорядочило мобилизации, которые с сентября 1918 г. проводились централизованно по возрастам и

специальностям. Несмотря на попытку поставить мобилизации под полный контроль центральной власти, на местах многие приказы либо не исполнялись, либо исполнялись с собственными коррективами.

Для увеличения мобилизационного резерва большевиками была разработана программа всеобщего военного обучения. Реализация программы в Нижнем Поволжье значительно отличалась от губернии к губернии и началась гораздо позже относительно центральных губерний РСФСР. На реализацию всеобщего военного обучения большое влияние оказали хозяйственная специфика, этнический состав, оперативная обстановка на фронте, а также субъективные воззрения по поводу принципа реализации Всевобуча отдельных лидеров революции. Можно констатировать, что к концу 1920 г. программа Всевобуча не была реализована в полной мере, однако отделы всеобщего военного обучения внесли серьезный вклад в дело переписи мужского населения, а также позволили большевикам значительно расширить мобилизационный резерв.

Мобильный характер Гражданской войны увеличил потребность Красной армии в кавалерийских частях, которые в срочном порядке было возможно создать только с привлечением хорошо обученного верховой езде населения. Потребность в кавалеристах внесла коррективы в устоявшуюся со времен Российской империи о непривлечении «иностранческих» элементов на службу в армию. Большевики стали внедрять систему военного управления на территории Калмыцкой и Киргизской степей. Мероприятия по включению кочевников в РККА привели к ускоренной интеграции степных регионов.

Мобилизационная политика государства включала в себя комплекс насильственных методов призыва в армию, а также меры экономической поддержки красноармейцев и их семей. Это дало положительный результат и на службу в Красную армию в Нижнем Поволжье призвали не менее 350 тыс. чел.

Переход к массовой мобилизации в Нижнем Поволжье летом 1918 г. сыграл ключевую роль в обеспечении численного превосходства над против-

ником. Тем не менее, вовлечение в боевые действия большей части населения породило проблему массового уклонения от обязательной службы, что могло поставить под удар все достижения большевиков в области военного строительства, в силу чего представителям власти на местах приходилось искать различные формы проведения упорядоченной и понятной населению мобилизационной политики для выполнения поставленных центром задач.

Отход от добровольческого принципа комплектования РККА привел к распространению дезертирства. Первое время государство не обращало внимания на распространение этого явления. Однако уже в начале 1919 г. борьба с дезертирством была объявлена как важная часть общегосударственной политики по формированию контингента Красной армии. Тяжелая экономическая ситуация, а также поражения Красной армии в начале привели к тому, что дезертирство приобрело массовый характер.

Дезертирство имело множество форм. Наиболее распространенными формами было уклонение от явки в военкомат, побег из «эшелона», ложное медицинское освидетельствование и пр. Вместе с тем в годы Гражданской войны дезертирство превращалось в открытое противодействие власти большевиков. Дезертиры в условиях агрессивной окружающей среды были вынуждены сколачиваться в отряды (банды), чтобы обеспечить собственную безопасность. Часто дезертиры находили поддержку у местных крестьян, которые были не согласны с политикой большевиков и становились наиболее боеспособным костяком «зеленого» движения в Нижнем Поволжье.

Для определения направлений политики по борьбе с дезертирством руководству РСФСР пришлось создать анкеты, которые в настоящий момент позволяют исследовать основные мотивы оставления воинской службы и определить социальный портрет дезертира. Анализ анкет дезертиров позволяет установить, что главными причинами оставления военной службы красноармейцами являлись экономические причины, выразившиеся в недостаточном красноармейском пайке, необходимости сбора урожая, а также голод в семье. Ситуацию усугубляли большие потери, распространение эпидемий в

частях РККА и плохое снабжение красноармейцев. Идеологические и политические мотивы, как правило, находились на втором плане. В большинстве случаев дезертирами являлись крестьяне среднего возраста, которые имели обязательства по обеспечению своей семьи и не могли оставить ее без средств к существованию.

В начале 1919 г. дезертирство приняло угрожающие масштабы, что вынудило большевиков создать отдельные органы – комиссии по борьбе с дезертирством. Новые ведомства должны были бороться с уклонистами, а также возвращать покинувших свою воинскую часть красноармейцев обратно на фронт.

Комиссии по борьбе с дезертирством выработали целую систему по возвращению дезертиров на фронт. Главной задачей комиссии ставили не наказание дезертира, а выявление и устранение причин уклонения от воинской службы. Основную причину дезертирства комиссии видели в экономических трудностях красноармейцев, а также в недостаточной идеологической обработке населения. Для решения проблем дезертирства местные комдезы активно сотрудничали с центрами социального и пенсионного обеспечения, стараясь снизить экономическое давление на семьи красноармейцев.

Финансирование семей красноармейцев напрямую оказывало влияние на результаты возвращения дезертиров в воинские части. В регионах, где с материальное обеспечение было выше (Саратовская губерния) процент вернувшихся был значительно выше, чем в регионах с меньшими финансовыми возможностями (Астраханская губерния). Часто деньги и натуральные продукты шли в семьи красноармейцев с перебоями, что создавало впечатление нестабильности и хрупкости советской власти у населения и тормозило процесс пополнения Красной армии.

Государством также применялись репрессивные формы воздействия на дезертиров, которые выражались в организации облав, арестах, штрафах, расстрелах и пр. Высшая мера наказания в период 1919–1920 гг. применялась на территории Нижнего Поволжья редко. Вместо использования крайних мер

государство стремилось получить лояльность населения. Для этого комиссиям по борьбе с дезертирством организовывались «недели добровольной явки», которые снимали уголовное преследование для всех желающих вернуться в ряды РККА. «Недели добровольной явки» хоть и позволили вернуть тысячи красноармейцев на фронт, в период активных боевых действий в Нижнем Поволжье оказались малоэффективными.

В количественном отношении облавы оказались в несколько раз более результативными, чем иные способы борьбы с дезертирством. Тем не менее, вернувшиеся насильственным способом красноармейцы оказывали негативное воздействие на коллектив воинских частей, отличались крайне высокой неустойчивости и были склонны к повторным побегам.

В ряде случаев дезертиры оказывали вооруженное противодействие большевикам, организовываясь в банды, сохраняя военную организацию. Такие отряды часто находили сочувствие у местных крестьян (особенно в Саратовской губернии) и вливались в «зеленое» движение, становясь его основой. В регионах, где население относилось к ним негативно (Астраханская, Царицынская губернии), дезертиры были вынуждены скрываться в труднопроходимых степных районах или в дельте Волги, занимаясь грабежами сел и деревень.

Дезертирские банды наносили серьезный урон по тыловым районам Красной армии, поэтому комиссиям по борьбе с дезертирством пришлось создавать собственные вооруженные отряды. Сначала эти отряды были небольшими, однако с ростом численности дезертирских банд, государству пришлось передать во введение комдезов подразделения ВОХР, а также разрешить создание многочисленных «летучих команд».

Благодаря комплексному подходу в отношении возвращения дезертиров на фронт в Нижнем Поволжье удалось пополнить Красную армию не менее чем на 150 тыс. чел. Политика по борьбе с дезертирством позволила большевикам поддерживать стабильный численный состав уставших от боевых действий воинских частей, получая количественное превосходство над против-

никами практически на любом направлении боевых действий. К концу 1920 г. с уменьшением активности боевых действий и началом демобилизации армии количество дезертиров резко сокращается, а число добровольно вернувшихся в ряды Красной армии увеличивается в несколько раз.

Политика большевиков по созданию воинских частей прошла несколько этапов и менялась в зависимости от объективных обстоятельств вызванных Гражданской войной. Можно сказать, что большевикам удалось проявить гибкость в ряде вопросов (привлечение бывших офицеров, создание национальных частей, возвращение к опыту имперского военного управления). Политика большевиков являлась многоаспектной и включала в себя целый комплекс организационных мероприятий. Такой подход позволил большевикам не только удержать власть в регионе, но и сформировать многочисленные вооруженные силы, которые обеспечили им победу в Гражданской войне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

Неопубликованные архивные материалы

1. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Фонд Совета народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР). Р-130. Оп. 3. Д. 198; Оп. 4. Д. 282.

2. ГАРФ. Фонд Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). Р-393. Оп. 2. Д. 80; Оп. 4. Д. 14; Оп. 10. Д. 92; Оп. 85. Д. 4987.

3. ГАРФ. Фонд Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР. Р-1318. Оп. 1. Д. 40.

4. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Фонд Секретариата В.И. Ленина (1917–1924) и документов государственной деятельности В.И. Ленина. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2434, 2452, 2930, 3081.

5. РГАСПИ. Фонд Центрального комитета КПСС (1898, 1903–1991). Ф. 17. Оп. 8. Д. 547; Оп. 65. Д. 125; Оп. 100. Д. 7661; Оп. 109. Д. 21.

6. РГАСПИ. Фонд протоколов Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР, Комиссий при СНК РСФСР (Малого Совнаркома), Совета рабоче-крестьянской обороны (СТО) РСФСР (1917–1922). Ф. 19. Оп. 3. Д. 224.

7. **Российский государственный военный архив (РГВА).** Фонд Управления делами Народного Комиссариата по военным делам. Ф. 1. Оп. 37. Д. 392.

8. РГВА. Фонд Всероссийской Коллегии по Организации и Формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 58.

9. РГВА. Фонд Штаба Высшего Военного Совета. Ф. 3. Оп. 1. Д. 41.

10. РГВА. Фонд Управления делами при Народном комиссаре обороны СССР. Ф. 4. Оп. 5. Д. 62; Оп. 10. Д. 539, 543; Оп. 12. Д. 4.

11. РГВА. Фонд Штаба Революционного Военного Совета 6 сентября (1918 г. – 11 ноября 1918 г.) и Полевого штаба Революционного Военного Совета Республики (11 ноября 1918 г. – 2 февраля 1921 г.). Ф. 6. Оп. 4. Д. 104.

12. РГВА. Фонд Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Ф. 7. Оп. 7. Д. 440, 446, 453, 461, 474.

13. РГВА. Фонд Всероссийского бюро военных комиссаров. Ф. 8. Оп. 1. Д. 22, 37, 170.

14. РГВА. Фонд политического управления РККА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 90, 134.

15. РГВА. Фонд Высшей военной инспекции РККА 1918–1919 гг. Ф. 10. Оп. 1. Д. 256, 484; Оп. 2. Д. 321.

16. РГВА. Фонд Всероссийского Главного штаба (8 мая 1918 г. – 10 февраля 1921 г.). Ф. 11. Оп. 1. Д. 83; Оп. 5. Д. 47, 83, 199, 257, 517; Оп. 8. Д. 61, 122, 795, 800, 1336.

17. РГВА. Фонд управления войсками внутренней службы (ВНУС). Ф. 42. Оп. 1. Д. 376, 1874.

18. РГВА. Фонд главного управления всеобщего военного обучения (Всевобуч). Ф. 65. Оп. 4. Д. 4, 6, 9; Оп. 7. Д. 23, 24, 26, 29, 30.

19. РГВА. Фонд управления 7 Самарской кавалерийской дивизии. Ф. 7677. Оп. 1. Д. 562.

20. РГВА. Фонд управления Отдельной кавалерийской бригады при Каспийско-Кавказском краевом комиссариате по военным делам (8–20 марта 1919 г.) и Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии 11-й Отдельной армии (21 марта – июнь 1919 г.). Ф. 7739. Оп. 1. Д. 15.

21. РГВА. Фонд штабов Саратовского Приволжского сектора войск ВОХР, Заволжского секторов войск ВОХР. Ф. 17535. Оп. 1. Д. 119.

22. РГВА. Фонд особых отделов при РВС соединений и объединений РККА. Ф. 32015. Оп. 1. Д. 162.

23. РГВА. Фонд секретаря председателя РВС СССР. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 120.

24. **Государственный архив Астраханской области (ГААО).** Фонд Астраханского губернского Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и ловецких депутатов и его исполнительный комитет. Р-1. Оп. 1. Д. 41, 42, 122, 195; Оп. 2. Д. 2; Оп. 5. Д. 1.

25. ГААО. Фонд Харабалинской волостной комиссии по борьбе с дезертирством с. Харабали Енотаевского уезда Астраханской губернии. Р-265. Оп. 1. Д. 1.

26. ГААО. Фонд Селитренного волостного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих и ловецких депутатов и его исполнительного комитета с. Селитренное Селитренской волости Енотаевского уезда Астраханской губернии. Р-296. Оп. 2а. Д. 2.

27. ГААО. Фонд Астраханского уездного военного комиссариата. Р-387. Оп. 1. Д. 6, 7, 11, 13, 16.

28. ГААО. Фонд Астраханской губернской комиссии по борьбе с дезертирством (Заволжского военного округа). Р-379. Оп. 1. Д. 4–8, 18, 53–56, 78, 104, 156, 166, 167, 168, 242, 304.

29. ГААО. Фонд Астраханского губернского комиссариата по военно-политическим делам мусульман. Р-386. Оп. 2а. Д. 17.

30. ГААО. Фонд Енотаевского уездного военного комиссариата Астраханской губернии. Р-392. Оп. 1. Д. 23.

31. ГААО. Фонд Астраханского губернского военного комиссариата. Р-396. Оп. 1. 58, 65, 69, 316, 576, 610, 1373; Оп. 2. Д. 18.

32. **Государственный архив Волгоградской области (ГАВО).** Фонд Красноармейского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Царицынской губернии. Р-55. Оп. 5. Д. 8.

33. ГАВО. Фонд Царицынского губернского военного комиссариата. Р-105. Оп. 1. Д. 2, 4, 26, 27, 29, 56, 58, 64, 88, 152, 199, 220.

34. ГАВО. Фонд Царицынского уездного военного комиссариата. Р-106. Оп. 1. Д. 208.
35. ГАВО. Фонд Царицынского губернского отдела управления исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Р-122. Оп. 1. Д. 3.
36. ГАВО. Фонд Штаба Оборона Царицынского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Р-133. Оп. 1. Д. 1, 2.
37. ГАВО. Фонд Царицынского губернского революционного трибунала. Р-141. Оп. 1. Д. 12.
38. ГАВО. Сталинградская комиссия по сбору и обработке документальных материалов для написания истории Октябрьской Революции и Гражданской войны. Р-346. Оп. 1. Д. 56, 63.
39. ГАВО. Фонд Николаевского уездного военного комиссариата. Р-491. Оп. 1. Д. 30, 113.
40. ГАВО. Фонд Царицынской губернской комиссии по борьбе с дезертирством 1919 г. Р-3100. Оп. 1. Д. 4, 7.
41. **Государственный архив Саратовской области (ГАСО).** Фонд отдела управления Саратовского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1918–1923 гг. Р-456. Оп. 1. Д. 303.
42. ГАСО. Фонд Саратовского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1917–1928 гг. Ф. 521. Оп. 1. Д. 11, 17, 135, 167, 200, 208, 247, 575; Оп. 2. Д. 1, 574; Оп. 4. Д. 14.
43. ГАСО. Фонд Петровского уездного военного комиссариата. Р-678. Оп. 1. Д. 1, 3.
44. ГАСО. Фонд Саратовского губернского военного комиссариата. Р-692. Оп. 1. Д. 1, 34, 64.
45. Музей-заповедник «Сталинградская битва» (МЗСБ). КП-6661. ПИ-6214.; КП-19287/278 НЕГ 192/1.

Нормативно-правовые акты

46. Конституция: (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: опубликована в № 151 «Известий Всерос. Центр. Исполн. Комитета» от 19 июля 1918 г. – Москва: Изд-во Всероссийского Центрального Исполнительного Ком. Р., С., К. и К. Депутатов, 1918. – 30 с.

47. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – Москва: Политиздат, 1957. – 640 с.

48. Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. – Москва: Политиздат, 1959. – 698 с.

49. Декреты Советской власти. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – Москва: Политиздат, 1968. – 744 с.

50. Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. – Москва: Политиздат, 1971. – 720 с.

51. Декреты Советской власти. Т. 12. Декабрь 1920 г. – январь 1921 г. – Москва: Политиздат, 1986. – 428 с.

52. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. – Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1943. – 886 с.

53. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. – Москва: Б.и., 1942. – 1483 с.

54. Свод законов Российской империи. – СПб.: Издательство Юридического книжного склада «Право», 1899. – Т. 9. – 412 с.

Документы Коммунистической партии

55. Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. – Москва: Партиздат, 1933. – 204 с.

Директивные, отчётные и делопроизводственные документы военных органов РККА

56. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920): Сборник документов / под редакцией Г. А. Белова. – Москва: Воениздат, 1969. – 882 с.

57. Отчет о деятельности Уральского Окружного Комиссариата по военным делам за 2 года Октябрьской революции. – Екатеринбург: Политическо-просветительное управление Уральского военного округа. – 188 с.

58. Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с дезертирством. – Москва: Лит.-изд. отд. Полит. упр. Рев. воен. совета республики, 1920. – Вып. IV. – 124 с.

59. Сборник приказов Революционного военного совета Союза Советских Социалистических Республик. – Петроград; Москва: Б.и., 1920. – 980 с.

60. Устав о воинской повинности. – Вильно: Типография Виленского Губернского управления, 1874. – 128 с.

Выступления и работы политических и военных руководителей

61. Гусев, С. И. Гражданская война и Красная Армия. Сборник военно-теоретических статей (1918–1924) / С. И. Гусев. – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 220 с.

62. Ленин, В. И. О защите социалистического Отечества / В. И. Ленин. – Москва: Воениздат, 1975. – 159 с.

63. Маркс, К. Избранные сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Политиздат, 1985. – Т. 4. – 615 с.

64. Троцкий, Л. Д. Как вооружалась революция: (На военной работе) / Л. Д. Троцкий. – Москва: Высш. воен. ред. совет, 1923. – Т. 1. – 430 с.

Статистические материалы и сборники

65. Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 года. – Москва: 14-я типография Горсовнархоза, 1920. – 37 с.

66. Итоги переписи населения 1920 г. – Москва: ЦСУ СССР; Мосполиграф, 1928. – 188 с.

67. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XX. Астраханская губерния / ред. Н. А. Тройницкого. – Санкт-Петербург: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – 167 с.

Источники личного происхождения

68. Антонов-Саратовский, В. П. Под стягом пролетарской борьбы: Отрывки из воспоминаний о работе в Саратове за время с 1915 г. до 1918 г. / В. П. Антонов-Саратовский. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 310 с.

69. Бонч-Бруевич, М. Д. Вся власть Советам / М. Д. Бонч-Бруевич. – Москва: Воениздат, 1958. – 358 с.

70. Егорьев, В. Н. Из жизни Западной Завесы / В. Н. Егорьев // Этапы большого пути: Воспоминания о Гражданской войне. – Москва: Воениздат Наркомата Обороны Союза ССР, 1963. – С. 137–151.

71. Каменев, С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве (Избранные статьи) / С. С. Каменев. – Москва: Воениздат, 1963. – 264 с.

72. Маслов, А. Г. Страницы былого (Из воспоминаний участника борьбы за установление Советской власти в Калмыкии) / А. Г. Маслов. – Элиста: Калмиздат, 1962. – 156 с.

73. Минин, С. К. Город-боец. Шесть диктатур 1917 г. (воспоминания о работе в Царицыне) / С. К. Минин. – Ленинград, 1925. – 247 с.

74. Носович, А. Л. Красный Царицын. Взгляд изнутри: записки белого разведчика / А. Л. Носович. – Москва: АИРО-XXI, 2010. – 93 с.

75. Окнинский, А. Л. Два года среди крестьян: Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии, с ноября 1918 г. до ноября 1920 г. / А. Л. Окнинский. – Москва: Русский путь, 1998. – 263 с.

76. Пять лет пролетарской борьбы, 1917–1922. – Саратов: Гос. изд-во, 1922. – 125 с.

77. Три года борьбы астраханского пролетариата. – Астрахань: Гос. изд-во. Астрах. губ. отд-ние, 1920. – 66 с.

Сборники опубликованных документов

78. Астраханский фронт Гражданской войны и С. М. Киров. – Сталинград: Сталинградская правда, 1937. – 295 с.

79. Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.): Документы и материалы / отв. ред. Б. Н. Бабин. – Астрахань: Газета «Волга», 1958. – 447 с.

80. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. – Москва: Наука, 1982. – 609 с.

81. Годовщина социальной революции в Саратове. – Саратов: Саратовский губисполком, 1918. – 230 с.

82. Городская черта. Царицын – Сталинград – Волгоград: (административно-территориальное деление города в XX веке): Документы и материалы / редактор М. М. Загорулько. – Волгоград: Издатель, 2010. – 634 с.

83. Гражданская война. Материалы по истории Красной Армии. – Москва: Красная печать, 1923. – Т. 1. – 518 с.

84. Документы о героической обороне Царицына в 1918 г. – Москва: Госполитиздат, 1942. – 224 с.

85. Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сборник документов и материалов. Т. 1. Май 1918 – март 1919 / сост. С. Н. Шишкин, Г. Г. Аллахвердов, Б. А. Быков. – Москва: Советская Россия, 1960. – 854 с.

86. Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сборник документов и материалов. Т. 2. Март 1919 – февраль 1920 / сост. С. Н. Шишкин, Г. Г. Аллахвердов, Б. А. Быков. – Москва: Советская Россия, 1961. – 895 с.

87. Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов. 1918–1922: Т. 3. Февраль 1920 – октябрь 1922 / сост. С. Н. Шишкин, Г. Г. Аллахвердов, Б. А. Быков. – Москва: Советская Россия, 1961. – 875 с.

88. История гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией. – Москва: Объединение государственных издательств, 1932. – 99 с.

89. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922: Сборник документов / ред. В. П. Данилов. – Москва: РОССПЭН, 2002. – 941 с.

90. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сборник документов. – Москва: Наука, 1973. – 455 с.

91. Революционное движение в военных округах. Март 1917 г. – март 1918 г. / редактор Ю. И. Кораблев. – Москва: Наука, 1988. – 486 с.

92. Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): сборник документов / под ред. В. П. Антонова-Саратовского. – Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1931. – 816 с.

93. Сталин в Царицыне: Сборник документов / ред. А. А. Хмельков. – Сталинград: Областное книжное издательство, 1940. – 72 с.

94. 1917 год в Саратовской губернии: Сборник документов. (Февраль 1917 – декабрь 1918 гг.) / редактор В. А. Осипова. – Саратов: Книга, 1957. – 658 с.

95. Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье / отв. ред. Г. А. Герасименко. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1968. – 419 с.

96. Царицын – Сталинград, 1917–1945 гг.: сборник документов и материалов. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987. – 256 с.

Периодические издания

97. Армия и Флот Свободной России. – 1917. – 2 сентября.
98. Астраханский листок. – 1918. – 30 марта.
99. Известия Аткарского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – 1919. – № 229. – 12 июня.
100. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 11.
101. Коммунист (Астрахань). – 1919. – 8 января, 8 февраля, 19 июля, 20 июля, 27 июля; 1920. 15 января, 31 марта.
102. Коммунист (Саратов). – 1938. – 23 февраля.
103. Красный воин. – 1919. – 17 января.
104. Правда. – 1935. – 27 января.
105. Саратовская Красная газета. – 1918. – 28 февраля, 2 марта.
106. Слушай дезертир! «Это последнее к тебе слово...» Листовка тип. Крапивенского уездного исполкома. – 1919. – Июль.
107. Солдат революции. – 1918. – № 6. – 13 августа.
108. Социалистическая стройка (Кемерово). – 1938. – № 15 (213).

2. Научная литература

109. Азовцев, Н. Н. Гражданская война в СССР / Н. Н. Азовцев. – Москва: Наука, 1986. – Т. 2. – 446 с.
110. Алексеев, В. Н. Оборона Царицына / В. Н. Алексеев. – Сталинград: Истпартотдел Сталинградского крайкома ВКП(б), 1937. – 348 с.
111. Анисков, В. Т. История Комуча: опыт несоветской демократии / В. Т. Анисков, Л. В. Кабанова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3 (40). – С. 52–60.
112. Анишев, А. Н. Очерк истории Гражданской войны 1917–1920 гг. / А. Н. Анишев. – Ленинград: Гос. изд-во, 1925. – 288 с.

113. Анулов, Ф. Красный Верден (Борьба за Царицын в 1918–1919 гг.) / Ф. Анулов // Сборник трудов Военно-научного общества. – 1922. – Кн. 3. – С. 84–105.

114. Базанов, С. Н. Демобилизация русской армии в ноябре 1917 г. – апреле 1918 г. и её государственно-политические последствия / С. Н. Базанов // Наука. Общество. Оборона. – 2015. – № 1 (4). – С. 2–6.

115. Бедринцев, В. Эпизоды борьбы с контрреволюцией в Саратове в 1918 году / В. Бедринцев // В боях за диктатуру пролетариата. – Саратов, 1933. – С. 9–15.

116. Безугольный, А. Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование / А. Ю. Безугольный. – Москва: Центрполиграф, 2021. – 511 с.

117. Берзин, Р. И. Этапы организации и развития Красной Армии / Р. И. Берзин. – Харьков: Политотдел Укрсовтрударма, 1920. – 120 с.

118. Верхось, В. П. К вопросу о численности Красной гвардии / В. П. Верхось // Вопросы истории КПСС. – 1971. – № 10. – С. 97–107.

119. Водолагин, М. А. Красный Царицын / М. А. Водолагин. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1967. – 174 с.

120. Водолагин, М. А. Очерки истории Волгограда 1589–1967 гг. / М. А. Водолагин. – Москва: Наука, 1968. – 448 с.

121. Военная Энциклопедия / редактор П. С. Грачев. – Москва: Воениздат, 1994. – Т. 2. – 623 с.

122. Военная Энциклопедия / редактор И. Д. Сергеев. – Москва: Воениздат, 1999. – Т. 4. – 583 с.

123. Войтиков, С. С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиррова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) / С. С. Войтиков // Новый исторический вестник. – 2014. – № 1 (39). – С. 120–150.

124. Войтиков, С. С. «Разногласие есть и вынесено в печать»: дискуссия по военному вопросу в советской России во второй половине 1918 – начале

1919 г. / С. С. Войтиков // Новейшая история России. – Санкт-Петербург, 2014. – № 2. – С. 8–24.

125. Ганин, А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. / А. В. Ганин. – Москва: Русский путь, 2009. – 894 с.

126. Ганин, А. В. О книге В. В. Каминского «Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии» / А. В. Ганин // Русский сборник. Исследования по истории России. – 2012. – Т. 11. – С. 514–536.

127. Ганин, А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком / А. В. Ганин. – Москва: Кучково поле, 2016. – 675 с.

128. Генкина, Э. Б. Борьба за Царицын в 1918 году / Э. Б. Генкина. – Москва: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. – 216 с.

129. Герасименко, Г. А. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции / Г. А. Герасименко, Ф. А. Рашитов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. – 337 с.

130. Герман, А. А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941 гг. / А. А. Герман. – Москва: МСНК-пресс, 2007. – 576 с.

131. Герман, А. А. Оборона Астрахани в 1918–1919 гг. / А. А. Герман, Н. В. Мушкатеров, П. С. Сысоев. – Астрахань: Газета «Волга», 1957. – 55 с.

131. Голдин, В. И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания / В. И. Голдин // Новейшая история России. – Санкт-Петербург, 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 758–772.

132. Головин, Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. / Н. Н. Головин. – Таллин: Imprime en Estonie, 1937. – 164 с.

133. Голуб, П. А. Установление и упрочнение Советской власти в Царицыне / П. А. Голуб. – Сталинград: Книга, 1954. – 232 с.

134. Гончаров, А. В. Саратовское Поволжье в период Гражданской войны (1918–1921 гг.) / А. В. Гончаров, В. Н. Данилов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. – 495 с.
135. Гончаров, В. Л. Возвышение Сталина: оборона Царицына / В. Л. Гончаров. – Москва: Вече, 2010. – 505 с.
136. Горбункова, В. Рабочие Царицына в обороне родного города в 1918 г. / В. Горбункова. – Энгельс: Типография Управления издательств и полиграфии, 1946. – 63 с.
137. Грациози, А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933 гг. / А. Грациози. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 95 с.
138. Дайнес, В. О. Военная стратегия в Гражданской войне (1917–1920) / В. О. Дайнес // История военной стратегии России. – Москва: Кучково поле, 2000. – 592 с.
139. Данильченко, С. Ф. Чапаев и чапаевцы / С. Ф. Данильченко. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1972. – 144 с.
140. Долгова, А. В. Борьба с дезертирством в Красной Армии во второй половине 1919 г. / А. В. Долгова // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки: история и политология. – 2010. – Вып. 3 (83). – С. 340–345.
141. Долгова, А. В. Методы борьбы с дезертирством в годы Гражданской войны / А. В. Долгова // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. – Саратов: Издательство Военного института Внутренних войск МВД РФ, 2012. – Вып. 9. – С. 171–178.
142. Долгова, А.В. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 гг. / А.В. Долгова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2008. – № 7. – С. 39–45.
143. Дудник, В. Всю жизнь – науке (О советском военном деятеле А.Е. Снесареве 1865–1937) / В. Дудник, Д. Смирнов // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 2. – С. 47–57.

144. Захаров, М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы / М. В. Захаров. – Москва: АСТ, 2005. – 766 с.
145. Иванович, Ст. (Португейс, С. О.). Красная Армия / Ст. Иванович (С. О. Португейс). – Париж: Современные записки, 1931. – 243 с.
146. Ионенко, С. И. Роспуск старой армии и проблема безработицы в Поволжье и на Урале (конец 1917 – первая половина 1918 гг.) / С. И. Ионенко // Крестьянское движение в трех революциях. – Москва, 1982. – С. 147–154.
147. История России: в 20 т. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 гг. Кн. 2. Власть. Экономика. Общество. Культура / ред. В. И. Голдин, В. В. Кондрашин. – Москва: Наука, 2024. – 919 с.
148. Кавтарадзе, А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920 гг. / А. Г. Кавтарадзе. – М.: Наука, 1988. – 276 с.
149. Какурин, Н. Е. Гражданская война 1918–1921 гг. / Н. Е. Какурин, И. И. Вацетис. – Санкт-Петербург: Полигон, 2002. – 670 с.
150. Калякина, А. В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922) / А. В. Калякина. – Москва: Кучково поле, 2014. – 303 с.
151. Каминский, В. В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии / В. В. Каминский. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 734 с.
152. Кенез, П. Красная атака. Белое сопротивление, 1917–1918 / П. Кенез. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 285 с.
153. Клюев, Л. Борьба за Царицын (1918–1919 гг.) / Л. Клюев. – Москва; Ленинград: Государственное издательство; Отдел военной литературы, 1928. – 80 с.
154. Кляцкин, С. М. Институт военных комиссаров / С. М. Кляцкин // Военно-исторический журнал. – 1968. – № 4. – С. 123–125.
155. Кондрашин, В. В. История России: в 20 т. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2: Власть. Экономика. Общество. Культура / В. В. Кондрашин, В. И. Голдин. – Москва: Наука. 2024. – 919 с.

156. Кондрашин, В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 574 с.
157. Коркунов, Н. М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. – Т. 1. – 573 с.
158. Кривошеев, Г. Ф. О дезертирстве в Красной Армии / Г. Ф. Кривошеев // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 6. – С. 94–95.
159. Левшин, К. В. Причины дезертирства в Красной Армии 1918–1921 гг. / К. В. Левшин // Новейшая история России. – Санкт-Петербург, 2011. – № 4. – С. 73–79.
160. Лепкова, Е. А. К вопросу об организации советских гражданских и военных учреждений в Царицыне в период гражданской войны / Е. А. Лепкова // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. – Волгоград, 2021. – С. 335–339.
161. Литвин, А. Л. Некоторые итоги и перспективы изучения начального этапа советского военного строительства в Поволжье и Приуралье / А. Л. Литвин // Революционное движение в русской армии в 1917 году. – Москва: Наука, 1981. – С. 275–280.
162. Лукманов, А. Х. «Красные орлы» против «рыцарей белой мечты»: духовная сеча. Моральный дух комбатантов в российской Гражданской войне (ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг.): опыт компаративного анализа / А. Х. Лукманов. – Самара: Издательство Самарского научного центра РАН, 2005. – 418 с.
163. Максимов, К. Н. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней / К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. – Элиста: Герел, 2009. – 840 с.
164. Малая советская энциклопедия: в 50 т. / ред. Б. А. Введенский. – Москва: Большая советская энциклопедия, 1958. – Т. 1. – 1277 с.
165. Маслов, С. С. Россия после четырех лет революции: в 2 кн. Кн. 2: Общие социально-психические перемены. Интеллигенция. Крестьянство.

Рабочие. Армия. Учащиеся. Коммунистическая партия / С. С. Маслов. – Париж: Русская печать, 1922. – 207 с.

166. Медведев, Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.) / Е. И. Медведев. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1974. – 352 с.

167. Медведев, Е. И. Гражданская война и военная интервенция на Средней Волге в 1918 году / Е. И. Медведев. – Куйбышев: Куйбышевский областной институт усовершенствования учителей, 1959. – 206 с.

168. Меликов, В. А. Героическая оборона Царицына / В. А. Меликов. – Москва: Изд. Наркомата обороны Союза ССР, 1940. – 256 с.

169. Милюков, П. Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции / П. Н. Милюков. – Париж: Imprimerie d'Art Voltaire, 1927. – Т 1. – XV, 400 с.; Т. 2. – IX, 281 с.

170. Мовчин, Н. Н. Комплектование Красной армии / Н. Н. Мовчин. – Ленинград: РВС СССР, 1926. – 292 с.

171. Молодцыгин, М. А. Красная Армия рождение и становление 1917–1920 гг. / М. А. Молодцыгин. – Москва: Институт российской истории РАН, 1997. – 231 с.

172. Муклевич, Р. А. Политработа в боевой обстановке / Р. А. Муклевич. – Москва: Авиаиздательство, 1926. – 144 с.

173. Мушкатеров, Н. В. Из истории борьбы большевиков за упрочение Советской власти в Астрахани / Н. В. Мушкатеров, П. С. Сысоев. – Астрахань: Газета «Волга», 1957. – 50 с.

174. Мушкатеров, Н. В. Оборона Астрахани и разгром контрреволюционных сил в Астраханском крае (1918–1920 гг.) / Н. В. Мушкатеров. – Астрахань: Газета «Волга», 1961. – 192 с.

175. Назаров, А. Ф. В бурях рожденная / А. Ф. Назаров. – Саратов: Приволжское издательство, 1968. – 143 с.

176. Назаров, А. Ф. В огне Гражданской войны / А. Ф. Назаров. – Саратов: Книга, 1958. – 64 с.

177. Оликов, С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним / С. Оликов. – Москва: Изд. военной типографии управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 128 с.
178. Осипова, Т. В. Крестьянский фронт в Гражданской войне / Т. В. Осипова // Судьбы российского крестьянства. – Москва: Издательство РГГУ, 1995. – С. 90–162.
179. Очиров, У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.) / У. Б. Очиров. – Элиста: АОр НПП «Джангар», 2006. – 447 с.
180. Очиров, У. Б. Национальный вопрос в политике противоборствующих сторон в период Гражданской войны (на примере Калмыкии) / У. Б. Очиров // Клио. – Санкт-Петербург, 2006. – № 2 (33). – С. 149–155.
181. Полетаев, О. Герои Гражданской войны / О. Полетаев // Военно-исторический журнал. – 1984. – № 3. – С. 58–63.
182. Поляков, Ю. А. «Гражданская война в России (поиски нового видения)» / Ю. А. Поляков // История СССР. – 1990. – № 2. – С. 98–117.
183. Посадский, А. В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге / А. В. Посадский. – Москва: АИРО–XXI; ГПИБ, 2010. – 412 с.
184. Посадский, А. В. Крестьянский фронт, 1918–1922 гг. / А. В. Посадский. – Москва: АИРО-XXI, 2013. – 739 с.
185. Посадский, А. В. Атаманщина и партизанщина в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры / А. В. Посадский. – Москва: АИРО-XXI, 2015. – 856 с.
186. Посадский, А. В. Зелёное движение в гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. / А. В. Посадский. – Москва: Центрполиграф, 2018. – 318 с.
187. Посадский, А. В. Лидеры смуты 1918–1922 гг.: Биографические материалы / А. В. Посадский. – Москва: АИРО-XXI, 2017. – 550 с.

188. Рейли, Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове / Д. Дж. Рейли; пер. с англ. Р.М. Базылевой и др. – Саратов: Слово, 1995. – 395 с.

189. Россия в Гражданской войне. 1918–1922 / редактор А. К. Сорокин. – Москва: Политическая энциклопедия, 2021. – Т. 1. – 846 с.

190. Симонов, А. А. Добровольческий период комплектования Красной Армии и «офицерский вопрос» в Саратове / А. А. Симонов // Сборник научных трудов аспирантов и студентов исторического факультета Саратовского государственного университета. – 2003. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 320–325.

191. Симонов, А. А. Красная армия Саратовского Совета (весна 1918 г.) / А. А. Симонов // Новый исторический вестник. – 2009. – № 3 (21). – С. 57–65.

192. Соколов, Н. Н. Революционный Сталинград / Н. Н. Соколов. – Сталинград: Полиграфпром ОСНХ, 1930. – 64 с.

193. Таубин, Р. А. Разгром кулацкого мятежа Сапожкова / Р. А. Таубин // Борьба классов. – 1934. – № 12. – С. 56–62.

194. Тимофеева, Е. Г. Иностранцы военнопленные на территории Астраханской губернии в годы Первой мировой войны и российской революции / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, Е. Ю. Болотова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22. № 6. – С. 110–121.

195. Тимофеева, Е. Г. Крестьянский протест в Енотаевском уезде Астраханской губернии в годы Гражданской войны / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, А. О. Тюрин // Манускрипт. – Тамбов, 2021. – Т. 14. – Вып. 5. – С. 836–843.

196. Тимофеева, Е. Г. Протестные настроения и выступления крестьян Астраханской губернии в 1918 году / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, А. О. Тюрин // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – Астрахань, 2021. – № 4 (69). – С. 39–44.

197. Ткачёв, И. Борьба за красный Царицын / И. Ткачёв // Война и революция. – 1935. – № 3. – С. 3–14.

198. Ткачёв, И. Первое окружение Царицына (1918 год) / И. Ткачёв // Война и революция. – 1935. – № 1. – С. 7–31.
199. Толкачев, Н. И. Солдаты Октября / Н. И. Толкачев. – Астрахань: Газета «Волга», 1958. – 149 с.
200. Томарев, В. И. Волгоград: хроника истории. 1589–1989 / В. И. Томарев, В. И. Роговицкий. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1988. – 317 с.
201. Томарев, В. И. Пролетариат Царицына в борьбе за власть Советов / В. И. Томарев. – Сталинград: Книга, 1967. – 83 с.
202. Фоменко, М. В. Государственное управление вооруженными силами (октябрь 1917 – август 1923 гг.) / М. В. Фоменко, А. Х. Лукманов. – Москва: Издательство Московского университета, 2009. – 185 с.
203. Френкин, М. С. Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918–1921 гг. / М. С. Френкин. – Иерусалим: Лексикон, 1987. – 251 с.
204. Харьков: Энциклопедический словарь / ред. В. Р. Соловьев. – Харьков, 2014. – 1021 с.
205. Хромов, С. С. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / С. С. Хромов. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 703 с.
206. Черепанов, А. В. Развитие отечественной военной доктрины по материалам дискуссии 1911–1930-х гг.: проблемы внедрения и понимания единой военной доктрины царскими и советскими военными теоретиками / А. В. Черепанов // Clío-science: проблемы истории и междисциплинарного синтеза. – 2019. – Вып. 10. – С. 138–144.
207. Чернова, Г. Астраханский Временный Военно-революционный комитет / Г. Чернова // Исторический журнал. – 1944. – № 12. – С. 16–24.
208. Черушев, Н. С. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941 / Н. С. Черушев. – Москва: Кучково поле, 2012. – 494 с.
209. Чолахян В. А. Особенности демографического перехода в Нижнем Поволжье в 1920–1930-е годы / В. А. Чолахян // Известия Саратовского уни-

верситета. Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – Вып. 2. – С. 223–230.

210. Шкода, Р. В. Красный Верден: Царицын в Революции и Гражданской войне / Р. В. Шкода. – Москва: Планета, 2022. – 221 с.

211. Шубин, А. В. Анархия – мать порядка. Между красными и белыми / А. В. Шубин. – Москва: Яуза; Эксмо, 2005. – 410 с.

212. Ященко, В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923 / В. Г. Ященко. – Москва: URSS, 2008. – 147 с.

213. Erickson, J. The Soviet High Command: A Military-Political History 1918–1941 / J. Erickson. – London: Westview Press, 2001. – 889 p.

214. Figes, O. A People's Tragedy. The Russian Revolution: 1891–1924 / O. Figes. – London: Pimlico, 1998. – 923 p.

215. Kenez, P. Civil War in South Russia, 1918: The First Year of the Volunteer Army / P. Kenez. – Berkeley: University of California Press, 1977. – 378 p.

216. Mawdsley, E. The Russian Civil War / E. Mawdsley. – Boston: Allen & Unwin, Cop., 1987. – 351 p.

217. Pipes, R. The Russian Revolution / R. Pipes. – New York: Knopf, 1990. – 341 p.

218. Raleigh, J. Experiencing Russia's Civil War Princeton / J. Raleigh. – Oxford: Princeton University Press, 2002. – 438 p.

3. Диссертации и авторефераты диссертаций

219. Афанасьев, А. В. Красная гвардия Нижнего Поволжья в Октябрьской революции (март 1917 – май 1918 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Афанасьев Анатолий Владимирович ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1978. – 227 с.

220. Васильев, В. В. Вооруженные Силы Советской России в Саратовском Поволжье: от добровольческих отрядов до 4-й армии Восточного фронта : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Васильев Виктор Викторович ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2007. – 199 с.

221. Васькин, В. В. Солдаты гарнизонов Нижней Волги в борьбе за власть Советов : специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Васькин Василий Васильевич ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1972. – 295 с.

222. Герман, А. А. Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской Социалистической революции : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Герман Аркадий Адольфович ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1985. – 248 с.

223. Дариенко, В. Н. Революция и контрреволюция на Юго-Востоке страны 1917–1920 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Дариенко Василий Николаевич ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1991. – 470 с.

224. Козловский, С. И. Формирование частей на территории Вятской губернии : специальность 07.00.02. «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Козловский Станислав Иванович ; Сыктывкарский государственный университет. – Киров, 2002. – 184 с.

225. Кузнецов, В. А. Военно-политическая деятельность И. В. Сталина в годы военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.) : специальность 07.00.01 «История Коммунистической партии Советского Союза» :

диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Кузнецов Владимир Анатольевич ; Военно-политическая академия им. В. И. Ленина. – Москва, 1991. – 269 с.

226. Кузьмин, А. Б. Губернские и уездные военные комиссариаты в 1918–1920 годах : На материалах Владимирской, Иваново-Вознесенской и Костромской специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Кузьмин Андрей Борисович ; Ивановский государственный университет. – Иваново, 2006. – 220 с.

227. Лузиков, В. К. Формирование и комплектование частей и соединений Красной Армии в 1918–1920 гг. (по материалам Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) : специальность 07.00.02. «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Лузиков Владимир Константинович. – Москва. 2016. – 204 с.

228. Малышева, С. Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография : специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Малышева Светлана Юрьевна ; Казанский государственный университет. – Казань, 1991. – 271 с.

229. Наумов, Е. О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье (на примере 1-й армии Восточного фронта) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Евгений Олегович. – Саранск, 2017. – 297 с.

230. Очиров, У. Б. Калмыкия в период революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.) : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Очиров Уташ Борисович ; Институт российской истории РАН. – Москва, 2007. – 450 с.

231. Поляков, Р. Ю. Военно-мобилизационная работа местных органов военного управления в 1918 – начале 1919 гг.: По материалам Пензенской губернии : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Поляков Роман Юрьевич ; Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. – Пенза, 2003. – 260 с.

232. Суслов, Ю. П. Ленинская аграрная программа и борьба большевиков Поволжья за ее осуществление : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук / Суслов Юрий Павлович ; Академия общественных наук при ЦК КПСС. – Москва, 1969. – 253 с.

233. Фадеев, М. К. Военное строительство в Калмыкии в годы Гражданской войны : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Фадеев Михаил Константинович ; Астраханский государственный университет. – Астрахань, 2004. – 266 с.

234. Фоменко, М. В. Центральные органы управления Вооруженными Силами Советского государства в октябре 1917 – августе 1923 гг. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Фоменко Максим Викторович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2008. – 199 с.